

p 38

pn

113303

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

СОЧИНЕНІЯ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

РАЗСКАЗЫ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

П О С В Я Щ А Ю

С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

Р А З С К А З Ы

НЕУЁМНЫЙ БУБЕНЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Среди достопримѣчательностей нашего города послѣ древняго Прокопьевскаго монастыря съ чудотворною иконою Ѳедора Стратилата, высокихъ древнихъ заново перекрашенныхъ стѣнъ другого, женскаго Зачатьевскаго монастыря и пыльнаго бульвара, затѣйливо освѣщаемаго единственною керосиновою лампочкою, тоже не безъ затѣйливости повѣшенной на проволокъ между рестораномъ и эстрадою для музыкантовъ, послѣ трактира Бархатова, знаменитаго огурцами укропистыми и мѣрными какого-то необыкновеннаго засола и ядренистою бѣлою капустою—за и чикомъ, послѣ дурочки сестрицы Матрены, на которую одни молились, другіе потѣшались, третьи отругивались, наконецъ, послѣ памятника показывали Ивана Семеновича Стратилатова.

И у всякаго, мало-мальски свѣдующаго на этотъ счетъ, было полное согласіе и единодушіе. Скорѣе о монастыряхъ поспорятъ, древность которыхъ уже самой мѣстной ученой архивной комиссіей доказана, скорѣе въ бульварѣ усумнится какой-нибудь глупдырь заволжскій, либо въ томъ же прославленномъ памятникѣ, но въ Стратилатовѣ никто и никогда, это дѣло немыслимое.

Двадцати лѣтъ началъ онъ свою судейскую службу въ

длинной, низкой, законченной канцелярѣи уголовнаго отдѣленія, во второмъ этажѣ, и вотъ ужъ минуло сорокъ лѣтъ. много съ тѣхъ поръ смѣнилось секретарей, еще больше кандидатовъ — все чужой, наплывной народъ, а онъ все сидѣлъ себѣ за большимъ, изрѣзаннымъ ножами столомъ у окна, выходящаго въ стѣну трактира, около которой испоконъ вѣку складывались дрова, и переписывалъ бумаги.

Поговорите-ка, кого-кого онъ только не знаетъ, какихъ губернаторовъ не вспомнить, о которыхъ давно ужъ всё позабыли, да что губернаторовъ! — председателя перваго суда помнить.

Вонъ Адрианъ Николаевичъ, правда, волосу много, архіерейскимъ гребнемъ не продерешь, а успѣлъ таки ноги пропитъ, и сколько тамъ ни мудрить секретарь Лыковъ, сажая безногаго параличнато писца для обузданія въ архивный шкафъ подъ запоръ, пропѣтъ и послѣднюю свою голову. Нѣтъ, Стратилатовъ не чета Адриану Николаевичу и столы-то ихъ не рядомъ, а другъ противъ друга, и не даромъ пишущую машину между ними поставили: водки Иванъ Семеновичъ отродясь не зналъ, что это за водка, да и кандидатская пушка въ тоненькомъ мундштукѣ никогда не соблазняла его, не куриль.

— А за то живъ и здоровъ, — пояснялъ Стратилатовъ, — прожилъ шестьдесятъ лѣтъ, проживу и сотню, проживу сотню, дотяну до другой: въ первыя времена по пять сотъ благочестивые люди жили и все такое.

По словамъ Лукьяна, сторожа, за всѣ сорокъ лѣтъ съ Стратилатовымъ ровно и переменъ-то никакой не произошло, цѣль, какъ цѣлыни ягоды, либо яйца. Положимъ, это и не совсѣмъ такъ — Лукьянъ кривой, на лѣвый не видитъ — а все-таки Иванъ Семеновичъ еще молодцомъ и крѣпокъ, какъ крѣпкій хрѣнъ, хоть куда. Само собою, курчавыхъ черныхъ волосъ, о которыхъ не разъ проговаривался Стратилатовъ, кудрей этихъ — дѣвѣей сухоты и въ поминѣ нѣтъ;

чисто, гладко—плѣшь во всю голову, отъ бровей до затылка, вотъ какая! Но что за бѣда, съ плѣшью даже удобнѣе: деревяннаго масла меньше расходуется да и муху на плѣши легче убить, притомъ она ему и къ лицу какъ-то. Это товарищъ прокурора обязательно долженъ бобрикомъ стричься да чтобы руки были большія бѣлыя, какъ бѣлыя перчатки, съ рубинчикомъ на мизинцѣ, а у Ивана Семеновича и руки-то самыя обыкновенныя; пальцы въ родѣ лопаточекъ.

— Плѣшь — украшеніе мужчины,—говорилъ самъ Иванъ Семеновичъ и не безъ гордости.

Другой сторожъ Горбуновъ, которому Иванъ Семеновичъ считаетъ своимъ долгомъ всякую субботу всучить душеспасительную картинку, такой же, какъ Лукьянъ, ветхій, и хотъ смотреть въ оба, а тоже перемѣны никакой не видитъ и только на уши указываетъ, что какъ-то широко они очень у Ивана Семеновича да длинны ни на какую статью, и словно бы въ тѣ еще времена, какъ жива была покойница мать Стратилатова, да первымъ охотникомъ слылъ Стратилатовъ по городу, словно бы тогда за черными кудрями они и не такъ торчали, не заострялись такъ кверху.

Что правда, то правда: уши большія — ушанъ, спору нѣтъ, но посмотрите, когда спитъ Иванъ Семеновичъ, видите незамѣтно въ его спальню, когда послѣ обѣда, распластавшись на продавленномъ тюфякѣ и голову закинувъ на промасленную, какъ блинъ, подушку, лежитъ онъ на своей колченогой желѣзной кровати, они и совсѣмъ ничего: разлопушатся листомъ по подушкѣ, сразу и не замѣтишь. Вся причина, должно быть, въ сѣрой жокейской шапочкѣ съ пуговкою, которую носить Иванъ Семеновичъ, это отъ нея.

Остаются очки—безъ нихъ Стратилатовъ шагу не ступить, всегда на носу,—и не свѣтлыя, какъ у Адриана Николаевича, а дымчатыя—консервы, а изъ-подъ очковъ чуть замѣтные полузакрытые вѣками, мутные глазки и бѣлки, такіе желтоватые съ красными жилками.

Такъ-то оно такъ, но самъ-то Иванъ Семеновичъ утверждаетъ совсѣмъ другое: очки, все равно, какъ и калоши, носить онъ больше для виду, а глаза у него голубые. Чѣмъ чортъ не шутить, можетъ быть, они и вправду у него голубые и только изъ-подъ дымчатыхъ очковъ такими кажутся мутными съ желтоватыми бѣлками,—обманъ зрѣнія.

Шестьдесятъ лѣтъ стукнуло Стратилатову — седьмой десятокъ пошелъ, сорокъ лѣтъ, какъ сидитъ онъ въ судѣ да бумаги переписываетъ и за всѣ сорокъ лѣтъ не пропустилъ ни одного дня и во всѣ дни никогда не отлынивалъ отъ дѣла, а перемѣны, какъ видно—какая же перемѣна?—въ банѣ подъ паромъ, подбери онъ только живогъ, и совсѣмъ за своего помощника Забалуева сойти можетъ, а Забалуевъ писарь—ё р а-мальчишка.

— Собачья старость! — ухмыляясь, говорилъ Адрианъ Николаевичъ, подмигивая изъ-подъ очковъ на своего сослуживца, и говорилъ такъ безногій, конечно, больше насмѣшки ради, чтобы поиздѣваться или просто изъ зависти, ибо всегда былъ и останется, по мѣткому опредѣленію Ивана Семеновича, обуянъ бѣсомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какой иной смыслъ въ этой собачьей старости, чередующейся съ Гекубой, Голгофой, Аваріей, Объектомъ, Сферой, Раутомъ, и тому подобными ни на что не похожими выраженіями, по крайней мѣрѣ, никакой видимой связи не имѣющими съ Стратилатовымъ: сидитъ вотъ такъ, сидитъ, бумаги переписываетъ, либо прошеніе сочиняетъ, либо всей пятерней разглаживаетъ свою клочкастую рыжую бороду, да съ пьяныхъ глазъ и пуститъ черезъ столъ что-нибудь въ такомъ родѣ, а всѣ чиновники такъ смѣхомъ и заливаются, со смѣха мрутъ. Ну, да вѣрь всякому вздору, говорить съ безногимъ,—гороху наѣсться, и то мало, сказано: обуянъ бѣсомъ.

Другое дѣло всѣхсвятскій дьяконъ Прокопій, въ домѣ котораго вгнѣздился Стратилатовъ. Прокопій, когда рѣчь

заходила о безпримѣрной крѣпости и не по лѣтамъ цвѣтущемъ видѣ неутомоннаго жильца, ссылался на естество.

— Естество,—говорилъ дьяконъ, потягивая свою рыжую рѣдкую бороденку,—такое естество, его же уставы поправить невозможно.

И, пожалуй, дьяконъ былъ правъ.

Какъ яйцо круглый и полный, во всю щеку румянецъ, да такой румяный — малина, а губы—сирень-цвѣтъ, другого не подберешь, и надъ губою—пушекъ, либо такъ углемъ по губѣ кто провелъ, съ масленицы осталось, носъ—его за три версты увидишь—длинный, и все такое сытое да наливное, сахарное.

— Когда буду старымъ, отпущу бороду,—не безъ удовольствія объявлялъ до синя выбритый и даже кое-гдѣ поцарапанный отъ тщательнаго бритья Иванъ Семеновичъ и молодецкато вытягивался на своихъ жилистыхъ тонкихъ ножкахъ, инда утроба вся вздрагивала, стойкій, этакъ вставалъ открыто плѣшью къ солнцу, крѣпко и твердо упираясь на свои огромныя тяжелыя ступни: вотъ, моль, я—голова.

И всѣ, какъ одинъ, соглашались, что Стратилатовъ—голова, какихъ мало, но тотъ же Адрианъ Николаевичъ не пропускалъ и тутъ случая позубоскалить.

— У тебя не голова, — ухмылялся безногий, — у тебя такъ, братъ, головка!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Всякій день по утру часовъ въ семь, когда по домамъ еще бродитъ сонъ, послѣдній, но зато самый сладкій и такой крѣпкій, что ни стукомъ дровъ, ни колокольнымъ звономъ— а звонятъ и въ Прокопьевскомъ, и въ Зачатьевскомъ, и въ приходскихъ церквахъ—никакими силами, кажется, не одолѣть и не выгнать его за дверь въ сѣни, когда однѣ лишь торговки съ молокомъ и корзинами идутъ на базаръ и кри-

чать, какъ только умѣютъ кричать однѣ лишь торговки, да бѣгутъ чиновники въ казенную палату, въ этотъ ранній заботливый часъ, проходя по Поперечно-Кошачьей, легко столкнуться лицомъ къ лицу съ Стратилатовымъ.

Зимою онъ въ ватномъ пальто, на шею намотанъ красный гарусный шарфъ, лѣтомъ въ сѣромъ люстриновомъ пиджачкѣ и въ сѣрой жокейской шалочкѣ съ пуговкою, изъ кармана непремѣнно торчитъ пестрый платокъ, подъ мышкою синій мѣшочекъ съ сахаромъ, и всегда калоши.

И если бы вдругъ подъ какимъ-нибудь волшебнымъ глазомъ такъ все измѣнилось: перескочили бы усики-пушокъ, долгій носъ, малиновый румянецъ и сама гладкая, смазанная деревяннымъ масломъ стратилатовская плѣшь на другую и совѣмъ непоказанную голову, на полиціймейстерскую — на самого Жигановскаго, а жигановскіе усы на председателя — старичка чахоточнаго, безвозвратно перетерявшаго за упорными болѣзнями всю свою природную отклику, а самъ Стратилатовъ превратился бы въ какого-нибудь кита, свинью, мышъ или бѣлою лебедью поднялся бы со стаей лебедей надъ Волгою, все равно по одному этому синему мѣшочку и калошамъ ни съ чѣмъ его не спутаешь.

Какъ въ судѣ, такъ и въ другихъ казенныхъ учрежденіяхъ, чиновники обыкновенно пьютъ чай въ складчину, сахаръ обходится въ мѣсяцъ семнадцать копѣекъ на брата. По расчетамъ же Стратилатова выходило, что выгоднѣе носить свой сахаръ. Вотъ почему неразлученъ съ Иваномъ Семеновичемъ синій мѣшочекъ, и это всемъ извѣстно. Что же касается калошъ, то по огромности своей стратилатовскія не уступятъ даже и тѣмъ, что въ витринѣ у Охлопкова для ротозѣевъ выставлены, и изъ тысячи въ какой угодно толпѣ выдѣляются, притомъ съ перваго же взгляда въ глаза бросится, что и надѣты-то онѣ только для виду: сапоги у Стратилатова рантовые, солдатскіе, изъ толстой грубой кожи, которую ни дождь, ни морозъ не беретъ, и одни сами по

себѣ безъ всякихъ калошъ прекрасно скрадываютъ пространство

Поднявшись въ шесть подъ всѣхсвятскій благовѣсть и помолвившись Богу, а Иванъ Семеновичъ молится долго и усердно, выбрившись и поворчавъ на Агапевну, съ незапамятныхъ временъ прислуживающую у Стратилатова, послѣ утренняго чаю отправляется онъ по Поперечно-Кошачьей на толкучку, гдѣ съ часъ и толчется около всякаго старья и книжныхъ ларей будто безглазый, въ своихъ темныхъ очкахъ, какъ-то носомъ что ли высматривая заброшенное добро, сваленное, какъ попало, вперемежку съ пустяками.

Толкучка для Стратилатова не праздное развлеченіе празднаго человѣка, толкучка для него—существованіе, дѣло, какъ для врача эпидемія, для адвоката разбой, для газетчика несчастное происшествіе; и не изъ тридцати - рублеваго чиновничьяго жалованья, а черезъ эту толкучку лежало у Стратилатова въ государственномъ банкѣ неприкосновенно цѣлыхъ десять тысячъ.

— Умные люди всегда устроятся, дураки никогда не умѣютъ!—такъ говорилъ Стратилатовъ.

Еще въ свои молодые годы занялся Иванъ Семеновичъ промысломъ—продажею старинныхъ вещей. Купить удавалось ему всегда за дешево—безъ кошелька не выходилъ на толкучку и, пока другіе зѣвали, бралъ безъ всякихъ проволочекъ облюбованную вещь, а затѣмъ сбывалъ ее за хорошую цѣну столичнымъ скупщикамъ. Такъ скупая и перепродавая, сколотилъ себѣ Стратилатовъ капиталъ.

Нашъ городъ стариною славится.

Но не одна выгода, также и страсть гнала Ивана Семеновича на толкучку и не меньшая, чѣмъ у сосѣда его Тарактеева, мучного торговца, начетчика и нумизмата, и самъ онъ не прочь былъ изъ-за какой-нибудь гравюры, качества весьма подозрительнаго и вовсе не принадлежащей Рембрандту, которому любилъ приписывать всѣ безъ исклю-

ченія свои гравюры, такъ разсориться съ пріятелемъ, какъ недавно еще поссорились на всю жизнь городской врачъ Лихаревъ съ архитекторомъ Барановымъ изъ-за какихъ-то кресель, будто бы петровскихъ, и не все продавалъ онъ изъ добытыхъ драгоценностей, оставляя себѣ кое-что и дѣйствительно цѣнное. И вотъ почему среди судейскихъ чиновниковъ одинъ Борисъ Сергѣичъ Зимаревъ—помощникъ секретаря и непосредственный начальникъ Стратилатова за умѣнье свое точно и вѣрно опредѣлять древности снискалъ у него искреннее уваженіе и даже дружбу.

Въ нашемъ городкѣ всякій во всемъ понимаетъ толкъ, да какъ-то безъ толку.

Къ девяти Стратилатовъ въ судѣ. Онъ приходитъ первый, раньше всѣхъ, и только за послѣднее время секретарь Лыковъ не отстаетъ отъ него, а иногда и предупреждаетъ, но Лыковъ—исключение и вообще на настоящихъ прежнихъ секретарей ничуть не похожъ. Прокурора Лыковъ не боится, а прокурора всѣ боятся, языкъ у Лыкова не лопотунъ, нѣ жало, а попадешь ему на языкъ,—въ когтяхъ у чорта уютнѣе просмѣть, отбрѣть, и все напрямикъ въ глаза жарить безъ обиняковъ, безъ околичностей, безъ лжи и лести, а когда смѣются—бровью не двинетъ, точно замкомъ запертъ, и такъ законы знаетъ, будто самъ сочинялъ ихъ.

Стратилатовъ является въ судѣ не съ пустыми руками: кромѣ синяго мѣшочка съ сахаромъ, онъ приноситъ съ толкучки какую-нибудь старую вещь—картину, икону, книгу либо такъ мелочь. И первымъ дѣломъ сложить покупку за свой стулъ къ стеклянной горкѣ, гдѣ хранятся бланки, бумага и другія канцелярскія принадлежности, затѣмъ высморкавшись такъ, что вся горка звякнетъ и ей отзовется другая съ разбитымъ стекломъ, отъ Адриана Николаевича, подложивъ подъ локти по листу чистой бумаги, чтобы рукавовъ не засалить, обсосетъ перо и примется за переписку.

До двѣнадцати лучше не беспокоить Стратилатова: въ

двѣнадцать секретарь потребуеть отъ него исполненіи по предыдущему дню и, хочешь-не-хочешь, подавай бумаги, а не подашь, Лыковъ потачку давать не любитъ, такой столбнякъ, нагонитъ, своихъ не узнаешь.

И не столько выговоръ, сколько само по себѣ ослушаніе страшитъ Ивана Семеновича. Начальству онъ преданъ, страхъ передъ нимъ знаетъ, и чѣмъ выше начальство или, какъ говорится, иное какое усмотрительное лицо, тѣмъ страхъ сильнѣе: поджилки дрожатъ, ноги подкашиваются, ножки тараканьи вырастаютъ и до слезъ обуяетъ трепеть, до потери всякаго соображенія, до полнаго забвенія нужнѣйшихъ житейскихъ обстоятельствъ, какъ то, имени, отчества и фамиліи, возраста, пола и положенія, когда, напримѣръ, случается столкнуться ему въ прихожей съ предсѣдателемъ, съ которымъ ни разу во всю свою жизнь не сказалъ онъ ни одного слова. Нѣтъ, лучше не беспокоитъ Ивана Семеновича.

Но лишь только секретарь уѣдетъ съ докладомъ и останется вмѣсто него всего-навсего одинъ его столъ, заваленный дѣлами, тутъ-то и наступаетъ самое подходящее время побесѣдовать съ Стратилатовымъ. Онъ становится неистощимъ и разговорчивъ: отъ одного къ другому собираетъ онъ всѣхъ чиновниковъ и, пришепетывая отъ удовольствія, пускается во всѣ тяжкія—всякія исторіи, всякія приключенія, всякія похождения историческія, современныя и даже анокрифическія, изъ отреченныхъ книгъ заимствованныя, въ родѣ Иовѣсти о Ноевомъ ковчегѣ, и всѣ, какъ на подборъ, содержанія весьма тонкаго, жаритъ онъ на память, какъ по писанному, пересылая анекдотами, шуткою и такъ попутными замѣчаніями, тоже по смыслу своему исключительной легкости, затѣмъ переходитъ къ стихамъ, извѣстнымъ больше въ рукописномъ видѣ, нежели изъ печатныхъ книгъ, въ родѣ знаменитой Первой ночи, и декламируетъ поэмы на распѣвъ, съ замираніемъ—по театральному.

Что за смѣхъ подымается!—Вотъ лопнешь, вотъ со смѣху

надсадишь бока, нѣтъ ему тына, ни помѣхи—три кандидата за столомъ Стратилатова да три за противоположнымъ у Адриана Николаевича, помощникъ Стратилатова писарь Забалуевъ да Адрианъ Николаевичъ безногій съ своимъ помощникомъ писаремъ Корявкой—кто хохочетъ, кто сопитъ, кто взвизгиваетъ, кто просто подक्रякиваетъ, а самъ Иванъ Семеновичъ такъ ржетъ, пыль подымается, пылинки летятъ, точно перетряхиваютъ сданныя въ архивъ пропыленные дѣла.

Другому бы и не въ мочь, другой угорить, но какъ разъ именно этотъ-то воздухъ и дѣйствуетъ на Стратилатова благоприятно: хлѣбомъ не корми, дай подышать.

Разгорячается воображеніе, вылетаютъ слова все игривѣе и забористѣе, да такое загнетъ, небу жарко. И ужъ не пришепetyваетъ, а словно въ бубень бьетъ, молодецкато вытягивается на своихъ жилистыхъ тонкихъ ножкахъ, инда утроба вся вздрагиваетъ, стойкій, этакъ встаетъ открыто плѣшью къ солнцу, и она гладкая, смазанная масломъ, масленистая румянится, какъ обѣ щеки, малиновымъ румянцемъ.

— Не уемный бубень! — взываль, трясясь отъ хохота, безногій Адрианъ Николаевичъ.

Когда въ прокурорскій надзоръ стали поступать для уничтоженія конфискованныя книги по статьѣ, какъ говорилось въ протоколѣ, соблазнительнаго ихъ характера, Стратилатовъ, имѣя ходы, получалъ такія неудобныя книги, внимательно строчка за строчкою прочитываль ихъ и, выудивъ мѣста наиболѣе интересныя и занимательныя, преподносилъ чиновникамъ къ всеобщему удовольствію и развлеченію всей канцеляріи и такъ же ржалъ, какъ при какой-нибудь Азбукѣ или при Воспоминаніяхъ вдоваго священника—чтенія довольно излюбленнаго и ходового, и такъ же подымалась вокругъ пыль, летѣли пылинки, точно перетряхивали сданныя въ архивъ пропыленные дѣла.

— Грязный чѣловѣкъ!—такъ отзывался, не иначе секретарь о Стратилатовѣ, имѣя въ виду эту самую падкость Стратилатова на предметъ исключительный.

Какъ огня, боялся Иванъ Семеновичъ Лыкова, но это мнѣніе о себѣ пронускалъ онъ мимо ушей, не трогало оно его и не могло уколоть. Слава Богу, за сорокъ-то лѣтъ безпорочной службы носъ его кое-что чуялъ, и пускай Лыковъ—законникъ, пускай аккуратень, какъ нѣмецъ, и всѣхъ въ страхъ держитъ, а все-таки — тутъ Иванъ Семеновичъ отдалъ бы руку на отсѣченіе—Лыковъ революціонеръ. Революціонеровъ же Стратилатовъ за людей не признавалъ, а такъ за шушера, выдѣляя лишь однихъ декабристовъ.

— Только благородные и могутъ бунтовать, а это все шушера!—вотъ подлинныя слова Стратилатова.

Молодежь — чиновники, не относясь къ Стратилатову такъ брезгливо и строго по-лыковски, насмѣхались надъ нимъ и изводили его, когда ему совсѣмъ было не до смѣха, и чаще при спѣшныхъ дѣлахъ до чаю, за развлеченія же и за то, что давалъ займы; пожалуй, даже любили.

Стратилатовское правило всѣмъ хорошо извѣстно: попроси—не откажетъ и расписки не надо и только для порядку, когда ужъ возвратишь долгъ, попросить расписаться, вытащить изъ кармана сложенный въ восьмушку листъ съ записями и укажетъ твою фамилію:

— Отмѣтьте, что получено.

Мудрое правило, всѣми оцѣненное по достоинству.

И вотъ почему въ три часа, когда изъ суда вываливалась компанія молодыхъ чиновниковъ и притомъ далеко не чинно, а шумно и безалаберно, это значило, что выходить Стратилатовъ.

По дорогѣ домой обыкновенно онъ оканчивалъ спутникамъ начатый еще въ судѣ рассказъ, но тонкости своей, какъ всегда, требующій большой выразительности, прерывая свою кудрявую рѣчь, и совсѣмъ не въ ущербъ ей,

лишь у церквей, такъ какъ считалъ своимъ долгомъ, по-ровнявшись съ церковью, обязательно помолиться, а молился Иванъ Семеновичъ долго и усердно.

Такъ мирно въ веселой компаніи да въ пріятныхъ разговорахъ послѣ дневныхъ трудовъ добирался Стратилатовъ до Всѣхсвятской церкви. Миновавъ Всѣхсвятскій алтарь, окруженный могильными крестами, приходящимися какъ разъ противъ оконъ его гостиной, заворачивалъ онъ на свой дворъ и шелъ по дорожкѣ важно, степенно и благопрістойно, какъ подобаетъ чиновнику, заглядывая черезъ свои темныя очки въ окна смежной квартиры полицейскаго надзирателя и предвкушая обѣдъ, щи какія-нибудь горячія, которыя изждались его, уирѣвая въ печкѣ за розовою занавѣскою, какъ изждалась старуха Агапевна, принимавшаяся уже нѣсколько разъ раздувать рыжимъ стратилатовскимъ сапогомъ непослушный пузатый никелированный самоваръ—ва з о й, и, дойдя до амбара, гдѣ хранилась старинная мебель, сундуки и всякіе мѣшки, опять заворачивалъ, ускоряя шагъ при видѣ узенькаго крыльца и покосившейся, обитой войлокомъ и клеенкой, захватанной драпой двери.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Откуда и какъ пошелъ Стратилатовъ, въ точности не выяснено. Отецъ его изъ крѣпостныхъ—управляющій въ имѣніи одного изъ крупныхъ, впослѣдствіи разорившихся помѣщиковъ нашей губерніи, нѣкоего Обернибѣсова, мать обернибѣсовская крѣпостная. А между тѣмъ, самъ Иванъ Семеновичъ не безъ таинственности заявлялъ, что мужицкаго въ немъ ни вотъ эстолько!—и что онъ—дитя дворянское и, какъ на нѣкоторое будто бы неопровержимое доказательство, тоже не безъ таинственности и съ видимымъ удовольствіемъ, указывалъ на это мѣсто, какъ самъ любилъ вы-

ражаться,—на свой длинный носъ, который за три версты увидишь.

Опровергать не опровергали, никто этимъ не занимался, и самъ вольнодумствующій Адрианъ Николаевичъ какъ будто тоже ничего не имѣлъ противъ, даже наоборотъ, былъ какъ-то особенно заинтересованъ и при случаѣ считалъ своимъ долгомъ высказать собственныя догадки о таинственномъ зачатіи Стратилатова.

Адрианъ Николаевичъ утверждалъ, что это мѣсто—носъ стратилатовскій—ровно ничего не доказываетъ, а если и доказываетъ, то какъ разъ противное: вѣдь и послѣднему дураку ясно незаконнѣйшее его происхожденіе отъ законнаго родителя—наслѣдство простого человѣка, другое дѣло, будь на немъ родинка или еще какое украшеніе, а что вотъ другое мѣсто и не менѣе выдающееся—стратилатовскія лопухатыя уши, заостренныя кверху, подлинно самое настоящее высшей породы—обернибѣсово и, если ужъ ссылаться, такъ именно на уши и отнюдь не на носъ.

Ошибался ли Иванъ Семеновичъ, а Адрианъ Николаевичъ былъ правъ, или, наоборотъ, Иванъ Семеновичъ былъ правъ, а Адрианъ Николаевичъ ошибался, разобраться въ такомъ мудреномъ дѣлѣ сверхъ силы человѣческой и лучше всего, да такъ и наитіе подсказывало, положиться на обоихъ, вѣруя тому и другому—и въ носъ и въ уши.

Дѣтство Стратилатовъ провелъ въ обернибѣсовской старинной усадьбѣ и воспитаніе получилъ, какъ кажется, подъ стать таинственному своему зачатію. Смутно и путанно вспоминалъ Иванъ Семеновичъ свои ранніе годы, теченіе которыхъ будто бы складывалось возвышенно и необыкновенно.

Ужъ само крещеніе было необыкновенно. Крестили его не въ купели, а черезъ шапку. И произошло все это при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Было въ тотъ годъ на селѣ безпоповье—умеръ священникъ, а родился

Иванъ Семеновичъ зимою слабенькій—везти такого за сорокъ верстъ въ ближайшій приходъ было невозможно. послали Егора, столяра обернибѣсовскаго, въ то село къ священнику. А священникъ ѣхать не можетъ—храмовой праздникъ. Что дѣлать? Да, вотъ что дѣлать: окрестилъ батюшка шапку и далъ ее Егору, чтобы тотъ, какъ пріѣдетъ, надѣлъ бы ее на младенца, и ужъ никакого крещенія больше не надо. Спряталъ Егоръ шапку, поѣхалъ, верстъ двадцать отъѣхалъ, вывалился на ухабѣ,—имя-то и забылъ. Повернулъ назадъ и прямо къ священнику, а попъ имени не хочетъ говорить: „Дай,—говорить,—двугривенный, скажу“. Егоръ ему полтину—деньги-то управляющаго!—да на радостяхъ въ трактиръ, выпилъ, обогрѣлся, шапку-то и потерялъ. Шапченка старенькая, грошъ ей цѣна, да съ пустыми руками тоже вернуться неловко. Едва отыскалъ какую-то, да скорѣе домой. Надѣли ее на младенца, такъ черезъ шапку и окрестили. Вотъ такая исторія!

Росъ онъ смышленнымъ, рано выучился грамотѣ,—скоро она ему въ умъ далась, и умѣлъ изъ ружья стрѣлять, рано пристрастился къ чтенію, перечиталъ много и разнаго, но больше божественнаго, пробовалъ и самъ сочинять, писалъ стихи. Семнадцати лѣтъ по смерти отца своего переселился съ матерью въ городъ, въ домъ всѣхсвятскаго дьякона Прокція. Изъ деревни вывезено было много всякаго добра и, можетъ быть, оно-то и легло въ основаніе тѣмъ собраніямъ рѣдкостей, какимъ славился Иванъ Семеновичъ, и положило начало его промыслу.

О законномъ отцѣ своемъ Стратилатовъ самъ никогда не вспоминалъ, а на разспросы отвѣчалъ неохотно и говорилъ не иначе, какъ съ какою-то горькою обидою и даже съ презрѣніемъ, и единственно за то, что отецъ простой—мужикъ. Мать же свою обожалъ, ухаживалъ за нею, холилъ, жалѣлъ и берегъ пуще себя, чуть не молился на нее—примѣрнѣе и почтительнѣе не найденъ сына, а послѣ смерти

ея сохранилъ самыя трогательныя воспоминанія, и кровать краснаго дерева съ бронзовыми маленькими крылатыми львами и вѣнчиками, на которой спала она, стояла подъ чехломъ въ сараѣ неприкосновенно.

— Мнѣ ничего для мамани не жалко, — рассказывалъ, бывало, Иванъ Семеновичъ, — я навѣрное знаю, что она помереть, но все-таки шесть рублей восемьдесятъ семь копѣекъ потратилъ на лѣкарство. Такъ мнѣ скучно было, мѣста не нахожу, некому чаю налить.

Годъ спустя послѣ смерти матери, справивъ поминки, Стратилатовъ женился.

Рассказывали, что въ день свадьбы послѣ вѣнца, когда разошлись гости, провелъ онъ ночь одинъ, затворившись въ гостиной, и, стоя на молитвѣ, боролся съ собою.

— Иванъ, опомнись! Иванъ, побори! — такъ будто бы укорялъ Иванъ Семеновичъ и обуздывалъ себя до самаго утра, и взошло солнце, и все-таки не поборолъ, за то ужъ на слѣдующій день въ радости пѣсни пѣлъ.

Жену онъ взялъ себѣ молодую, красивую. Глафира Никаноровна тихая, кроткая, рѣдко слово услышишь и одна забота, что о своемъ Ванечкѣ, да такая усердная и желанная, любо дорого посмотреть, и по-старинному: руки съ подносомъ, ноги съ подходомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ, — чего еще, живи, какъ Адамъ въ раю, — а между тѣмъ на другой ужъ годъ Стратилатовъ снова остался въ одиночествѣ.

Надо сказать, что объ эту пору назначили въ нашъ судъ новаго слѣдователя — молодой человекъ, весельчакъ, большой шалопутъ и, хоть ни въ какомъ родствѣ не состоялъ съ Стратилатовымъ, фамилія одна и та же — Стратилатовъ.

Бываютъ же такія досадныя совпаденія: живетъ человекъ тихо, никого не трогаетъ, все тебя знаютъ и ничего за тобою не числится, и хватъ, въ одинъ прекрасный день

появляется нѣкто съ твоей фамиліей и все перевертывается— ты ужъ тотъ да не тотъ или не совсѣмъ тотъ, потому что есть еще и другой, дѣли съ нимъ свое имя, дѣли и всякую пакость. И появляется тебѣ этотъ самый съ твоей фамиліей не въ какомъ-нибудь головоломномъ фантастическомъ смыслѣ—не отъ разстройства и дурного воображенія, а самымъ живымъ и осязаемымъ образомъ, съ метрикою и даже съ положеніемъ, и тутъ-то подымается проклятая мысль: а что если этотъ новоявленный—настоящій, а ты—поддѣлка?

Задумался Иванъ Семеновичъ и сталъ все думать и всякія строить предположенія: что все это значило, и къ чему бы это такое было, и нѣтъ-ли тутъ какого знаменія, и кто настоящій, онъ-ли Стратилатовъ или тотъ, слѣдователь Стратилатовъ? И, ничего опредѣленнаго не рѣшивъ, насто-рожился.

Все шло по хорошему, не случилось никакого недоразумѣнія, не было путаницы и подмѣны, и ужъ собирался было Иванъ Семеновичъ къ новому году выкинуть изъ головы всѣ свои опасенія и окончательно утвердиться, что онъ и есть самый настоящій Стратилатовъ, а слѣдователь—поддѣлка. И вотъ, словно бы нечистое что, потянуло его на именины къ Артемію, старому покровскому дьякону.

Какъ всегда именины Артемія справлялись хмельно и весело. Навалило гостей, хозяина съ ногъ сбили. Много было барышень и много подавалось угощенія. Стратилатовъ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа, набилъ полные карманы лакомствами для своей Глафиры Никаноровны, философствовалъ съ зачатъевскимъ Ахитофеломъ — протопомъ о. Пахомомъ, щеголяя своею ученостью и въ оборотахъ рѣчи употребляя отборныя слова, вродѣ какого-нибудь паки-теченія, онъ-сицы, непщеванія, гобзованія и тому подобныхъ замысловатостей, впадать и не впадать, а когда стали въ фанты играть, засыпалъ остро-тами, а за верблюжымъ скаканьемъ, какъ выражался Арте-

мій,— за танцами, смѣшилъ анекдотами, рассказами о Карапетѣ Карапетовичѣ и его пріятелѣ, о преимуществѣ новыхъ языковъ передъ древними, про смекалку, жую ремешки и про другіе не менѣе забавные случаи, да такъ и не замѣтилъ, какъ ужинать подали. И вотъ за ужиномъ среди всякихъ шутокъ, когда гости стали похваляться другъ передъ другомъ, расхвастались, послышалось ему, что въ пьяномъ углу заговорили о Глафирѣ Никаноровнѣ, сталъ прислушиваться— такъ и есть, о ней, и все въ выраженіяхъ самыхъ иносказательныхъ и равнодушныхъ, затѣмъ кто-то сказалъ:

— Эхъ ты, слѣпая курица, чего говоришь зря, по уши врѣзалась она въ Стратилатова, ихъ и водою не разольешь.

Выронилъ Иванъ Семеновичъ вилку, какъ обухомъ ударило его по лысинѣ: представился ему вертлявый слѣдователь Стратилатовъ, вспомнились ему всѣ предчувствія. вся тревога, и такъ зарябило въ глазахъ, такое сердце взяло, что самъ бы себѣ языкъ перекусилъ. Подъ предлогомъ внезапнаго внутренняго разстройства, Иванъ Семеновичъ вылѣзъ изъ-за стола вонъ и, сломя голову, безъ шапки, бросился домой. Какъ добѣжалъ, не помнитъ, бѣшенный ворвался въ домъ и прямо съ кулаками на Глафиру Никаноровну.

— Вонъ, вонъ изъ моего дому!

Та со сна ничего не понимаетъ.

— Куда, говорить, мнѣ дѣваться?

А онъ ее за косы, да такъ, что косы остались въ его рукѣ, пихнулъ къ дверямъ, да за дверь, да какъ садепеть колѣнкою съ крыльца:

— Къ Стратилатову, вотъ куда, къ паршивцу своему Стратилатову, чтобы и духу твоего не пахло.

Такъ и выгналъ ни за что, ни про что, и безкосою.

Глафира Никаноровна сама послѣ всю эту исторію всѣмъ рассказывала и со всѣми подробностями, жалуясь на свою горькую, сиротскую долю. Иванъ Семеновичъ молчалъ,

и не поминай ему—уши затыкаль, когда говорили о женѣ его, имени ея не хотѣль слышать. А когда, и это еще со-всѣмъ недавно, помощникъ Адриана Николаевича, писарь Корявка прошелся съ пьяну на счетъ неудавшихся браковъ, вообще, и хоть имена умолчалъ, но очень ужъ прозрачно. Иванъ Семеновичъ схватилъ чернильницу и пустилъ ее въ Корявку,—въ Корявку не попалъ, промахнулся: у секретарскаго стола грохнулась чернильница и осталось до сихъ поръ черное пятно. Значить, и черезъ тридцать лѣтъ все еще кипѣло и мучило,—вотъ какія бываютъ искушенія!

Слѣдователя Стратилатова въ тотъ же годъ перевели отъ насъ, Глафира Никаноровна доживала вѣкъ у своей матери, тихая и кроткая.

Одному оставаться въ домѣ невозможно: и скучно, и неудобно, да и за домомъ надо чтобы присмотръ былъ. Не устроилъ Стратилатовъ себѣ тихаго семейнаго очага, не удалась ему семейная жизнь, ну да хоть какъ-нибудь, а надо наладить жизнь. Тутъ-то и опредѣлилась къ нему Агапевна, и за старостью лѣтъ, никуда не годная, нанялась очень сходно,—не за жалованье, а всего за одинъ хлѣбъ, и съ тѣхъ поръ служить ему безотвѣтно и безропотно, вѣрою и правдою.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Замѣчательный человѣкъ Иванъ Семеновичъ, и всѣх-святскаго дьякона домъ, гдѣ протекаютъ его тихіе, одинокіе дни, особенный.

Домъ небольшой—двѣ низенькія комнаты и кухня, и вездѣ лампадки: въ кухнѣ лампадка, въ спальнѣ лампадка, а въ гостиной двѣ,—въ обоихъ переднихъ углахъ. Иванъ Семеновичъ самъ любитъ зажигать лампадки, Агапевнѣ не довѣряетъ—старая, руки у нея трясутся и за что ни возьметса, все изъ рукъ валится, и только въ постные дни, въ

середу и пятницу, когда по примѣру Агапевны, употребляетъ Иванъ Семеновичъ натошакъ святое масло, дозволяется ей вскарабкаться на табуретку и взять ложечку изъ лампы.

Какъ пройдешь сѣни, если, конечно, за сундуки не зацѣпишься и шею не свернешь, будетъ кухня: налѣво шкафъ, противъ шкафа русская печь съ розовою занавѣскою, направо, у окна, залавокъ, посреди дверь въ спальню. И вездѣ, по всѣмъ угламъ, у печи, за шкафомъ, у залавка черствыя хлѣбныя корки сложены. Зачѣмъ понадобилось Агапевнѣ черствыя корки копить, Богъ ее знаетъ.

Бѣда съ Агапевною! А вѣдь какъ старается старая, изъ кожи лѣзетъ, изъ послѣднихъ своихъ клячныхъ силъ трудится, лишь бы только угодить своему соколу—Ивану Семеновичу: ходить за нимъ, какъ за малымъ дитемъ, и чтобы сердце его не уныло, охотно сказала бы сказку, да память плоха—годы отшибли, и пѣсню бы спѣла, да голосу нѣту, и что хочешь,—проплясала бы, заплела бы плетень, завилась бы вьюномъ, вывернулась, да старыя кости—ноги не слушаютъ, все бы вынесла—грубое слово, только бы изъ его сахарныхъ устъ, нелюбый взглядъ, только бы изъ его свѣтлыхъ глазъ, приняла бы напрасную смерть, только бы отъ его бѣлыхъ рукъ, а помретъ Стратилатовъ, такъ она къ нему, къ покойнику, какъ къ мощамъ, приложится, и не тлѣніе, благоуханіе отъ его смраднаго трупа послышится ей и, кто знаетъ, исцѣленіе себѣ получить, да и другому недужному здравье вымолить. Ей Богу, заставь Иванъ Семеновичъ Агапевну по собачьему лаять, либо пѣтухомъ пѣть. не заперечить: взвизгнетъ, залаетъ шавкою, пѣтухомъ прокричить, но отъ этого ничуть не легче. Бѣда съ Агапевною!

Въ прежнее-то время старуха и пироги пекла, а нынче ослабла. ничего не можетъ: того не доглядить, другое упустить, третье не досмотрить, только мышей разводить.

Хорошо еще, что Иванъ Семеновичъ не взыскателенъ—ему одно: побольше чтобы всего было, да понаваристѣе, а тараканъ-ли во щажъ плаваетъ или лавровый листъ, это ему все равно, да еще хорошо, что строгій онъ постникъ, всѣ четыре поста соблюдаетъ: и великій постъ, и петровъ, и госпожинки, и филипповки, всѣ двѣнадцать пятницъ, и въ среду, и въ пятницу, и даже понедѣльничаетъ.

— Вотъ, старуха,—скажеть другой разъ Иванъ Семеновичъ,—мало ты дѣлаешь, а вѣдь хлѣбъ-то ѣшь.

— Такъ, батюшка,

— Много ты ѣшь хлѣба.

— Такъ, батюшка.

— Чаю пьешь много.

— Такъ, батюшка.

— Ты хоть бы тазъ вычистила.

— Хорошо, батюшка.

Въ жаркіе дни, передъ обѣдомъ, не столько отъ жары, сколько для удовольствія, Стратилатовъ обливался колодезною водою около грядокъ; грядки противъ кухоннаго окна, въ церковной оградѣ, тамъ же и колодезь.

Раздѣвшись въ кухнѣ весь до-нага и запасшись соленымъ огурцомъ, Иванъ Семеновичъ вылѣзаетъ въ окно и, обойдя грядки, становится подъ ракитою. Агалева съ тазомъ вскарабкивается на табуретку и начинается омовешіе. И во все время, пока бѣжитъ вода на его распаренную смазанную деревяннымъ масломъ, румяную плѣшь, ѣсть Иванъ Семеновичъ соленый огурецъ, вѣруя, что съ его помощью не прильетъ кровь къ головѣ, и солнца бояться нечего.

Предусмотрительность совсѣмъ не лишняя: солнце какъ разъ въ эту самую минуту призадерживалось, подымало свой осовѣлый, знойный глазъ, жаркое, замирало прямо надъ Иваномъ Семеновичемъ, залюбовавшись-ли на него, а онъ, по-истинѣ, былъ великолѣпенъ во всей своей красѣ съ со-

леньмъ огурцомъ во рту, или завидуя ему, а удовольствіе, испытываемое Стратилатовымъ, было столь велико, что лопухатя, заостренныя кверху уши его блестѣли.

Рѣдко, однако, обходилось удовольствіе безъ непріятныхъ послѣдствій, но не солнце—отъ него огурецъ защита, причина—Агапевна: то выскользнетъ тазъ изъ ея трясущихся рукъ, то воду прольетъ мимо, то себя обольетъ, то скувырнется съ тазомъ на землю.

— Ты, Агапевна, хоть бы попрактиковалась,—скажетъ въ досадѣ Иванъ Семеновичъ,—зря только воду льешь, еще всемірній потопъ сдѣлаешь.

И вотъ изъ преданности ли, не смѣя ли послушаться приказаній, или изъ страха всемірнаго потопа, Агапевна практиковалась: протаскивала она черезъ окно порожнюю кадунку изъ подъ капусты, ставила ее подъ ракету, гдѣ Иванъ Семеновичъ становился, вскарабкивалась съ тазомъ на табуретку и поливала. Но путнаго изъ этого ничего не выходило: кадунка обливалась исправно, а Ивану Семеновичу не такъ еще давно чуть было голову тазомъ не проломила.

— Наказаніе мнѣ съ тобою, старуха!—скажетъ другой разъ Иванъ Семеновичъ.

— Такъ, батюшка.

— За грѣхи мои послалъ тебя Господь Богъ.

— Такъ, батюшка.

— Крестъ ты мой.

— Такъ, батюшка.

— Ты хоть бы комнаты провѣтрила, не почтово-телеграфное отдѣленіе.

— Хорошо, батюшка.

Обѣдаетъ Иванъ Семеновичъ въ гостиной.

Кухня, спальня, гостиная—такъ идутъ комнаты. Гостиная—самая парадная, и кажется, нѣтъ въ ней свободнаго уголка, вся она заставлена и завѣшана. По стѣнамъ масля-

ныя картины и гравюры въ большихъ старинныхъ рамахъ, акварели, миниатюры, гобелены и на всѣхъ картинахъ и гравюрахъ—красавицы и всѣ, какъ на подборъ, въ соблазнительной своей натурѣ. Одно исключеніе—портреты царей. Есть и другія картины, но онѣ стоятъ повернуты лицомъ къ стѣнѣ, это тѣ, гдѣ отсутствуютъ дамы. И такъ много смотритъ всякихъ красавицъ, что сразу не разберешь, гдѣ лицо, гдѣ принадлежность, самъ же Стратилатовъ знаетъ каждый мизинчикъ, каждую ямочку, каждое родимое пятнышко и любовно даетъ объясненія о любой, такія милыя и игривыя, выражаясь по своему, возвышенно, стихами рукописными.

По словамъ Ивана Семеновича, если бы возможно было, онъ обратилъ бы всѣхъ красавицъ въ перочинный ножикъ, и положилъ бы себѣ въ карманъ, чтобы были неразлучны онѣ съ его сердцемъ, или обратилъ бы ихъ въ нарядныхъ куколъ, чтобы играть съ ними, держа всегда у груди.

Какъ только очухаешься отъ картинъ, выступаютъ передъ тобою и другіе предметы. Налѣво отъ двери большой сундукъ, полонъ набитый книгами, отъ сундука по стѣнѣ витрина съ монетами—монеты рядкомъ лежатъ по зеленому полю и все рѣдкія прекрасной сохранности, всѣ же истертая—слѣпыя у Стратилатова ходко идутъ на любителя, ну хоть тому же сосѣду Тарактееву, отъ витрины до угла столъ съ портфелями, въ портфеляхъ гравюры намѣди, другихъ Стратилатовъ не держитъ, и, конечно, всѣ рембрантовскія, въ углу икона Спасителя—Грозный и Стрѣшный Спасъ. Направо отъ двери горка съ саксонскимъ фарфоромъ, отъ горки по стѣнѣ столъ, на столѣ старинные ларчики, миниатюры и дешевыя соблазнительныя открытки, подъ столомъ довольно увѣсистая укладка, величиною въ обхватъ, полная серебра и украшеній, по бокамъ стола два вѣнскихъ стула; къ углу шкафъ краснаго дерева. Шкафъ особенный съ драгоценностями: тутъ и чашки бѣлыя, какъ сахаръ, съ

маленькими розовыми и зелеными цвѣточками, и хрусталь съ вензелемъ червоннаго золота, чернильница въ видѣ императорской короны — подарокъ гимназистки Яковлевой, которую, какъ признавался самъ Иванъ Семеновичъ, ровно три года соблазнялъ онъ и ничего не добился, печать Стратилатова, изображающая какъ бы нѣкій перстъ, окруженный надписью: отъ онаго свое начало все воспріяло, наконецъ, золотыя тувфельки и старинная чашка въ видѣ яйца на курьихъ ножкахъ съ золотымъ крыломъ вмѣсто ручки, эту чашку Стратилатовъ никому не даетъ, бережетъ пуце глаза, потому что изъ нея его мать чай пила. На шкапу приходо-расходная книга, куда Иванъ Семеновичъ записываетъ и еженедѣльно подсчитываетъ расходъ свой на милостыню нищимъ, на дверцахъ шкапа старинный обернибѣсовскій галстукъ съ кистями. Въ углу икона Божьей Матери—Всѣхъ Скорбящихъ Радости, между иконою и шкапомъ старинное оружіе.

Гордость же Стратилатова—овальное зеркало съ овальными углубленіями, шестнадцать разъ отражаетъ.

— Купцы въ ногахъ молили, предлагали сто рублей, не взяли!—гордился Иванъ Семеновичъ непродажнымъ своимъ сокровищемъ.

Зеркало виситъ между оконъ, выходящихъ къ всѣх-святскому алтарю, окруженному могильными крестами, передъ зеркаломъ столъ, по бокамъ по стулу, а посередкѣ кресло съ орлами.

Тутъ, усѣвшись на царское кресло между двумя неугасимыми лампадами у Спасителя и Богородицы, передъ чудеснымъ завѣтнымъ зеркаломъ, отражаясь шестнадцать разъ, обѣдаетъ Стратилатовъ.

Кончится обѣдъ, разоблачится Иванъ Семеновичъ—бережно сниметъ съ себя сѣрый люстриновый пиджачекъ, скинетъ долой сапожищи, шваркнетъ ихъ въ уголъ и на боковую. Ложится Стратилатовъ, ложится и Агапевна.

Спальня между гостиною и кухнею — проходная, по стѣнѣ къ кухнѣ — лежанка, возлѣ лежанки колченогая желѣзная кровать съ продавленнымъ тюфякомъ и промасленною, какъ блинъ, подушкою. На лежанкѣ спитъ Агапевна, на кровати Иванъ Семеновичъ.

Тихо и безмятежно спитъ Стратилатовъ. Глубокій крѣпкій сонъ непробудно завѣялъ его легкими крыльями, и кажется, прекращается въ немъ все теченіе жизни, наступало, какъ выражается всѣхсвятскій дьяконъ Прокопій, в се об щее естества усыпленіе.

Сны Стратилатову снятся рѣдко, а если ужъ надо присниться, то непремѣнно такіе дурные, хоть и вовсе спать не ложись. Три сна особенно мучили и изводили Ивана Семеновича.

Снится ему, будто ѣдетъ онъ въ золотой колымагѣ Императрицы Елизаветы Петровны, на немъ сѣрый люстриновый пиджачекъ, на головѣ императорская корона и сидитъ будто онъ, развалясь, на высокихъ подушкахъ. Въ окна мелькаютъ дома съ вензелями и вездѣ одно имя, его имя — Стратилатовъ, бѣжитъ народъ за колымагою, кричатъ ура, а онъ себѣ сидитъ, развалясь на высокихъ подушкахъ, ничего не думаетъ, ничего не желаетъ — блаженствуетъ, ура, Стратилатовъ! Но вотъ, какъ сворачивать колымагѣ на мостъ къ бабьему базару, чья-то рука внезапно вытаскиваетъ его черезъ окно и на морозъ. Нѣтъ лошадей, а его, Стратилатова, въ сѣромъ люстриновомъ пиджачкѣ и въ императорской коронѣ, впрягаютъ въ стопудовое дышло и давай погонять. Жилится Иванъ Семеновичъ, трется о стопудовое дышло, весь бокъ облупилъ, падаетъ, опять подымается, выбился изъ силъ, а колымага ни трпру, ни ну. И нападаетъ на него невыразимый ужасъ, начинаетъ кричать и кричитъ благимъ матомъ.

А другой разъ снится ему, будто сидитъ онъ въ своемъ царскомъ креслѣ передъ чудеснымъ зеркаломъ и, отражен-

ный шестнадцать разъ, любитъся на себя и вдругъ замѣчаетъ, что носъ его скосился на сторону и ужъ не узнаетъ себя: одна ноздря маленькая, меньше игольнаго ушка, другая огромная, шире шапки—горло сквозь ноздрю видно. И опять отъ ужаса кричить.

Третій сонъ самый страшный, страшнѣе колымаги и носа. Снится ему, что онъ маленькій и жива покойница мать. Матери будто недосугъ: надо тѣсто ставить, блины печь и не ходячіе, а жилые блины, какъ на поминкахъ. И вотъ уложила она его въ ящикъ, плотно накрыла крышкою и понесла на погребъ и тамъ закопала въ землю. „Ночь обичуешь, а на утро возьму!“—и ушла. Лежить онъ въ ящикѣ—тѣсно, не перевернуться и бокъ колеть и отъ сырости съ крышки капаетъ на лицо, а утереться нельзя—невозможно руку поднять. А капли холодныя, тяжелыя, упала одна на переносицу, потекла по носу да въ ротъ, а за ней другая. Богородица, Дѣво, радуйся, хочеть выговорить Иванъ Семеновичъ и вмѣсто Богородицы начинаетъ изъ Гавриліады: Въ шестнадцать лѣтъ невинное смиренье.. И въ ужасѣ кричить, и кричить и знаетъ, что глубоко погребъ—не услышать голоса, да само нутро кричить.

И всѣ эти страшные сны снились ему почему-то подъ двенадесятые праздники, въ простые же будніе дни обыкновенно ничего не снилось.

Тихо и безмятежно спитъ Стратилатовъ. Глубокій крѣпкій сонъ завѣялъ его легкими крыльями и, кажется, прекращается въ немъ все теченіе жизни, наступало, какъ выражается всѣхсвятскій дьяконъ Прокопій, всеобщее естества усыпленіе.

Но вещамъ не до сна въ этотъ послѣобѣденный часъ, и онѣ начинаютъ свою вечернюю жизнь, пока еще не погасъ свѣтъ.

По лѣвую руку отъ лежанки книжныя полки съ жур-

налами—журналы перевязаны полными комплектами и рас-
положены по ихъ важности: Историческій Вѣстникъ,
Русская Старина, Русскій Архивъ и въ самомъ
низу Вѣстникъ Европы, Русская Мысль. На пол-
кахъ впереди книгъ табакерки и опять дешевыя открытки
соблазнительныхъ красавицъ попережку съ видами свя-
тыхъ мѣстъ. Противъ кровати книжный шкапъ до двери,
надъ дверью двѣ олеографіи: на одной нимфа, сидящая на
деревѣ, на другой Серафимъ Саровскій съ медвѣдемъ. И
опять книжный шкапъ и комодъ съ гравюрами, гравюры на
мѣди и, конечно, всѣ рембрандтовскія, и тутъ же всевозмож-
ныя душеспасительныя картинки, которыми одаряется по
субботамъ сторожъ Лукьянъ. Между шкапомъ и комодомъ
передъ окномъ подставка, на подставкѣ гипсовый рыцарь
съ мушкетомъ и въ латахъ.

Лукаво глядятъ съ открытокъ красавицы: „Иванъ Се-
меновичъ,—подмигиваютъ красавицы,—встань!— и смѣются,
какъ бѣсята, все черноглазая, подзадариваютъ красавицы,—
ну же. плѣшня, да встань!“—и одна за другою потупляются,
какъ Танька Мери и въ какая-нибудь въ Денисихѣ. И накло-
няется съ дерева нимфа, протягиваетъ пальчикъ: „Страти-
латовъ, я пришла!“ И выходятъ святые отцы, праотцы, вели-
комученики, преподобные, великіе чудотворцы изъ огнен-
ныхъ срубовъ и тихихъ келій съ медвѣдемъ и благосло-
вляють его: „Мы станемъ тебѣ въ помощь!“ А гипсовый
рыцарь съ мушкетомъ и въ латахъ не сводитъ своихъ бѣ-
лыхъ упорныхъ глазъ.

Напрасно! сномъ праведника спитъ Иванъ Семеновичъ,
ничто не расшевелитъ его, ничто не тронетъ. И если бы
сама синяя страшная тетрадка, втиснутая въ уголь шкапа
между Скитскимъ покаянiемъ и Любовью—книж-
кою золотою, обойдя сторонкой Похождение Ивана
Гостиннаго сына, Пригожую повариху, стихо-
творенія Нелединскаго-Мелецкаго, Батюшкова, Подолинскаго

Кольцова, Некрасова и другія любимыя книги и, пробравшись сквозь ненавистнаго ему Толстого, презираемаго имъ Гоголя, умунепостижимаго Достоевскаго и другихъ подобныхъ сочинителей, вылѣзла бы изъ шкапа, развернулась бы—страшная Гавриліада, любимая и ненавистная, завѣтная и проклятая, да и та не подняла бы его изъ тихаго безмятежнаго сна.

Утихаетъ вечерняя заря, всѣ предметы колеблются, какъ пьяные, и доносятъ вѣтеръ звонъ со старыхъ звонницъ и колоколенъ. Отдается, парить звонъ, колоколь съ колоколомъ перекликается — зазвонный, праздничный, буревой, гудь—колоколь, и плыветъ изъ-за Волги крылатый и плавный лебедь—колоколь. И вдругъ какъ ударять въ чугунную доску—задрезжитъ звонило, инда въ вискахъ треснетъ, и ужъ не колоколь—Божій гласъ, это гонять стадо съ полей—разревѣлся быкъ, ржетъ кобылица, звякаетъ глухарь, гремитъ гремокъ, звенятъ бубенцы, раззвенѣлись бубенчики и сквозь звякъ и ревъ свистить на ухо птица, свистить-пересвистываетъ, экая глупая!

Съ остервенѣніемъ, оглушенный свистомъ, вскакиваетъ Стратилатовъ на ноги, протираетъ слипшіеся мутные глаза, крестится:

— Господи, воззвахъ!—и, сплунувъ на расхрапѣвшуюся Агепвну, снова завалится на продавленную теплую кровать,—ну еще посплю маленько!

И спитъ тихо и мирно плотнымъ крѣпкимъ сномъ.

— Вотъ, Борнсъ Сергѣевичъ,—не разъ жаловался Иванъ Семеновичъ своему пріятелю Зимареву,—старуха у меня Агепвна убійственно храпитъ, точно фельдфебель, не могу выносить: у меня сонъ тонкій, будкій, вообще люди образованные не могутъ этого переносить.

Но что подѣлаешь, тутъ и самъ Зимаревъ, даромъ что помощникъ секретаря и всякую древность опредѣлить мо-

жетъ и годъ и число ей скажетъ, да противъ природы и онъ безсиленъ. Противъ природы не пойдешь!

— Ты, старуха, хлѣба много ѣшь,—примется выговаривать Иванъ Семеновичъ.

— Такъ, батюшка.

— Это отъ хлѣба.

— Такъ, батюшка.

— На меня еще подумаютъ и пойдеть худая слава: хорошъ, скажутъ, чѣмъ занимается!

— Такъ, батюшка.

— Тебѣ грѣшно будетъ, вѣдь это смертный грѣхъ!.. ты хоть бы попридержалась.

— Хорошо, батюшка.

И вотъ изъ преданности ли, не смѣя ли послушаться приказаній, или изъ страха смертнаго грѣха, пробовала старуха попридерживаться. И минуту—другую еще кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ стерпеть, за то ужъ послѣ какъ пустить—такой храпъ, такой свистъ, у сосѣда Тарактеева каменный домъ, и то слышно!

Бѣда съ Агапевною, и смѣхъ, и грѣхъ.

— Агапевну я рѣшилъ разсчитать,—опять жаловался Стратилатовъ своему пріятелю Зимареву, — выдумала старая: съ печки сверзилась, по прямой дорогѣ итти не можетъ, лѣзла на лежанку, свалилась, чуть меня не зашибла, съ этакой высоты!

И, вѣчно жалуясь и зарекаясь по конецъ вѣку своему, не станетъ онъ держать Агапевну, Иванъ Семеновичъ все-таки и представить себѣ не могъ, какъ бы разстался онъ со старухою. Нѣтъ, Агапевна прижилась къ дому. Агапевну всѣ углы знаютъ и Агапевна все знаетъ, что надо ея барину Ивану Семеновичу. Разстаться съ нею такъ же трудно и, кажется, просто невозможно, какъ трудно и невозможно покинуть низенькія крохотныя комнаты дяконскаго дома, гдѣ похоронилъ онъ свою мать, женился и гдѣ, какъ и всѣ

люди, хотѣлъ бы современемъ Богу душу отдать. И если бы даже подъ сердитую руку, выведенный изъ себя и, можетъ быть, дѣйствительно оскорбленный, прогналъ бы ее, то все равно, на другой, ну на третій день, а ужъ непременно бы хватился ее, вышелъ бы вотъ такъ въ сумерки на крылечко и покликалъ бы:

— Агапевна!

— Я, батюшка.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Бульваръ—мѣсто общественнаго гулянья. На бульварѣ Стратилатовъ свой человѣкъ. Съ препятствіями или спокойно и ровно, но всякій день, выспавшись послѣ обѣда до семи, въ семь отправляется Иванъ Семеновичъ гулять на бульваръ.

Порасправившись на свѣжемъ воздухѣ, усаживается онъ гдѣ-нибудь на скамейку между рестораномъ и эстрадою, и сидитъ, развалиясь, какъ на тѣхъ предательскихъ высокихъ подушкахъ золотой колымаги Императрицы Елизаветы Петровны, и не шелохнется, млѣетъ или насвистываетъ, помахивая передъ собою тросточкою, въ пріятномъ ожиданіи съ одною мыслью: не пора ли чай пить?

Проходящимъ по боковой аллеѣ видна его сѣрая жокейская шапочка съ пуговкою да лопухатая заостренная сверху уши, безпокойно вздрагивающія всякій разъ на шорохъ женскаго платья.

Не то въ воскресенье, когда вечеромъ на бульварѣ играетъ музыка. Музыка трогаетъ Стратилатова до слезъ, отъ музыки онъ впадаетъ въ ражъ, минуты, кажется, не посидитъ спокойно, а если и присядетъ, то сейчасъ же встанетъ и пошелъ ходить. И что хочешь дѣлай, хоть ножомъ рѣжь, бѣгаетъ взадъ и впередъ. Къ мысли о чаѣ: не пора ли чай пить? присоединяется пробужденное подъ музыку

въ его неугомонномъ сердцѣ неугомонное желаніе, о которомъ онъ высказывается лишь въ трогательныя минуты дружескихъ изліяній и которое ничѣмъ не выгубишь: найти среди гуляющихъ такую молодую хозяйственную дѣвицу, которая полюбитъ его безкорыстно. И онъ бѣгаетъ, какъ сумасшедшій, будто безглазый, въ своихъ темныхъ очкахъ, какъ-то носомъ, что ли, высматривая въ нарядной примелькавшейся толпѣ ту, которая полюбитъ его безкорыстно, выкликая ее и вышентывая.

Когда сгущаются сумерки и зажигается, затѣйливо повѣшенная на проволоку между рестораномъ и эстрадою, знаменитая лампочка, бульваръ оживаетъ. Набираются шумно городскіе сорванцы и гуляки и за крикливою сворою по слѣдамъ ее входитъ что-то подозрительное и скандальное, и бульваръ принимаетъ ту вечернюю воскресную выправку, которая сулитъ мордобой и участокъ. Одобренія и неодобренія начинаютъ высказываться такъ громко и беззащитно, что хоть карауль кричи—тутъ кавалеръ какой-то бросилъ барышнѣ на колѣни заженную бумажку, и та завизжала, словно перерѣзали ей горло, тамъ другой кавалеръ ущипнулъ незнакомую даму, и опять крикъ. Крики, хохотъ, смѣшки, шутки, шалости и дурачество.

Стратилатовъ втирается въ самую толчею и, окруженный молодежью: писарями, канцеляристами и всякой мелочью, балагуритъ на свою излюбленную тему и, дойдя до крайности въ неистовствѣ своемъ, ржетъ. Но и въ неистовствѣ своемъ подъ разгонную отчаянную музыку осипшихъ инструментовъ, подъ пьяные выкрики изъ ресторана, подъ обрывки визгливыхъ куплетовъ надобдливыхъ, повторяющихся и какихъ-то пропавшихъ въ родѣ тѣхъ, что поются у насъ изъ году въ годъ—

А это затмѣніе было въ кабакахъ,

А это затмѣніе было въ кабакахъ..

—среди всего этого пропавшаго затмѣнія и искрою пробѣ-

гающего тутъ и тамъ самаго безобразнѣйшаго скандала, Стратилатовъ и въ черной толпѣ ищетъ среди гуляющихъ ту, которая иолюбить его безкорыстно, выкликая ее и вышептывая.

— Я кавалеръ,—говорить про себя Стратилатовъ, когда въ понедѣльникъ начинаютъ въ судѣ прохаживаться на счетъ какого-нибудь бульварнаго происшествія, — я не позволю себѣ, не бриторылый лоботрясъ, не мальчишка я, Забалуева сынъ, Забалуевъ.

Нагулявшись вдосталь на бульварѣ, къ десяти возвращается Иванъ Семеновичъ домой чай пить.

Стратилатовъ любитъ чаю попить, пить его помногу, не спѣша, крѣпкій, какъ чернила, съ панскимъ вареньемъ, а чаще съ медомъ — съ липовымъ протопоповскихъ сотовъ о. Пахома. Если случится гость, онъ всегда радъ гостю, предложитъ стаканъ, угоститъ, потолкуетъ, покажетъ рѣдкости и честь-честью проводитъ до двери. Гости долго у Стратилатова не засиживались: напился чаю и ступай.

За самоваромъ, какъ выходитъ седьмому чайному поту, появляется музыка: Стратилатовъ на гитарѣ мастеръ да и пѣтъ, хоть голосъ не ахти какой, худо-не-худо, поетъ съ чувствомъ, съ толкомъ и страстью.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль...

—поетъ Стратилатовъ, бренчитъ гитара.

Съ умилениемъ слушаетъ Агапевна.

— Что, хорошо?

— Хорошо, батюшка, ужъ такъ хорошо, страсть какъ.

— То-то.

Что онъ ходить за мной,
Всюду ищетъ меня
И встрѣчаяся, глядитъ
Такъ лукаво всегда?..

—поетъ Иванъ Семеновичъ, бренчитъ гитара.

Слушаетъ Агапевна, пригорюнилась старая, слеза прошибла, плачетъ.

— Что, хорошо?

— Ужъ такъ хорошо, страсть какъ.

— То-то.

Въ будніе дни пѣнію удѣляетъ Стратилатовъ малый срокъ—въ будни дѣла, да и не время, за то въ воскресенье ужъ сколько душѣ угодно и до прогулки и послѣ прогулки—весь день, будто въ радости, поетъ пѣсни.

Наверстывается ли суббота, а въ субботу, отстоявъ всенощную и не заходя домой, отправляется онъ на бульваръ, съ бульвара въ Денисиху—въ Денисихѣ такіе дома беззаконія—и, пробывъ тамъ часъ, другой, прямо ложится въ постель, или еще по какой никому невѣдомой причинѣ, только въ воскресенье послѣ заутрени въ Прокопьевскомъ и поздней обѣдни въ Зачатьевскомъ пѣнію конца нѣтъ. И если ужъ сравнить, то не въ обиду будь сказано, соловьемъ заправскимъ, курскимъ соловьемъ заливается Иванъ Семеновичъ и весь домъ всѣхсвятскаго дьякона, словно лѣсъ по веснѣ, оглашается пѣніемъ. Безпрепятственно, какъ по указу, проникаетъ пѣсня за стѣнку къ надзирателю и вьется ласточкою у Всѣхсвятскаго алтаря надъ могильными крестами.

— Что, хорошо?

— Хорошо, батюшка, ужъ такъ хорошо, страсть какъ.

— То-то.

Кромѣ Агапевны одно время непремѣннымъ слушателемъ стратилатовскихъ пѣснопѣній состоялъ нѣкій художникъ изъ Петербурга, говорившій на пяти языкахъ, какъ самъ о себѣ славиль.

Появился этотъ Шабалдаевъ или, шутъ его знаетъ, какъ его по настоящему, нежданно-негаданно, и прямыхъ

путемъ съ пристани къ Стратилатову. Похвалилъ его рѣдкости, удивился его познаніямъ и начитанности, вкусу и соображенію и расположилъ такимъ образомъ. Похвалой и города берутъ. А кромѣ того, хотъ и не обидѣлъ Богъ художника, далъ ему росту, но во всемъ прочемъ пренебрегъ— видъ совсѣмъ не художественный, гунявый какой-то, жалкій, ну, пиджачишка, правда, франтоватый и воротнички и малиновый бархатный жилетъ, да все такое поистертое и поистрепанное, подъ мышкою портфель съ картинами.

Русскій человекъ жалостливъ, разжалобился Иванъ Семеновичъ. А тотъ лисицей. „Я,--говорить,-- не постѣсню васъ: самъ лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а портфель подъ печку.“ И оставилъ его ночевать. Ночь переночеваль, а ужъ тамъ, метлами гони, не уходитъ. Такъ и водворился.

А прожилъ недѣлю — другую, обжился, обтерпѣлся. оправился — брехунъ и хвастунъ, за милую душу обойдетъ и въ дураки поставитъ; и такой плутъ — такъ и лѣзетъ въ ухо, вотъ какой художникъ!

Иванъ Семеновичъ на службу, а тотъ себѣ по городу шастать, будто картины писать и, хотъ никогда кисти въ рукахъ не держалъ — въ портфель-то оказались однѣ картинки, вырѣзанныя изъ Нивы, а все-таки за художника его всѣ принимали.

Народъ у насъ робкій и опасливый.

Стратилатовъ, однако, скоро раскусилъ своего сожителя и большое находилъ удовольствіе выводить его на свѣжую воду, а кстати и поиздѣваться. Хвасталь, напрымѣръ, художникъ, будто на пяти языкахъ говорить можетъ, да похвалбой не города брать — похвальба хлопущка, хлопнулъ и нѣтъ ничего, оказалось вѣдь ни уха, ни рыла ни въ чемъ не смыслить, кромѣ развѣ брехни своей дурацкой. Хотъ и правда говорится, что брехнею свѣтъ пройдешь, а поставитъ ему Иванъ Семеновичъ какой-нибудь вопросъ по

русской исторіи — въ какомъ, молъ, году Тушинскій воръ короновался, или чтобы перечислить всѣхъ бывшихъ на Руси скопцовъ митрополитовъ, — тотъ и начнетъ вилать, и сколько ни ссылается на какую-нибудь тамъ княгиню Конкратову, у которой онъ будто бы принятъ, какъ свой чело-вѣкъ, да на свои знакомства со всякими петербургскими сановниками, художниками и писателями, припертый къ стѣнѣ, въ концѣ-то концовъ прикусить языкъ. Гнать бы его тутъ и въ хвостъ и въ голову вмѣстѣ съ его портфелемъ, но Иванъ Семеновичъ не гналъ, а держалъ при себѣ и большое находилъ удовольствіе, затѣвая споры, выказать свое превосходство.

Ужъ черезъ какой-нибудь мѣсяцъ Стратилатовъ говорилъ ему ты, затѣмъ стригъ его, причемъ выдѣлывалъ самыя различныя прически отъ языческой — язычникомъ, котораго св. Владиміръ крестилъ, и каторжной, выстригая всю лѣвую половину, а къ правой не прикасаясь, или наоборотъ лѣвую не тронетъ, а правую на-чисто всю выбрѣетъ, до французской по картинкѣ, подъ какого-нибудь графа Де-ла-Гарта или прямо подъ Наполеона, и всегда таскалъ съ собою на прогулку.

— Для отѣнка вожу, — пояснялъ Иванъ Семеновичъ, — дѣвицы посмотрятъ, сравнятъ, кто лучше.

Спалъ художникъ въ гостиной на сундукъ — портфель подъ голову, за одѣяло пальто, а вмѣсто подстилки какія-то ватинныя вещи Агапевна доставала. Всякій разъ, отходя ко сну, Иванъ Семеновичъ сначала крестилъ его, затѣмъ напутствовалъ и всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ:

— Ты смотри, шутъ гороховый, внизу то-то тамъ книги, а вѣдь ты слабый чело-вѣкъ, взять съ тебя нечего!

Съ годъ прожилъ художникъ у Стратилатова, сопровождая своего благодѣтеля на прогулкахъ и слушая его пѣніе. И вѣдь до чего дошелъ чело-вѣкъ, тамъ гдѣ-нибудь въ Петербургѣ, можетъ-быть, и вправду втиралъ очки тѣмъ

же сановникамъ, писателямъ и художникамъ—мало ли дураковъ на земномъ шарѣ!—да и тутъ крутиль и всѣ его какъ-то опасались, а передъ Стратилатовымъ въ бараній рогъ согнулся. Вздумалось Ивану Семеновичу, чтобы величалъ онъ его не иначе, какъ деспотомъ—деспотъ, молъ, Иванъ Семеновичъ, — такъ и противъ этого не возсталъ.

— Познай грѣхъ свой и безуміе, мошенникъ, — скажетъ, бывало, Стратилатовъ,—я твои всѣ пять языковъ покорю.

— Покоряйте, деспотъ Иванъ Семеновичъ, воля ваша.

— Въ тюрьму тебя засадить, шельмеца, въ подтюремокъ.

— Сажайте, деспотъ Иванъ Семеновичъ, воля ваша.

— Потрясешь тамъ своими бубенчиками, жульникъ.

Художникъ на все соглашался.

Такое послушаніе объяснялось очень просто: вѣдь какъ-ни-какъ, а благодаря Стратилатову былъ у художника и даровой ночлегъ и столъ,—обстоятельство очень важное, и при нуждѣ изъ-за одного этого на все пойдешь. Ну куда бы онъ безъ гроша сунулся, кто бъ его пустилъ къ себѣ съ его дурацкимъ портфелемъ? Правда, мѣста не пролежить, да вѣдь по нынѣшнимъ временамъ всякаго оторопъ возьметъ: а что если въ портфелишкѣ-то не картины, а разрывная бомба или какой-нибудь гремучій студень лежитъ?

Народъ у насъ робкій и опасливый.

Какъ неожиданно-негаданно появился этотъ Шабалдаевъ или шутъ его знаетъ, какъ его по настоящему, такъ и исчезъ внезапно. Полюбился онъ члену суда—былъ такой пьянчушка членъ въ нашемъ судѣ Просвирнинъ, а полюбился за то, что пьетъ здорово и просить себя не заставитъ, такъ рюмка за рюмкой безъ закуски. Пили они разъ у Бархагова и напился этотъ членъ до упаду, брякнулся съ пьяну на земь и сталъ на четвереньки, никакъ не можетъ подняться,

хоть ночуй въ участкѣ. Довелъ его художникъ до квартиры, получилъ въ благодарность сто рублей взаймы, да и былъ таковъ. И сколько ни искали, ни тѣла, ни костей его не нашли.

Всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ Стратилатовъ своего сожителя и никакого дѣла ему не было, что сожитель-то вовсе и не художникъ, какъ впоследствии оказалось по справкамъ, и не сыскной агентъ, какъ рекомендовалъ самъ себя полиціймейстеру Жигановскому, а вообще личность темная и притомъ турецкій подданный. Все равно, турецкій подданный или художникъ, изъ Петербурга онъ или изъ Риги, безразлично, вѣдь больше ужъ не было никого подъ рукою у Стратилатова, кто-бы, кромѣ Агапевны, такъ внимательно слушалъ его пѣніе, не было человѣка, передъ кѣмъ можно было бы такъ легко развернуться во всю и безотпорно.

Не такъ давно сдружился было Иванъ Семеновичъ съ регентомъ Ягодовымъ, и большого далъ маху, ужъ думалъ, и живъ-то не будетъ и небо-то ему съ овчинку показалось тогда,—попалъ въ просакъ, что говорить.

Не хуже того художника, какъ снѣгъ на голову, свалился Ягодовъ въ нашъ городъ и сразу всѣхъ съ толку сбиль. Его визитная карточка, ходившая по рукамъ, производила на всѣхъ весьма сильное впечатлѣніе.

„Композиторъ церковныхъ пѣснопѣній, санкціонированный Святѣйшимъ Синодомъ, имѣющій знаки отличія и прочая. А. К. Ягодовъ“.—Вотъ она такая карточка!

— Шутка ли, санкціонированный святѣйшимъ синодомъ!

— Пять золотыхъ медалей имѣеть!

— Достали таки мы себѣ человѣчка!

— Сто двадцать пудовъ однѣхъ ноть привезъ!

Такъ и этакъ рассказывалось на всѣхъ перекресткахъ.

Потирали руки отъ удовольствія: церковное пѣніе у насъ любятъ и регентами дорожатъ.

Обойдя достопримѣчательности города, послѣ монастырей Прокопьевскаго и Зачатьевскаго, послѣ бульвара и трактира Бархатова регентъ зашелъ къ Стратилатову. Явился онъ весь въ медаляхъ, показалъ свою визитную карточку и воспламенилъ Ивана Семеновича. Забренчала гитара, пошло пѣніе: пускай, дескать, умный человѣкъ голосъ попробуетъ!—такъ думалъ Стратилатовъ. И не ошибся: регентъ слушалъ внимательно, прослушалъ нѣсколько пѣсень и, снова для внушенія, должно быть, показавъ свою карточку, одобрительно потрепалъ по плѣши Ивана Семеновича.

— Не великъ у васъ голосъ,—сказалъ регентъ,— потому что не работали надъ развитіемъ голосовыхъ связокъ, вторымъ теноркомъ пѣть можете.

И съ тѣхъ поръ повадился таскаться къ Стратилатову и все будто пѣніе слушать. Слушалъ не больно охотно и сколько разъ даже прекратить просилъ, а между тѣмъ, подъ предлогомъ развитія голосовыхъ связокъ, требовалъ себѣ вознагражденія. Иванъ Семеновичъ не ласково, но все-таки давалъ регенту двадцать одну копѣйку, ровно на косушку безъ посуды, а затѣмъ сталъ отвиливать и вовсе отказалъ. Но не въ этомъ заключалась вся бѣда регентскихъ посѣщеній. Богъ съ нимъ, съ вознагражденіемъ,—изрѣдка, ну разъ въ мѣсяцъ, Иванъ Семеновичъ, пожалуй, и далъ бы двадцать-то одну копѣйку, не разорился бы, не въ этомъ дѣло: регентъ всякій разъ смущалъ его своими разговорами и наводилъ на грѣхъ.

Въ одно изъ первыхъ регентскихъ посѣщеній Стратилатовъ, выкладывая передъ гостемъ всю свою ученость, заговорилъ о Пушкинѣ. Регентъ же помнилъ всего-на-всего одну Птичку, но не пушкинскую, а которую еще въ школѣ пѣлъ: Ахъ, попалась птичка, стой!—да и ту на поло-

вину, въ чемъ не преминулъ чистосердечно признаться. И все это оказалось кстати и въ пору — вѣдь Стратилатову только того и надо: желая показать свое превосходство, приналегъ онъ на Пушкина, насказалъ стиховъ много и все, какъ самъ выражался, эротическихъхъ.

— Пушкинъ,—сказалъ въ заключеніе Иванъ Семеновичъ,—хорошій человѣкъ, да погубилъ свою душу Гавриладой.

Вотъ ужъ истинно — слово не воробей, выскочить, не поймашь: сказалъ Иванъ Семеновичъ о Гавриладѣ и промахнулся. Регентъ почему-то заинтересовался, сталъ спрашивать и, узнавъ суть Гаврилады, уцѣпился обѣими руками—съ ножомъ къ горлу присталъ: дай ему переписать. Не желая входить въ какія-либо препирательства—вѣдь не только разсуждать, но и думать о Гавриладѣ Стратилатовъ до смерти боялся—вытащилъ онъ изъ шкапа синюю страшную тетрадку и далъ ее, чтобы только отвязаться. Далъ и ужъ окончательно завязъ, попалъ въ ловушку и не выскочишь. Регентъ не только переписалъ Гавриладу, но и на зубокъ ее всю выучилъ, да и давай съ тѣхъ поръ передъ Иваномъ Семеновичемъ на память стихъ за стихомъ точать: придетъ вечеромъ чаю попить, возьмется за стаканъ и ужъ съ языка не сходитъ она у него, и хоть бы залпнулся разокъ, нѣтъ, слово въ слово, буква въ букву. Иванъ Семеновичъ и не знаетъ, что ему дѣлать, за что и взялся, прямо не въ тернежь: и въ жаръ-то его бросаетъ, и потъ прошибаетъ, и ерзаетъ-то онъ, а подѣлать ничего не подѣлаешь: назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ.

— Тебя, регентъ,—отмахивается Иванъ Семеновичъ,—тебя за это живьемъ на угольяхъ изжарить, вотъ что, какъ князя Воротынскаго Иванъ Грозный изжарилъ, вотъ что, или въ тебѣ Бога нѣтъ?

А тотъ себѣ бабкаетъ—нашептываетъ, пропади онъ пропадомъ!

Истерзавъ Гавриладю, регентъ принимался за философскія разсужденія и опять нагонялъ такую чуму—приходилось туго. Гаврилада изъ головы не выходила, а отъ философіи голова трещала.

Сколько вечеровъ изводилъ регентъ Ивана Семеновича головоломнымъ вопросомъ о четвертомъ лицѣ Св. Троицы и о возможности ея пополненія—какъ сіе возможно?—или о какомъ-то съѣздѣ двѣнадцати царей, которые стануть искать правды и закона, зарытыхъ въ какомъ-то курганѣ подъ Полтавой, и когда откопають законъ и правду, будутъ раздаваться даромъ сапоги и притомъ всѣ на одну колодку и всѣмъ и каждому носить обязательно, хотя бы и не по ногѣ—какъ сіе возможно?—или о какомъ-то куриномъ словѣ, которое, если знать, такъ все тебѣ можно, и наконецъ, о надвигающейся кометѣ, хвостъ которой задѣнетъ землю и въ какія-нибудь полминуты всѣ погибнуть, и люди и звѣри.

— А какъ же страшный судъ, ты врешь,—упирается Иванъ Семеновичъ,—годится ли этакъ дѣлать, это не предсмотрѣно.

— Безъ всякаго суда въ полминуты,—стоитъ на своемъ регентъ,—отъ газовъ.

— Отъ какихъ газовъ!—вскакиваетъ въ ужасѣ Иванъ Семеновичъ.

— Отъ газовъ,—тянетъ свое регентъ,—и никуда не скроешься, задохнутся безъ вина пьяные, безъ ума сумашедшіе, люди и звѣри одинаково, и останется повсемѣстно одна трава-красива жгучка.

Ну какъ же тутъ не смутиться—комета еще что!—хуже бывала философія, вотъ хотя бы о томъ же шишигиномъ хвостѣ: будто закроетъ тебя шишига хвостомъ и ты пропадаешь и, сколько ни ищи, не найдутъ тебя, да и самъ себя не найдешь, или о какомъ-то всеобщемъ и обязательномъ и притомъ искусственномъ погребеніи въ родѣ австралійскаго

и все какъ-то сбивчиво, спутанно, неясно, непонятно и ровно что противъ вѣры—какъ же тутъ не впасть въ грѣхъ?

Одна лишь случайность выручила изъ бѣды Стратилатова. Въ соборномъ хорѣ подъ управленіемъ Ягодова участвовали гимназистки, и вотъ послѣ двухъ-трехъ генеральныхъ снѣвокъ поступила въ церковное попечительство жалоба, что регентъ обращается съ гимназистками не по композиторски. Попечительство произвело разслѣдованіе и послѣ праздниковъ уволило Ягодова за халатное отношеніе къ дѣлу. Воспользовавшись случаемъ, Иванъ Семеновичъ тотчасъ раззнакомился съ пріятелемъ,—предлогъ былъ самый подходящий: и это халатное отношеніе, и то, что на регентской визитной карточкѣ появилась совсѣмъ другая надпись: „Бывшій паршиваго соборнаго хора регентъ А. К. Ягодовъ“.

Страшнѣе всякой кометы сталъ Ивану Семеновичу этотъ регентъ,—закаешься и дружбу водить,—добрымъ словомъ ни разу не поминалъ онъ пріятеля. И пусть лучше одни враги будутъ и ты одинъ останешься посреди травы-крапивы, такъ было отчаялся Иванъ Семеновичъ.

Но сердце—не камень, въ самое послѣднее время опять нашелся пріятель—Зимаревъ Борисъ Сергѣевичъ, помощникъ секретаря. Эта новая дружба возникла изъ побужденій совсѣмъ другого рода: о томъ, чтобы передъ пріятелемъ показать свое превосходство, не могло быть и рѣчи, да и пѣніе оставалось въ сторонѣ. Художникъ и регентъ, по убѣжденію Стратилатова, въ подметки не годились Зимареву. Во-первыхъ, Зимаревъ—его непосредственный начальникъ и защитникъ его передъ секретаремъ Лыковымъ, во вторыхъ, такой знатокъ древностей, что любого ученаго за поясъ заткнетъ и, наконецъ, балагурствъ стратилатовскихъ не поддерживаетъ и въ разговоры такіе разные не вступаетъ, будто золотомъ уши завѣшаны, а все по умному и дѣловито, даже до чрезвычайности.

Сухонкій, маленькій, волосъ на головѣ совсѣмъ нѣтъ,

когда ходить, лѣвой ногой подпрыгиваетъ, а какъ усядется рядышкомъ съ Иваномъ Семеновичемъ, да уткнутся оба въ какую-нибудь старинную рукопись или икону опредѣляютъ, уши ихъ сходятся—уши у Зимарева чуть развѣ чѣмъ поменьше стратилатовскихъ.

Съ уваженіемъ относился Стратилатовъ къ новому своему пріятелю, цѣня въ немъ и начальника и ученаго и тишайшаго скромника, совѣтовался съ нимъ, изливалъ свои горести и, хоть тотъ во внуки годился ему, смотрѣлъ, какъ на равнаго себѣ, пожилого, умудреннаго долготѣннимъ опытомъ, словомъ; видѣлъ въ немъ себѣ ровесника, правда, плохо сохранившагося, но все таки однихъ лѣтъ.

Зимареву, не въ примѣръ прочимъ гостямъ, полагалось немного посидѣть и послѣ чаю и хлѣбъ ему подавался вкусный, настоящій ситный, а не такой, какъ другимъ, что и проглотить не хочется—настоящій кирпичъ, и всякіе крендели и витушки и варенье ставилось не заплѣсневлѣое, а то у Стратилатова варенья большою запасъ: которое заплѣсневетъ, сниметъ плѣсень и расходуетъ на угощеніе.

Съ теченіемъ времени Зимаревъ подобно художнику и регенту само собою попалъ какъ-то въ непремѣнные слушатели стратилатовскихъ пѣснопѣній.

— Великое дѣло пѣніе,—говорилъ Иванъ Семеновичъ, какъ бы оправдываясь за свою страсть передъ строгимъ, не издающимъ и мышиного писка, молчаливымъ пріятелемъ,—одному пѣть невозможно, грустно одному, Борисъ Сергѣичъ.

Обыкновенно вечеромъ послѣ прогулки, напившись чаю и поигравъ на гитарѣ, Стратилатовъ усаживается за книгу и читаетъ до часу. Чтеніе историческое и стихи больше по душѣ ему въ его одиночествѣ, чѣмъ повѣсти и рассказы, которыхъ знаетъ онъ такъ много, что, право, и читать уже нечего. Любимые его поэты—Некрасовъ и Коль-

цовъ, но выше всѣхъ ставитъ онъ поэта, которому Фетъ передалъ свой трепетный факель, его считаетъ онъ всемірнымъ поэтомъ.

— Ну и санъ вѣдь высокій!—ноясняетъ Иванъ Семеновичъ, привставая всякій разъ отъ избытка почтительности.

Ровно въ часъ закрывается книга, аккуратно ставится на полку либо въ шкапъ на свое мѣсто, и тушится лампа. Усердно помолвившись на сонъ грядущій передъ Грознымъ и Страшнымъ Спасомъ, передъ Божьей Матерью—Всѣхъ Скорбящихъ Радости, и, поворчавъ для острастки на Агапевну, ложится Стратилатовъ спать, завершая молитвою и воркотнею свой трудовой одинокій день.

— Вѣдь вотъ ужъ я не то, что другой,—любитъ говорить Иванъ Семеновичъ п самъ съ собою, сладко потягиваясь подъ одѣяломъ, и знакомымъ своимъ среди бѣлаго дня въ канцеляріи,—кто бы въ трактиръ, а вы посмотрите, сколько я перечиталъ, сколько собралъ рѣдкостей, и безпорочная служба, и тутъ и тамъ успѣваю, меня и шишига хвостомъ не закроетъ—не пропаду, потому что человѣкъ я хорошій.

И говоря такъ, Иванъ Семеновичъ ничуть не хвасталъ, да и всякій мало-мальски свѣдующій готовъ былъ обѣими руками подписаться, что дѣйствительно шишига хвостомъ его не закроетъ и что человѣкъ онъ хорошій. Въ этомъ родѣ всѣ и высказывались и только одинъ единственный разъ начетчикъ кунецъ Тарактеевъ, пріятельствующій съ Зимаревымъ по части нумизматики, человѣкъ смышленный и не дуракъ деньгу зашибить, не очень-то лестно отозвался о своемъ сосѣдѣ, и на возраженіе Зимарева, что Стратилатовъ тоже вѣдь человѣкъ, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Неужели человѣкъ?— и опять усмѣхнулся,—а я думалъ,—ш и ш и м о р а.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Нынѣшняя весна выдалась особенная: завѣтная мечта Стратилатова устроить себѣ тихіи семейный очагъ готовилась осуществиться. Казалось Стратилатову, что нашлась та молодая хозяйственная дѣвица, которая видѣлась ему въ Денисихѣ, когда бралъ онъ за руку размалеванную Таньку Мерина, и слушала его, когда разливался онъ подъ гитару пуще соловья, и высматривала со всѣхъ открытокъ, старыхъ портретовъ и гравюръ, которую искалъ онъ, шныряя вечеромъ по бульвару среди гуляющихъ и гуляющихъ, нашлась она, наконецъ, недостижимая, недоступная, немыслимая, которая полюбитъ его безкорыстно.

Нѣтъ, что хотите, а старикъ не спятилъ съ ума, онъ только чувствовалъ, какъ все въ немъ обновляется и подтягивается: вмѣсто малиновой плѣши развѣваются темныя кудри, что такъ нудятъ дѣвье сердце, и заголубѣли глаза и сталъ онъ почти что стражникъ Емельянъ Прокудинъ, стройный такой, осанистый, блѣднолицый съ красными губами и только что шпоръ нѣтъ.

Выйдя по утру въ обычный свой часъ, Стратилатовъ, самъ не зная чему, вдругъ обрадовался: тому ли, что съ крышъ потекло и галки на крышѣ и потемнѣла всѣхсвятская алтарная стѣна, тому ли, что дьяконъ Прокопій прошелъ въ церковь совсѣмъ на легкѣ въ одномъ подрясникѣ и лишь по привычкѣ обмоталъ шею шарфомъ да нахлобучилъ мѣховую шапку, и пробѣжала баба съ коромысломъ и ведромъ на церковный колодець въ одномъ платьѣ и козловыхъ сапогахъ, и расходилась курица, кудахча: куда куда яйцо снести?—или все тому же стражнику Емельяну Прокудину, который, стуча шпорами, прошелъ къ надзирателю? Все его радовало и хотѣлось, чтобы всѣ были рады. У каменнаго тарактеевского дома съ высокимъ крыльцомъ онъ остановился было, чтобы духъ перевести, и ему

страсть захотѣлось подарить сосѣду какую нибудь золотую рѣдкую монету, ну петровскій двойной червонецъ, что ли, только сейчасъ, сію минуту...

— „Господи, Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми“!..—шепталъ Иванъ Семеновичъ молитву преподобнаго Ефрема Сирина, слѣдуя по Поперечно-Кошачьей на толкучку.

Въ свой обычный часъ явился Стратилатовъ въ судъ и много разныхъ разностей принесть въ этотъ день съ толкучки — уловъ старины выдался необыкновенно удачный.

Урвавъ минуту отъ переписки, опустил онъ руку за стулъ и, вытащивъ изъ груди покупокъ, сложенныхъ въ горкѣ, нѣсколько затѣйливыхъ вещицъ, положилъ ихъ на столъ передъ Зимаревымъ, а изъ бокового кармана складень красной мѣди на самый верхъ.

— Есть дѣвица хорошаго роду, вашъ совѣтъ не мѣшало бы,—наклонившись къ самому уху сосѣда, зашепталъ Стратилатовъ пересохшими губами.

Зимаревъ покосился на разложенныя вещи, красная мѣдь складня кольнула глаза и очки его вдругъ потускнѣли.

— Вы, Борисъ Сергѣевичъ, человѣкъ положительный, не такъ чтобы ужъ молодой, присовѣтуйте-ка мнѣ: Надеждой ее зовутъ, у Артемія, стараго покровскаго дьякона живеть, племянница.

А тотъ, утвердительно покачивая головою, бѣгалъ по складню своими тонкими пальцами и перевортывалъ его и къ себѣ такъ близко подносилъ, словно обнюхивалъ.

— Дьяконъ-то пьющій,—продолжалъ Иванъ Семеновичъ,—во время службы падаетъ, а она тоненькая да бѣленькая, сиротка, сами увидите.

— Такъ, такъ, она самая!—Зимаревъ захлебнулся отъ удовольствія, забрало его за живое: складень оказался рѣдкій, такого онъ давно добивался, вездѣ разыскивалъ—

это былъ нашъ русскій Никола, простоволосый, съ церковною и мечемъ въ рукахъ, Никола Можайскій.

— Хорошаго роду, племянница дьякона, дѣться ей некуда, тоненькая да бѣленькая...—Стратилатовъ поднялся со стула и отъ волненія сталъ гладить себя по плѣчи, минуту казалось, что онъ выкинетъ какую-нибудь самую неподобную штуку: либо ударъ его хватить, либо, обалдѣвъ, на столъ полѣзеть.

— Голгоѳа!—крикнулъ вдругъ Адрианъ Николаевичъ, указывая на него волосатымъ перстомъ.

И поднялось въ канцеляріи то, что обыкновенно бывало всякій разъ, какъ почему либо являлся секретарь Лыковъ съ запозданіемъ: со всѣхъ сторонъ посыпались на Стратилатова дурачества и насмѣшки и пошли глупыя выходки, фыкъ и шмыкъ.

— Эхъ ты, генеральскій носъ!—кто-то пискнулъ изъ пишущей машины.

— Никола Дуплянскій!—отозвалось изъ корридора.

— Аварія!—поддалъ пару безногій.

— Какъ твой Богъ поживаетъ, здоровъ ли?—ввернулся писарь Забалуевъ.

— Видно, простудился!—хихикнулъ кандидатъ, сосѣдь Зимарева.

— Гуся ѣлъ да попершилось!—отпустилъ Корявка.

— А я видѣлъ Ивана Семеновича съ двумя дѣвицами на бульварѣ!—перекинулъ другой кандидатъ отъ стола Адриана Николаевича.

— Неуѣмный бубень!—поддакнулъ Забалуевъ.

— Гекуба, —потянулъ своимъ хищнымъ носомъ безногій,—фальшивый грошъ на тарелку положилъ!

И много еще всякихъ заковырокъ и шпилекъ поднускалось Стратилатову, но онъ, ужъ снова уткнувшись въ перениску, слушалъ лишь краемъ уха и даже ни разу не огрызнулся, какъ огрызался въ такихъ случаяхъ, не ска-

заль своего обычнаго: „Прошу васъ заниматься дѣломъ!“— даже плѣшь не вспыхнула.

Адріанъ Николаевичъ, славившійся высокимъ искусствомъ составлять прошенія, никогда не остававшійся безъ послѣдствій, ибо отъ роду, должно быть, написано ему было заниматься такимъ художествомъ, закончилъ какую-то важную бумагу, и, выставляя впередъ клочковатую рыжую бороду, принялся читать ее во всеуслышаніе.

Само по себѣ торжественное заканчивалось прошеніе не менѣе торжественно.

— „За неграмотную всеподданѣйшую Ксенію Федорову Пискунову,—смаковалъ безногій, отчеканивая слова,—всеподданѣйше подписался столоначальникъ Адріанъ Николаевъ Хрѣновъ, съ величайшимъ умиленіемъ всенижайше прошу къ снисхожденію моему горькому семейству заключающуюся именно я самъ“.

— Я самъ,—залопоталъ Корявка, у Корявки языкъ будто въ киселѣ и весь онъ какой-то слизый. а голова безпросвѣтно въ подпитіи,—я всегда самъ!—и полѣзь было съ перомъ подписываться.

Но Адріанъ Николаевичъ, грозно поднявъ волосатый персть, выкрикнулъ въ ярости и изступленіи:

— Вставай же, поднимайся, пьяная развратная Русь, и принимай въ объятія своихъ враговъ!...— и, отпихнувъ помощника, туго свернулъ прошеніе такъ, что слоновою бумага хряснула, и вдругъ впалъ въ то запойное_благодущіе, которое оканчивалось совсѣмъ неблагодушно.

Въ канцеляріи тотчасъ все притихло и перья чуть-чуть скрипѣли, какъ бы боясь нарушить счастливую, обѣщающую большое развлеченіе минутку.

Подперевъ свою сѣдую голову, затаилъ безногій любимую разбойничью пѣсню—последнюю пѣсню Ваньки Каина, и пѣлъ ее на голосъ удалую, разгульную, бурную по разбойничьи:

Не шуми, мати, зеленая дубравушка,

Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думать!

Что за утро мнѣ, доброму молодцу, въ допросъ ити...

— Мирный тихій очагъ... она тоненькая да бѣленькая, сиротка, дѣться ей некуда,—шепталь Иванъ Семеновичъ Зимареву, обсасывая, какъ ложечку съ медомъ, стальное перо и, никого не замѣчая, видѣлъ лишь ее тоненькую да бѣленькую сиротку, чувствовалъ и былъ на все готовъ; расходилось подъ пѣсню сердце: и пусть она сердце его высосетъ и тѣло его изсушить...

И когда появился секретарь Лыковъ и съ помощью сторожей, одноглазаго Лукьяна и Горбунова, не прекращавшій пѣніе Адрианъ Николаевичъ заключенъ былъ въ архивный шкапъ и тамъ, надрываясь, кричалъ на весь шкапъ и потомъ начиналъ плакать, хныкалъ какъ дитѣ, жалобно приговаривая, что надоѣло ему и тяжело жить, Иванъ Семеновичъ расчувствовался, и стало ему жалко безногаго.

— Плеть обуха не перешибетъ, Борисъ Сергѣевичъ!— сказалъ онъ срыву и громко, мѣтя въ Лыкова, чего никогда бы не позволилъ себѣ, не будь такой сердечной минуты.

У Троицы у Сергія было подь Москвою:

Стояла новая темная темница:

Во той ли во новой, во темной темницѣ

Сидѣть удаленькой добренькой молодчикъ...

—протяжно плакалъ безногій.

Тутъ всѣхъ прорвало, лопнуло послѣднее терпѣніе, кто-то фыркнулъ и пошли хихикать да пересмѣиваться. Не смѣялся одинъ Лыковъ.

— Удостоите переписать!—говорилъ онъ, обходя столы и подкладывая каждому кипу бумагъ; ключъ отъ архивнаго шкапа висѣлъ у него на мизинцѣ.

Не смѣялся и Стратилатовъ, любившій посмѣяться надъ безногимъ, и не то, чтобы прошло время, а такая, видно, выпала минута.

И за чаемъ выказалъ онъ себя въ этотъ памятный день тоже необычно: изъ своего синяго мѣшочка потчивалъ онъ чиновниковъ сахаромъ и неудержимо болталъ всякую чепуху чепушистую, молитвенно съ восторгомъ какъ-то произнося свои излюбленныя ходовыя словечки, какъ-то съ умиленіемъ, точно слово Божіе, либо высокіе титулы высокихъ особъ. Все естество его было переполнено.

— „Господи Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоночалія и празднословія не даждь ми!“—шепталь Иванъ Семеновичъ молитву преподобнаго Ефрема Сирина, вдругъ останавливаясь на самыхъ интересныхъ мѣстахъ, и снова пускался болтать еще чепушистѣе.

Все естество его было переполнено.

Въ первый разъ увидѣлъ Стратилатовъ Надежду—предметъ своей любви—лѣтомъ на именинахъ у Артемія, стараго покровскаго дьякона. Слаще меду и сахару показала она ему.

— Молоденькая такая—шестнадцать лѣтъ—да тоненькая, а какъ стали за ужинъ разсѣживаться, разсѣлась—полдивана заняла, на пальчикъ серебряный перстень съ бирюзой, голубка гурливая!—такъ послѣ передавалъ Иванъ Семеновичъ свое первое впечатлѣніе.

Весь вечеръ онъ глазъ не сводилъ съ нея, подсаживался, смѣнилъ анекдотами, а стали въ салки играть, ее одну салилъ, а въ фантахъ, какъ набирать тройку, она сама его выбрала.

Встрѣчались на бульварѣ—Надежда у портнихи Елены Антоновны работала и постоянно въ воскресенье съ мастерицами на бульварѣ прогуливалась,—гулялъ съ нею. И лѣто и осень и всю зиму ухаживалъ.

Дальше да дальше, попался огонь къ сѣну, залюбилась она ему, что банный паръ, извелся и на себя не похожъ сталъ; и спать ужъ не спитъ по настоящему, все воро-

чается,—тошно тому, кто любить!—одна она въ мысляхъ, одну поминаеть, только ею и бредить:

— Голубка моя, гурливая!

Агапевна ужъ тайкомъ кота завела. Приучила кота подъ кроватью ночевать, чтобы сонъ нагонялъ. Уляжется Иванъ Семеновичъ, выгонитъ она Ваську изъ-подъ печки, нуститъ подъ кровать. А Васька такой воркотунъ, заведетъ свою пѣсню: вилы-грабли, сѣно клали—чего еще?—спи, нѣтъ, все ворочается—тошно тому, кто любить!—одна она въ мысляхъ, одну поминаеть, только ею и бредить:

— Голубка моя, гурливая!

Хуже того, какъ узналъ про кота, цѣлую бурю под-
нял:

— Не хочу,—говоритъ,—подъ вилы-грабли спать, не грудной я младенецъ, гдѣ увижу кота, тутъ и задавлю, котъ весь домъ опалитъ.

И дѣйствительно, Васька за короткіи промежутки слѣдъ по себѣ оставилъ: всѣ корешки Русской мысли и Вѣстника Европы опалилъ, а, по верхамъ шатаясь, задѣлъ и приходорасходную книгу и кое-кого изъ красавиць.

Покорилась Агапевна, завязала Васькѣ глаза, отнесла на пустой дворъ, тамъ и покинула.

Еще плоше дѣло пошло, постылы потянулись дни—вчерашнія щи, третъеводнишная каша добръе! Стало Ивану Семеновичу по ночамъ представляться, будто не одна у него, а двѣ головы—развѣтвилась шея на двѣ жидкихъ шеи и на каждой по головѣ болтается. Любовь-то безумить! И стонетъ онъ ночь по-медвѣжьи, хоть зови попа да отчитывай.

— Зачѣмъ такъ стонешь, батюшка?—кликнетъ Агапевна.

— Нѣтъ, саруха, пройду я по двору и все прекратится.

И пойдетъ, выйдетъ во дворъ и прямо къ рябинѣ—ря-

бина у могильныхъ крестовъ—влѣзеть на нее, да сверху и станетъ спускаться внизъ головою. Любовь-то безумить! И стонетъ онъ ночь по-медвѣжьи, хоть зови попа да отчитывай.

Болитъ сердце, печалью полна его грудь, одна она въ мысляхъ, одну поминаетъ, только ею и бредить:

— Голубка моя, гурливая!

Набралась страху Агапевна, тайкомъ окуривала его ладаномъ, все боялась, не случился бы грѣхъ: подкараулить шишига да хвостомъ его и закроетъ—наложить онъ на себя руки. Да Богъ далъ, все вдругъ по маслу пошло.

На самую масляницу заходитъ Елена Антоновна, будто къ Агапевнѣ, и за чаемъ, расхваливъ Ивана Семеновича за благообразіе его и примѣрность, за жизнь его скромную и воздержанную, прошла на счетъ пьющаго Артемія и сиротки его племянницы, которой дѣться некуда.

— Нечего вамъ одному вѣкъ вѣковать, Иванъ Семеновичъ,—турчала въ уши Елена Антоновна,—вы еще молодцомъ, а отъ Агапевны у васъ грибы по угламъ выросли: взяли бы къ себѣ Падерку, все-таки молодой лучъ!

Предложеніе Елены Антоновны было по сердцу и подъ руку Стратилатову, но сразу рѣшиться на такое онъ не могъ: и сердце не терпится, и радъ, и до смерти боится—пошли сомнѣнія и не вѣрилось.

— Молоденькая такая—шестнадцать лѣтъ—да тоненькая, а какъ стали за ужинъ разсаживаться, расхвѣлась—полдивана заняла, на мизинчикѣ серебряный перстень съ бирюзой, голубка моя, гурливая!—разсуждалъ самъ съ собою Стратилатовъ, нѣтъ, не вѣрилось.

На первой недѣлѣ Иванъ Семеновичъ говѣлъ и, приобщившись въ субботу, послалъ на провѣдъ Агапевну къ Артемію осмотрѣть племянницу: больше откладывать дѣла нечего, надумался и рѣшилъ.

Ходила развѣдчицею Агапевна и вернулась съ пріятною вѣстью.

— Дюже хороша! Походка павлиная, разговоръ лебединый!—нахваливала Агапевна Надежду, какъ цыганскую лошадь, и подливая масла въ огонь, безповоротнo утвердила Ивана Семеновича въ его рѣшеніи.

Одна была остановка—сама Надежда: какъ посмотреть она на стратилатовское предложеніе и согласится ли переѣхать въ домъ всѣхсвятскаго дьякона Прокопія? Это послѣднее и неустоянное дѣло взялась устроить Елена Антоновна.

Елена Антоновна и не за такое бралась. И ужъ въ началѣ крестопоклонной недѣли все было устроено самымъ благополучнымъ образомъ и безъ всякихъ, словно по щучьему велѣнію.

Въ среду—въ памятный для всѣхъ день, Иванъ Семеновичъ признался Зимареву и закрѣпилъ тогда признанье свое подаркомъ рѣдкаго складня Николы Можайскаго, а въ пятницу, показывая пріятелю какую-то старинную вещицу съ толкучки и, по обыкновенію, наклонившись къ самому уху, сказалъ, придавая голосу особенную дѣловитость:

— Надежда согласилась, сегодня переѣдетъ! — и, не сдержавъ ужъ чувствъ своихъ, распустился въ такой павлиній хвостъ, что самъ Лыковъ, принимавшій бумаги, улыбнулся.

Нѣтъ, что хотите, а старикъ не спятилъ съ ума, онъ только чувствовалъ, что ужъ не въ состояніи высидѣть до конца въ длинной низкой закопченной канцеляріи, что не мѣсто ему тутъ за большимъ, изрѣзаннымъ ножами столомъ, а тамъ—на волѣ, гдѣ вотъ тронется—пойдетъ рѣка, и шумять прирѣчныя ракиты, и чернѣютъ болотныя кочки, и птицы летятъ. И онъ въ первый разъ за всю свою сорокалѣтнюю безпорочную службу, подъ предлогомъ внезапнаго внутренняго разстройства, ушелъ изъ суда на двадцать три минуты раньше срока, причемъ о этихъ незаконныхъ двадцати трехъ минутахъ заявилъ отъ полноты чувствъ своихъ

не только Зимареву, что, пожалуй, и полагалось, но и писарямъ, Корявкѣ и Забалуеву, и сторожамъ, Лукьяну кривому и Горбунову.

Изъ суда Стратилатовъ повернулъ не направо, къ Поперечно-Кошачьей, а налево къ Покровской—въ берегательную кассу, и, положивъ шестьсотъ рублей на имя Надежды, съ облегченнымъ сердцемъ пустился домой. Его тяжелыя огромныя калоши саженьями скрадывали пространство. Онъ мчался во весь опоръ, такъ не то чортъ, птица не поймаетъ. Жилистыя тоненькія ножки горѣли, а пестрый платокъ торчалъ краснымъ ухомъ—то и дѣло вынпмалъ его Иванъ Семеновичъ и обтирался. Проворно поднявшись на крыльцо, крѣпко ударилъ онъ кулакомъ въ дверь и, не передохнувъ, снова ударилъ и ударилъ въ третій разъ—сидѣла на дворѣ куча воробьевъ, всѣхъ спугнулъ.

— Кто, батюшка, кто?—зашамкала за дверью Агапевна.

— Я, старая, отпирай.

Весь горѣлъ отъ нетерпѣнія и все второяхъ, и обѣдалъ Иванъ Семеновичъ на скорую руку, все на часы посматривалъ—Елена Антоновна обѣщала привести Надежду къ вечеру, а ужъ темнѣло. И спать не легъ.

Бѣлая лебедь не раненая, не кровавленная будетъ у него живьемъ въ рукахъ, а какъ миловать ее будетъ и жаловать!

— Мно-о-о-гая, мно-о-гая лѣта!—бурчалъ себѣ подъ носъ Стратилатовъ.

Да и не заснешь, пожалуй. Колченогой желѣзной кровати не было, еще утромъ унесла ее Агапевна въ сарай. На ея мѣстѣ стояла широкая кровать краснаго дерева съ бронзовыми маленькими крылатыми львами и вѣнчиками, а вмѣсто продавленнаго тюфяка подымался пружинный матрацъ, правда держанный, но за то совѣмъ, какъ новенькій, алое пушистое одѣяло и гора бѣлыхъ подушекъ.

Бѣлая лебедь не раненая, не кровавленная будетъ у

него живьемъ въ рукахъ, а какъ миловать ее будетъ и жаловать!

— Мно-о-о-гая, мно-о-гая лѣта!—бурчалъ себѣ подносъ Стратилатовъ.

Какъ на Рождество и Пасху, все было прибрано и вымыто, съ картинъ стерта пыль и снята паутина и, кажется, не осталось въ цѣломъ домѣ ни одного паучка. Не день, видно, мѣсяцъ шли приготовленія.

Въ гостиной въ чудесное зеркало отражался шестнадцать разъ бѣлый, покрытый камчатною скатертью столъ, круглый мѣдный подносъ съ косичкинскими и хаминовскими сластями и чупраковскими пряниками, и рядушкомъ съ стратилатовскою на раззолоченной рѣшеткѣ чашкою, вмѣщавшей въ себѣ добрыхъ два стакана, завѣтная чашка—яйцо на куриныхъ ножкахъ съ золотымъ крыломъ вмѣсто ручки.

Агапевна хлопотала на кухнѣ, возилась съ пузатымъ никелированнымъ самоваромъ, рыжій стратилатовскій сапогъ ухалъ отъ натуги.

Иванъ Семеновичъ поправилъ лампадки, перетанциль укладку съ серебромъ на сундукъ съ книгами, положилъ въ укладку книжку изъ сберегательной кассы—шестьсотъ рублей, запыхался, раскрылъ красный шкапъ, сунулъ въ карманъ печать свою—отъ онаго свое начало все воспріяло, бережно вынулъ золотыя туфельки и, присѣвъ къ столу на царское кресло, тихонько сталъ ихъ на колѣняхъ у себя повертывать, словно прилаживая къ маленькой ножкѣ, непослушной такой и брыкливой, золотыя туфельки.

Скажи только, что хочешь, онъ все отдастъ, будетъ дарить, будетъ охранять на вѣчные вѣки тѣломъ, кровью и жизнью, скажи только, что хочешь, будетъ служить вѣрно и вѣчно, бѣлая лебедь не раненая, не кровавленная, бѣлая лебедь!

— Мно-о-о-гая мно-о-гая лѣта! — бурчалъ себѣ подъ-
нодь Стратилатовъ.

Тѣснѣе и тѣснѣе становилось ему въ его заставленной,
хоть и вымытой, вычищенной и безъ единого паучка, ком-
натѣ. Душно становилось въ комнатѣ, какъ въ паучиномъ
гнѣздѣ, душило нетерпѣніе, какъ тотъ гнѣвъ, что не уло-
жишь, мечь, что не уймешь, огонь, что не угасишь, а сердце,
прядя волну за волною, въ пылу и трепетѣ занлывчивое
неуимчиво искликало и изывало...

По весеннему ужъ синѣлъ вечеръ на волѣ, темные на
таломъ снѣгѣ высматривали кресты отъ всѣхсвятскаго ал-
таря, черный воронъ вѣрный сидѣлъ на крестѣ. Два луча
отъ лампадокъ—отъ Спасителя и Богородицы—скрестившись
на золотѣ тифелекъ, горѣли багряною звѣздою.

Все естество его укрѣплялось и утверждалось и, какъ
крѣпкое дерево подъ крѣпкою бурей, упорно уходило въ
глубь земли желѣзнымъ корнемъ, богатырскій костякъ вы-
расталъ въ немъ.

Вспомнилъ ли о чемъ, или спохватился, или кровь ра-
зыгралась, выронилъ онъ тифельки, всталъ, и, заложивъ
большіе пальцы въ карманы жилетки, будто безглазый въ
своихъ темныхъ очкахъ, уставился на себя въ зеркало и,
отраженный шестнадцать разъ, улыбнулся—такъ улыбнулся,
что большой бѣлый зубъ сверкнулъ въ углу рта,—пуще
смерти истома...

Въ шестнадцать лѣтъ невинное смиренье,
Бровь черная, двухъ дѣвственныхъ холмовъ
Подъ полотномъ упругое движеніе...

—шепталъ онъ, не переводя духъ, стихъ за стихомъ изъ
страшной синей тетрадки, а два луча отъ лампадокъ—отъ
Спасителя и Богородицы—скрестившись на его головѣ,
горѣли багряною звѣздою.

Погасъ синій вечеръ на волѣ, потемнѣлъ снѣгъ, по-

чернѣли кресты, черный воронъ вѣрный перескакивалъ съ креста на крестъ, а онъ, не переводя духъ, шепталъ стихъ за стихомъ, и два луча отъ лампадокъ—отъ Спасителя и Богородицы—скрестившись на его головѣ, горѣли багряною звѣздою.

И вдругъ словно со всѣхъ силъ ударилъ его кто: зажмурившись и согнувъ шею, присѣлъ Иванъ Семеновичъ на корточки—шестнадцать разъ за его плѣшью выглядывала Агапевна.

Прошибла старуху слеза, заслушалась стиховъ, какъ иѣнія, плакала:

— Ужъ такъ хорошо, батюшка, страсть какъ!

И долго Иванъ Семеновичъ не отзывался—духъ захватило—долго не раскрывалъ глазъ; мотая головой и обороняясь, поднялся онъ, наконецъ, злѣе зла.

— Старуха,—захрипѣлъ вдругъ словно изъ петли,—вонъ! административнымъ порядкомъ вонъ въ двадцать четыре часа!

Покорно низко поклонилась Агапевна, высохли слезы.

— Прощай, батюшка!—и пошла.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Сколько ни старался Стратилатовъ скрыть счастливую перемѣну своей жизни и какъ ни хитрилъ, скоро о ней стало всѣмъ извѣстно.

— Радуется дворъ, когда рои роятся, радуется поле, когда распускаются цвѣты, радуется гумно, когда хлѣбъ молотятъ; и человекъ, когда онъ счастливъ! Виденъ соколъ по полету!—признался какъ-то самъ Иванъ Семеновичъ.

Дождались Святой недѣли, разговѣлись и ужъ на розговинахъ всѣ знали, что живетъ у Стратилатова Надежда—

Артемія, стараго покровскаго дьякона, племянница, и что живутъ они, какъ въ самомъ настоящемъ, только незаконномъ бракѣ; онъ ее называетъ и н д ю ш е ч к а - к а п у н и ч к а, она его—х е р у в и м ч и к ѣ.

Кстати и некстати начали поздравлять его и въ выраженіяхъ, хотъ и изысканныхъ и почтительныхъ, но не совсѣмъ удобныхъ, а въ отсутствіи секретаря Лыкова предлагали самые что ни на есть стратилатовскіе вопросы, касающіеся его счастливой семейной жизни и тѣхъ счастливыхъ мелочей ея, затрагивать которыя считается вообще неприкрытымъ и, кромѣ того, неприличнымъ.

Сходились чиновники изъ всѣхъ отдѣленій суда и толпою и въ одиночку—одни похихикать, другіе же просто глазомъ взглянуть, даже изъ архива приходили, а ужъ въ архивѣ извѣстно, одни архивные. Интересъ былъ такъ великъ, такъ всѣхъ занимало, что позабылись не только всѣ правила благопристойности, но и всякія исключенія.

Стратилатовъ сначала отшучивался, потомъ дулся и крѣпился, потомъ вышелъ изъ себя и сталъ объясняться. И по его довольно таки сбивчивому толкованію выходило совсѣмъ наоборотъ: Надежда будто бы помѣстилась у него на мѣсто Агапевны и больше не почему, Агапевну же онъ давно собирался вытурить за всякія злонамѣренности—отъ старухи развелись грибы по угламъ и храпитъ она, какъ фельдфебель, и одушливая—кашляетъ, и завела было кота Ваську, чтобы спать подъ вилы-грабли, но что онъ не такой, какъ всѣ, и ничуть не похожъ на охаверника Забалуева писаря, а потому никогда себѣ не позволить какъ дурно, такъ и безнравственно поступить съ сироткою-племянницею дьякона Артемія, которой всего шестнадцать лѣтъ и дѣться ей некуда, и всѣ, кому приходитъ гнусная мысль о немъ, просто-на-просто съ своихъ же гнусныхъ мыслей все сочиняютъ.

— Свины полосатыя и больше ничего!—заканчивалъ.

Иванъ Семеновичъ, и потъ градомъ лиль съ его лысины.

Но изъ этихъ объясненій, завершавшихся свиньей полосатой, путнаго ровно ничего не вышло, только совсѣмъ ужъ втяпался. Подняли его на смѣхъ, вѣдь улики все на лицо!

Изъ суда по дорогѣ домой всякій день заходилъ онъ къ Косичкину, либо къ Хаминову, либо къ Чупракову и накупалъ сластей, конфетъ, пряниковъ, чего въ прежнее время никогда не позволялъ себѣ, въ субботу послѣ всеношной ни на бульварѣ, ни въ Денисихѣ больше не показывался, что вызывало большое неудовольствіе той же Таньки Мериной, въ воскресенье уходилъ съ бульвара еще за свѣтло и вовсе не дожидаясь разгоннаго марша, наконецъ, кровать краснаго дерева съ бронзовыми маленькими крылатыми львами и вѣнчиками, замѣнившая его старую колченогую, и нѣжныя прямо райскія чаепитія на крылечкѣ съ Надеждою, смутившія и вогнавшія въ краску самого Забалуева, а Забалуевъ, какъ извѣстно, хорошему тону, изящнымъ манерамъ, свѣтскому обращенію и танцамъ обучался не больше, не меньше, какъ въ Денисихѣ. Что теперъ станешь говорить?

Случай же, происшедшій на Ивана Купала въ день ангела Ивана Семеновича—столкновеніе его съ всѣхсвятскимъ дьякономъ Прокопѣемъ—и слѣпому глаза открылъ. А столкнулся онъ съ дьякономъ по сущему пустяку.

Ни въ одной церкви нѣтъ такого стеченія богомольцевъ, какъ за поздней обѣдной у Всѣхсвятской. Валомъ валить народъ, дотору нѣтъ, ровно въ Прокопьевскомъ, когда поднимаютъ чудотворную икону Федора Стратилата, и не протолкаешься. Много народа съѣзжается и сходится не только городскихъ, но и подгороднихъ и даже изъ дальнихъ деревень. Въ церкви тѣсно, стоятъ и на паперти, и въ оградѣ у церковнаго колодца, возлѣ стратилатовскихъ грядокъ, не малая толчея.

Всѣхсвятская церковь древняя обыденная — въ сутки выстроена міромъ по обѣту послѣ чумы, служба долгая, пѣніе хорошее, о. Михей видный, истовый и рѣчи-стый—брюхо выше носу подымается. Все это вѣрно и правильно. Привлекаетъ же богомольцевъ дурочка сестрица Матрена.

Бываютъ такіе люди и совѣмъ невзрачные и съ лицомъ самымъ зауряднымъ, но стоитъ имъ улыбнуться, и всѣ ихъ черты станутъ прекрасными и, глядя на нихъ, становится легко и весело, или войдетъ такой незамѣтный совѣмъ, а заговорить, и притомъ самое простое и немудреное, и вдругъ какъ-то вырастетъ, и отъ словъ его какъ-то просторно тебѣ, а то бываютъ и такіе, только взглянуть—взгляда довольно, и становится легко и весело. И вотъ эта-то радость, которою полны улыбка, слово и взглядъ, должно быть, и привлекаетъ къ себѣ. За такими идетъ народъ.

Дурочка Матрена не молоденькая — лѣтъ тридцать ей, не меньше, но личико у ней дѣтское, а когда морщится, точно какого-то звѣрка напоминаетъ, бѣлку, вотъ кого! Платья на ней яркія,—то голубое, то алое, то канареечное, то пунцовое, на головѣ теплый платокъ, сѣрый, пушистый черными кругами, а, какъ спустить его—закроется вся, даже жутко станетъ.

Еще обѣдня не отойдетъ, выйдетъ она въ ограду, сядетъ на камень у колодца, а за ней народъ. Окружатъ ее: кто перекрестится, копѣйку у камня положить, поклонится и опять станетъ, а кто такъ стоитъ, смотреть. Ждутъ. Сидитъ она на камнѣ — глаза у ней свѣтлые, ну, право же, каждый звѣрекъ, каждая птичка, солнце, дождикъ, звѣзды, луна завели бы съ ней ласковую бесѣду, какъ съ маленькими ребятами.

— Сестрица!—вдругъ заговорятъ изъ толпы.

И она приметя разсказывать и словно отъ какой-то большой радости, какъ дѣти, запыхавшись, то торопится,

то протягиваетъ, путаетъ, но отъ каждаго слова легко и такъ, что, кажется, и травѣ, и камню, и водѣ легко.

Разсказываетъ она изъ житій и евангелія, о рождествѣ любитъ разсказывать, какъ вела звѣзда волхвовъ: заснуть волхвы и звѣзда заснетъ.

— Не проспите свою звѣзду! Или ужъ нѣтъ звѣзды?

— Видимъ, сестрица!

— Помоги намъ, сестрица!

— Вонъ она, сестрица!

А то сказку заведетъ про козу—которая все ѣсть проситъ и сколько ее ни корми, все голодна, и о пѣтушкѣ, какъ пѣтушка лисица горошкомъ заманивала, чтобы только въ окно пѣтушокъ выглянулъ, а горошекъ-то вкусный, а зубы-то у лисы острые, и опять про козу, какъ бѣжить она за кленовымъ листочкомъ полбока лулпена, и какіе такіе люди есть—облупили полбока козѣ—свистуны люди, какъ сохлыя листья, сгребетъ ихъ дворникъ и въ яму, и опять о пѣтушкѣ: обманула горошкомъ лиса, унесла пѣтушка и съѣла, и вдругъ про рѣки, какъ текутъ онѣ полноводныя, сильныя, какъ серебро, свѣтлыя, да гульливныя, ни песками, ни кореньями, ни камнями не держатся, и про птицъ, какія онѣ птицы—голуби...

— Рѣки текутъ, сестрица!

— Голуби птицы, сестрица!

— Ты наша, сестрица!

И опять про козу: пасетъ ее старая-престарая старуха и не знаетъ старуха, что ей дѣлать, мало у ней хлѣба, а все ѣсть проситъ, все голодна коза.

— И я не могу накормить васъ, а вѣдь вы голодны!

— Мы сыты, сестрица!

— У меня и ложекъ не хватитъ... — а сама глядитъ, улыбается, алыі румянецъ покрываетъ блѣдность, и становится легко и такъ, что, кажется, и травѣ, и камню, и водѣ легко.

- Спасибо тебѣ, сестрица!
- Не покидай насъ, сестрица!
- Ты наша, сестрица!

Стратилатовъ возвращался отъ поздней обѣдни—въ день своего ангела онъ находилъ болѣе умѣстнымъ помолиться невѣ Зачатьевскомъ, а у Іоанна Предтечи—настроение у него было самое именованное. Протолкавшись сквозь толпу, онъ тоже остановился не подалеку отъ камня.

Дурочка ужъ кончила рассказывать — стали понемногу расходиться—она сидѣла неподвижная, какъ камень, съ плотно закрытыми глазами, и вдругъ камнемъ упала на землю. Кто-то бросился за водою, чтобы подать ей напиться, но всѣмъ хорошо было извѣстно, что она просто дуритъ и представляется, и будетъ биться и стонать до тѣхъ поръ, пока дьяконъ Прокопій не принесетъ ей воды.

— Ужъ впрямь дурья порода!—сказалъ какой-то косоглазый въ поддевкѣ.

— Камнемъ васъ тамъ окаянныхъ надо!—отозвалось съ другого конца.

— Сѣла баба на ката, поѣхала до пона... Съ днемъ ангела, Иванъ Семеновичъ!—подмигнулъ проходившій съ барышнями фельдшеръ Жоховъ, пріятель Забалуева.

Иванъ Семеновичъ кивнулъ фельдшеру, благодушно разсматривая дурочку.

И когда явился дьяконъ съ ковшомъ, она, какъ ни въ чемъ не бывало, поднялась съ земли и, жадно выпивъ полный ковшъ, такъ стала уморительно морщиться, носъ морщила, что, глядя на нее, всѣ точно также носы заморщили.

— А кого ты, Матрена, во снѣ видѣла?—съ улыбочкой пристала дьяконица.

— Дьякона.

— А какъ же ты, милая, его видѣла?—не отставала дьяконица.

— А видѣла я,—почти пропѣла дурочка и вдругъ

закрылась вся своимъ сѣрымъ пушистымъ съ черными кругами платкомъ,—видѣла я, будто купаемся...

Взрывъ хохота заглушилъ слова, во всю мочь гоготаль дьяконъ, пищала дьяконица.

— Бываетъ же такая погань, — съ омерзеніемъ сказалъ Стратилатовъ,—къ духовному сану никакого уваженія!—и плюнувъ, пошелъ къ грядкамъ.

— А твоя Надерка шлюха гуляющая! — пустилъ дьяконъ, гогоча въ слѣдъ, ужъ такъ разыгрался.

— А вотъ я тебя, дьяконъ, застрѣлю, — обернулся Иванъ Семеновичъ и быстро-быстро зашмыгалъ по грядкамъ къ дому.

Гоготъ между тѣмъ не унимался: дурочкинъ сонъ и стратилатовская угроза довели его до неистовства, какая-то кликуша залаяла.

Но Иванъ Семеновичъ не заставилъ себя ждать, словно изъ-подъ земли выросъ онъ съ большимъ грузинскимъ пистолетомъ, украшеннымъ тонкою рѣзбою. Онъ шелъ прямо къ дьякону и въ шагахъ пяти остановился, поднялъ пистолетъ и сталъ цѣлиться.

И тотчасъ все притихло, одна лишь кликуша лаяла.

— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!—зашептали старухи, расползаясь, какъ слѣпые щенята отъ матери.

— Ты попробоваль бы лучше изъ палки выстрѣлить, авось вѣрнѣе! — дьяконъ скорчилъ рожу, будто передразнивая, и сталъ пятиться.

А Иванъ Семеновичъ упорно цѣлился, и казалось, вотъ сію минуту спустить курокъ, раздастся выстрѣлъ и конецъ дьякону. Дьяконъ вдругъ задрожалъ весь и, высунувъ языкъ, какъ-то присѣдая, словно на перебитыхъ ногахъ, съ высунутымъ языкомъ пошелъ прочь.

Такъ пропалъ дьяконъ за крестами, окружающими всѣхсвятскій алтарь, и осталось у камня всего нѣсколько

душъ: какія-то деревенскія бабы съ узелками, п съ ними кликуша, которая лежала теперь ничкомъ на травѣ, да нарядная барышня Спицина, дочка купца Сиицына, опекавшая дурочку, да сама дурочка. Она сидѣла на камнѣ, держала на колѣняхъ платокъ и плакала тихо, какъ дѣти, у которыхъ отняли игрушку. А Иванъ Семеновичъ все стоялъ и цѣлился. И должно быть такъ въ оцѣпенѣннн съ и столетомъ въ рукахъ простоялъ бы до вечера, до ночи, если бы не пробудилъ его голосъ Надежды. Надежда, перевѣсившись изъ окна, съ сердцемъ кричала ему, чтобы шель скорѣй чай пить—пирогъ поспѣлъ.

— Мерзавецъ, долгогривый песь! -- очнулся Иванъ Семеновичъ и пошелъ къ дому, тяжело передвигая свои огромныя калоши.

Эхъ, въ прежнее-то время въ обернибѣсовское, въ тѣ ранніе годы, когда еще жива была покойница мать, какъ весело проходили именины! Насталъ сѣнокосъ, напускалась, разгуливала острая коса въ мягкой травѣ, сметали сѣно въ стога, легъ бы подлѣ стога или сѣлъ бы верхомъ на коня, поднялся бы конь, только топъ стоять. Сколько въ лѣсѣ деревьевъ, сколько прутьевъ на деревѣ, сколько на каждой вѣтвѣ зеленыхъ листьевъ, все узналъ бы, весь лѣсъ объѣхалъ бы.

Но теперь не до того: другая пѣсня! Именины не въ именины пошли. На слѣдующій день послѣ столкновенія, на свои черствые именины, Стратилатовъ перебрался на новую квартиру къ сосѣду Тарактееву въ каменный домъ съ высокимъ крыльцомъ.

Не хотѣлось ему разставаться съ своими комнатами. трудно было, а пришлось, не хотѣлось и вещамъ трогаться съ мѣста, за столько-то лѣтъ насидѣли мѣстечко, а пришлось. Просто взбѣсилась Надежда, кричала она озвѣрѣлая на всю Поперечно-Кошачью, что и дня не останется въ дьяконскомъ паучиномъ гнѣздѣ, гдѣ и не житье ей, а смерть—

осрамилъ ее дьяконы! — рвала и метала, въ горячахъ кокнула завѣтную чашку съ золотымъ крыломъ, напустилась со зла на Ивана Семеновича, давай колотить его да хлестать по ушамъ, пещипала до синяковъ, такъ разбушевалась, такъ расходилась, вотъ глаза выцарапаетъ, хоть веревкою крути. Такъ и покинулъ Иванъ Семеновичъ въ угодность своей Надеждѣ свой старый дьяконскій домъ.

Переѣздъ на новую квартиру и вся злополучная исторія съ обстрѣленнымъ всѣхсвятскимъ дьякономъ вызвали новые толки, а разговорамъ, всякимъ шуточкамъ и насмѣшкамъ конца не было: Увѣряли, что изъ стратилатовскаго пистолета лѣтъ ужъ двѣсти никто не стрѣлялъ да и заряжать такой грузинскій невозможно: безъ пороха разорветъ; смѣялись надъ дьякономъ, который стрелкача задалъ въ виду огнестрѣльнаго орудія, и что дурочка сестрица Матрена за это разлюбила своего дьякона, съ особеннымъ же удовольствіемъ и довольно откровенно передавались подробности самого переѣзда: какъ стражникъ Емельянъ Прокудинъ помогалъ вещи перетаскивать и какая награда досталась ему за усердіе.

— Голгофа, — взывалъ Адрианъ Николаевичъ, указывая волосатымъ перстомъ на Стратилатова, — рогатая ты плѣшь.

Но Ивану Семеновичу совѣмъ не до роговъ было, весь поглощенный устройствомъ своего новаго угла, онъ только и думалъ, какъ и гдѣ разставить ему вещи, которыхъ оказалось и много да и не послушныя какія-то. Всякія издѣвательства, всякіе назойливые вопросы разъ-отъ-разу отскакивали отъ него, какъ отъ стѣны горохъ. И признался ли бы онъ въ концѣ-то концовъ, что живетъ съ Надеждою вовсе не какъ братъ съ сестрою, а вѣдь въ сущности вѣмъ только и хотѣлось, чтобы онъ признался въ этомъ, или же, потерявъ послѣднее терпѣніе, прибѣгъ бы къ своей черпильницѣ и зачернилъ бы въ канцеляріи весь полъ пятнами, а можетъ быть, вооружась по самые зубы, опять за

пистолетъ взялся бы, но ужъ, конечно, за самый скоро-
стрѣльный, объ этомъ никто не думалъ, да и думать не
стоило—все кончилось само собою.

Какъ лишь случай когда-то спасъ Ивана Семеновича
отъ регента Ягодова, и регентскихъ злопагубныхъ на-
шествій и Ягодовской богопустной философіи, такъ и
теперь выручилъ его, но ужъ не случай, а цѣлый рядъ со-
бытій да такихъ важныхъ—на весь городъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Женскій Зачатьевскій монастырь послѣ древняго Про-
копьевскаго первый. Въ его прошломъ числилось за нимъ
не мало заслугъ и много прелюбопытныхъ исторій: онъ и
отъ враговъ спасалъ и просвѣщеніе насаждалъ, за его вы-
сокими стѣнами умирали въ заточеніи узницы и простыя
смертныя и такія, при имени которыхъ Стратилатовъ не-
премѣнно бы привсталъ, одно время хлыстовство процвѣ-
тало въ немъ, но всѣ эти доблести давнымъ давно поросли
быльемъ, монастырь пришелъ въ запустѣніе и шла жизнь
хозяйственная, сварливая—монастырская.

Еще въ концѣ прошлаго года вдругъ заговорили о мо-
настырѣ, говорили съ уха-на-ухо, а слышно было съ угла-
на-уголь. Прошла молва, что творится въ монастырѣ что-то
необыкновенное и притомъ такое, что и подумать страшно.

По ночамъ будто бы подымается шумъ, появляется не-
чисть и скверна—вредныя насѣкомыя, жабы болотныя, псы
смердящіе, мыши летучія, скорпіоны и всякіе гады земно-
водные, отъ которыхъ и стонъ и крикъ по кельямъ стоитъ,
но мало того, въ трапезной будто бы всѣ предметы ни съ
того, ни съ сего сами собою ворочаются: падаетъ посуда съ
полокъ, вылетаетъ пестикъ изъ ступки—зазѣваешься,
огрѣетъ по затылку!—выскакиваютъ изъ печки горящія
дрова.

Зачатьевскій протопопъ о. Пахомъ — Ахитофелъ сбѣжалъ отъ страху, когда, пришедши въ трапезную молебень служить, увидѣлъ шествующій ему навстрѣчу огромный пустой сапогъ, а какая-то летающая корзинка такъхватила дьякона въ спину, что у бѣдняги всѣ печенки отшибло и къ Пасхѣ преставился.

А затѣмъ стало извѣстно, что въ самое наикратчайшее время кто-то надругался надъ всѣми монашками и такое попущеніе объяснялось ничѣмъ инымъ, какъ огненнымъ искушеніемъ, которое будто бы нападаетъ по ночамъ на монашекъ и нѣтъ отъ него никакого избавленія.

Нашъ полиціймейстеръ Жигановскій, любившій называть себя Понтіемъ Пилатомъ, человекъ прямой и отважный, вывѣдавъ черезъ особыхъ подручныхъ суть дѣла, задумалъ расправиться по-свойски.

А дѣло-то было не безъ грѣха: оказалось, что и нечисть и скверна—всѣ эти появляющіеся гады земноводные, не болѣе, какъ басня, пущенная лишь для отвода глазъ, пустой же путешествующій сапогъ съ летающей корзинкой—ловкая продѣлка; въ дѣйствительности же по ночамъ монашки опускали съ монастырской стѣны корзины и подымали въ этихъ корзинахъ къ себѣ въ кельи своихъ кавалеровъ, а затѣмъ ужъ слѣдовало огненное искушеніе.

Немедленно же нагрянуть врасплохъ и поразить всѣхъ на голову, вотъ что занимало полиціймейстера,—извѣстно, Жигановскій: два часа въ сутки спалъ, и всѣ жулики ему повиновались.

По обыкновенію, долго не раздумывая, неожиданно подошелъ онъ ночью къ монастырской стѣнѣ, засѣлъ въ корзину и благополучно сталъ подниматься. И ужъ въ корзинкѣ, покручивая свои лихіе жигановскіе усы, рисовалъ въ воображеніи своемъ цѣлыя картины: какъ всѣ потрясены будутъ, какой кавардакъ выйдетъ—битва, разгромъ, пораженіе. И вотъ на самомъ на верху, когда оставалось только

вылѣзать и дѣйствовать, монашки, заглянувъ въ корзинку, съ ужасомъ узнали полиціимейстера, затабунились воронами, зачайкали да отъ страха и выпустили веревку: корзинка — внизъ, а съ ней и Жигановскій, да такъ съ высоты и брякнулся о землю, — тутъ ему и смерть приключилась.

Геройская гибель Жигановскаго стала притчею во языцехъ: только о полиціимейстерѣ и было разговору. И былъ по немъ отъ всѣхъ великій плачь, какъ выражался, передавая событіе, Иванъ Семеновичъ.

Не успѣли сорокоусть справить, произошло другое событіе, поднявшее шумъ вокругъ себя не меньшій.

Чиновникъ изъ судейскаго архива Страстотерпцевъ, не уступавшій въ своемъ пристрастїи къ чаю самому Стратилатову, коротая вечерокъ въ трактирѣ Бархатова съ чиновникомъ Предтеченскимъ, побился объ закладъ на полтора рубля, что выпьетъ за одинъ присѣсть пятьдесятъ чашекъ чаю.

Предтеченскій согласился, ударили по рукамъ и потребовали чаю. Случившійся у сосѣдняго столика бывшій регентъ паршиваго соборнаго хора Ягодовъ, какъ отрекомендовался регентъ, и его закадычный другъ, гармонистъ Молодцевъ, вызвались быть свидѣтелями. Бывшій регентъ наливалъ, а гармонистъ отмѣчалъ выпитое.

И тридцать девять чашекъ Страстотерпцевъ вышилъ, не крикнулъ, опрокинулъ и сороковую, взялся за сорокъ первую, поднесъ ужъ блюдечко къ губамъ, сталъ было дуть, чтобы не такъ горячо, да вдругъ какъ хлынетъ вода изъ ушей, изо рта, изъ носа — изъ всѣхъ отверстій, пошатнулся, выпучилъ глаза и упалъ, да такъ весь и изошелъ водою, померъ.

А немного погода послѣ похоронъ Страстотерпцева случилось такое, что, какъ говорилъ Иванъ Семеновичъ, не случилось съ тѣхъ поръ, какъ почернѣлъ воронъ.

Среди бѣла дня гимназистка Вербова, исполняя приговоръ мѣстнаго революціоннаго комитета, застрѣлила по ошибкѣ, вмѣсто губернатора, отставнаго полковника Аурицкаго, а въ ту же ночь арестованъ былъ секретарь Лыковъ и подъ усиленнымъ конвоемъ препровожденъ въ Петербургъ.

Да кому же послѣ всего этого пришло бы въ голову заниматься Стратилатовымъ! И что такое Стратилатовъ теперь? Шиш и мора,—не больше. Такъ въ одинъ голосъ сказали бы.

Бросили Стратилатова, забыли Стратилатова, оставили въ покоѣ всякія его похождения, и жила-ли у него Надежда или никакой Надежды никогда и на свѣтѣ не существовало, все это было такъ далеко, такъ неважно и глубоко неинтересно.

Иванъ Семеновичъ чувствовалъ себя, какъ нельзя лучше, теперь уже безпечально, счастливо и невредимо пойдетъ его жизнь. Исторія съ Страстотерпцевымъ его ничуть не тронула, пожалуй, даже вызвала нѣкоторое безразличное чувство.

— Это все равно, что утопленникъ, самъ въ себѣ утопъ, Богъ наказалъ за жадность, — отзывался Иванъ Семеновичъ.

Полиціймейстера Жигановскаго вписалъ онъ къ себѣ за упокой въ поминанье рядомъ съ низложеннымъ португальскимъ королемъ, а за отставнаго полковника Аурицкаго поставилъ на канунъ свѣчку.

За то какъ торжествовалъ онъ, что арестованъ, наконецъ, Лыковъ, — неподкупный и неуклонный Лыковъ, державшій голову повыше самого прокурора и чуть-ли не знавшій то самое куриное слово, если знать которое, то все тебѣ можно! Вѣдь, это же Иванъ Семеновичъ первый открылъ, что Лыковъ—революціонеръ; и, если о своемъ открытіи не говорилъ при всѣхъ громко, а только шопотомъ,

признаваясь на духу о Михею, то исключительно изъ уваженія и страха передъ начальствомъ: какъ ни какъ, а секретарь—начальство, и не маленькое.

Скоро выяснилось, что Лыковъ обвинялся въ организации какого-то вооруженнаго возстанія. Иванъ Семеновичъ, ничего не имѣя противъ, съ удовольствіемъ добавлялъ:

— И въ экспроприаціи.

По его наблюденіямъ Лыковъ отнюдь не спроста ходилъ мимо сберегательной кассы.

— Конечно,—говорилъ Иванъ Семеновичъ,—хотѣлъ ее ограбить.

А время шло своимъ чередомъ, какъ шло при Лыковѣ, а теперь безъ Лыкова, не обращая никакого вниманія, кто правъ и кто виноватъ, гдѣ ошибка и гдѣ правильно.

Пришла на дворъ осень. Дни были теплы и ясны—суха земля, а ночи теплы и тихи—частыя звѣзды. До Рождества Богородицы простояло тепло, а за бабьимъ лѣтомъ стала погода мокрая, пошли дожди.

Стратилатовъ приторговывалъ себѣ шубу—онъ рѣшилъ ознаменовать свою новую жизнь: одѣться по новому—и, любовавъ какую-то елотку, всѣмъ и каждому старался сообщить о своей покупке, а кстатѣ и посѣтовать на всеобщее вздорожаніе продуктовъ. Но никто не обращалъ никакого вниманія на его разглагольствованія, и даже Зимаревъ, исправляющій теперь должность секретаря, и оказавшійся достойнымъ преемникомъ Лыкова, какъ-то не по-пріятельски велъ себя.

Участь Лыкова занимала всю канцелярію. Лыковъ не сходилъ съ языка. Строились всякія предположенія и, по мѣрѣ поступленія новыхъ свѣдѣній, рѣшалась дальнѣйшая его судьба: и какъ онъ будетъ держать себя на судѣ, и какую произнесетъ рѣчь, и дастъ-ли такой повѣсить себя, если приговорятъ его, какъ гимназистку Вербову.

Такъ за всякими разговорами и дѣлами никого не удивило и даже не вызвало самаго простаго любопытства, когда въ одинъ прекрасный день, именно послѣ Воздвиженья Стратилатовъ не явился въ канцелярію. Дня три пустовало его мѣсто и тутъ только хватились. Стали наводить справку, оказалось, заявленія никакого не поступало. Что за притча?

Прямо изъ суда отправился Зимаревъ на развѣдки. Стукнулся въ каменный домъ къ Тарактееву на новую квартиру, но тамъ Стратилатова не оказалось и справиться не у кого: внучка Тарактеева, дѣвченка глупая и безтолковая, только и могла сказать, что зовуть ее Катькою.

Пробившись по-пусту съ дѣвченкою, Зимаревъ пошелъ на старую квартиру, надѣясь разузнать что-нибудь отъ надзирателя. Но къ надзирателю не пришлось стучаться, на крыльчкѣ встрѣтила Агапевна.

— Это ты, золотой, — обрадовалась старуха, — а мой-то, мой-то! — и беззубый ротъ ея вздрагивалъ.

Она повела его въ комнаты, усадила въ гостиной на царское кресло передъ чудеснымъ зеркаломъ.

Все было на своемъ мѣстѣ цѣлымъ-цѣло, словно бы и не думалъ никогда уѣзжать Иванъ Семеновичъ изъ своего насиженнаго гнѣзда: лампадки горѣли въ двухъ переднихъ углахъ передъ Спасителемъ и Богородицею и висѣли картины цѣлы-цѣлехоньки, на красномъ шкапу лежала приходо-расходная книжка для записи милостыни, а на дверцахъ красовался старинный обернибѣсовскій галстукъ съ кистями — все старуха устроила и разставила по старому, только на сундукѣ съ книгами, на которомъ спалъ когда-то художникъ, сидѣлъ теперь дымчатый усатый котъ и, замывая гостей, пѣлъ свои вилы-грабли, да не было самаго Ивана Семеновича.

Изъ разспросовъ выяснилось, какое несчастіе постигло Стратилатова: будь тутъ о двухъ головахъ, — пропадешь, вотъ какое горькое!

Послѣ своего изгнанія, пріютилась Агапевна въ уголку въ сѣняхъ между сундуками и, стараясь на глаза не попасться, кое-какъ перебивалась, а когда Иванъ Семеновичъ переѣхалъ къ Тарактееву, позволилъ ей старикъ Тарактеевъ въ кухнѣ у дверей устроиться—днемъ за дѣвченкою внучкою присматривать. А старуха и въ щель тараканомъ затиснулась бы, только бы не разставаться съ Иваномъ Семеновичемъ, чувствовала старуха: быть бѣдѣ. Дня не проходило безъ стражника Емельяна Прокудина, и днемъ, и ночью торчалъ онъ у Стратилатова—на чужое добро лакомъ!—точаль лясы съ Надеждою. И правда говорится: лакома овца къ соли, коза къ волѣ, а вѣтреная женщина къ новой любви,—стрясь ее съ нимъ лукавый. Дальше—больше, и въ концѣ концовъ ушла Надежда съ Прокудинымъ. На Воздвиженье передъ обѣдомъ вломился стражникъ, забралъ полный возъ добра, ухватилъ и укладку съ серебромъ.

— Вѣдь вотъ, милой,—разсказывала Агапевна,—нашъ то схватился за укладку, не пускаетъ. Дважды на улицу выбивались, а потомъ тотъ его и дерзнулъ. Мой-то свѣту не взвидѣлъ—скоконетъ съ рундука-то, да прямо въ шайку, ажно вода захлипала, руками-то схватился за желобъ, а труба прочь—а онъ бокомъ-то, свѣту не взвидѣлъ! „Ничего,—говорить,— не понимаю,—да руку мнѣ,—веди меня, Агапевна!“—слезами заливается. А Надерка-то поганая на возу сидитъ да хохочетъ: „На что мнѣ,—говорить,—тебя лысаго да паршиваго, помоложе есть!“ А кругомъ народъ-то издѣвается, сорокъ челоуѣкъ, срамота! Такъ-то, милой, изъ-за женщины такую муку принялъ. Теперь въ больницѣ лежитъ.

На другой день Зимаревъ ходилъ въ больницу. Было уже поздно, пріемъ кончился, но его, какъ начальство, пропустили.

Стратилатовъ узналъ пріятеля, но трудно было узнать его: съ забинтованнымъ бокомъ онъ лежалъ на койкѣ—ни повернуться, ни руку поднять—какъ колода, и не румяный,

а почернѣвшій, и не черный пушокъ, сѣдые щетинились усы, ясно было, онъ подкрашивалъ ихъ и подстригалъ искусно, и засѣла колючая борода, а маленькіе глаза, мутные, какъ два стеклышка, перемигивались, скашиваясь къ носу.

— Не боку мнѣ жалко, Борисъ Сергѣевичъ, а то, что она, подлая, укладку увезла; кабы не боленъ, прямо бы въ судъ пошелъ,—только и могъ проговорить Иванъ Семеновичъ, видно, больно закололо въ боку.

И, глядя на пріятеля своими мутными глазами, онъ словно все спрашивалъ: „и чего люди спорятъ, чего добиваются, и какъ разобратъ, кто правъ, и когда только все это кончится?“

Но отлежала боль, и онъ опять повторялъ:

— Не боку мнѣ жалко, Борисъ Сергѣевичъ.

Скрутило Ивана Семеновича, пришло время, и не дождался перваго снѣга, не обновилъ енотку—не снесъ головы: на Федора Студита, какъ прилетать отъ желѣзныхъ горъ зимнимъ вѣтрамъ, пріобщившись и поборовавшись масломъ, померъ.

Разсказывали, что мучился онъ передъ смертью крѣпко и томился. Все жаловался, что мыслей остановить не можетъ и давить глаза шибко, и мерещилось ему, будто люди какіе-то, на лопаты похожіе, набрасываются на него, зацѣпили веревками подъ руки и тащатъ, какъ собаченку, къ рѣчкѣ топить, упирается онъ, визжитъ, а они молчкомъ себѣ тащатъ, а то будто кружится надъ нимъ воронъ—черный вѣстникъ, желѣзный носъ, мѣдныя ноги, разинулъ клювъ и все ниже, ниже спускается, хвостъ тоже мерещился шишигинъ, промелькнетъ по палатѣ или въ углу трубой стоитъ, дымчатый, пушистый, какъ у Васьки, вотъ-вотъ закроетъ.

— И-ва-а-анъ! Васи-л-л-лій! Пе-е-е-тръ! — причиталъ Иванъ Семеновичъ, призывая не то мертвыхъ изъ поминанья, не то живыхъ знакомыхъ, и каменѣлъ, словно палка.

А какъ притти послѣдному часу, за минуту до смерти,

затихать ужъ сталь и ералань свой бросилъ—пересталь бредить, да вдругъ какъ вскочить съ койки, выпрямился, вытянулся на своихъ жилистыхъ тонкихъ ногахъ, инда утроба вся вздрогнула, стойкій, этакъ сталь открыто плѣшью къ солнцу—сидѣлка увѣряла, что Богородицу читать сталь, а фельдшеръ Жоховъ хихикаль, что вовсе не Богородицу, а будто стихи какіе-то,—и какъ подкошенный, повалился; потъ выступилъ на переносицѣ и покатилаь капля по носу, капля за каплею, выбрало у него свѣтъ — отемнѣло, и отошелъ въ вѣчную жизнь.

У Стратилатова наслѣдниковъ не было, не оставилъ онъ и духовной, и деньги—десять тысячъ—перешли въ казну. Вещи же назначили къ распродажѣ и пока что жила при нихъ Агапевна. И въ родѣ полоумной стала, сна лишилась старуха: приляжетъ ночью на лежанку, а не ложится, вскочить въ сѣни на крылечко—все ей представляется, все ей слышится, будто Иванъ Семеновичъ кличетъ:

— Агапевна?

— Я, батюшка.

1909 г.

ЦАРЕВНА МЫМРА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хорошо было Атѣ въ Ключахъ, такъ хорошо, что едва промелькнуть они хотъ бы самымъ своимъ послѣднимъ кончикомъ въ его крѣпкой памяти, какъ ужъ все другое—теперешнее: Старый Невскій, гдѣ онъ живетъ съ отцомъ и матерью, и гимназія съ уроками, перемѣнами и отмѣтками, и учителя всѣ, начиная съ нѣмца Ивана Мартыновича и кончая чистописаніемъ—Иваномъ Евсеевичемъ, и всѣ первоклассники, даже пріятели—Ромашка и Харпикъ—такъ все попрячется и вдругъ сгинетъ совсѣмъ, словно никогда и ничего не было, а были всегда и будутъ одни веселые Ключи.

„Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжить!“—скажетъ себѣ Атя и, отложивъ куда подальше противный учебникъ, сядетъ и сидитъ себѣ—думаетъ думу.

А то проснется Атя ночью, и какой-нибудь намекъ одинъ—донесется ли храпъ изъ кухни, или самъ такъ заворочается, будто не кровать подъ нимъ и лежитъ онъ не въ комнатѣ, а на травѣ—на зеленомъ лугу, и въ ту же минуту ему ясно представится, что онъ не въ Петербургѣ, а далеко въ родныхъ Ключахъ, гдѣ родился и жилъ до гимназіи у дѣдушки о. Анисима. И онъ лежитъ такъ всю ночь и хотъ старается думать о вѣтрѣ, какъ вѣтеръ и ко-

лосья шумять, чтобы только заснуть, а сонъ не идетъ.

Будь сейчасъ крылья у Ати или коверъ-самолетъ—пропадай все!—улетѣлъ бы въ Ключи.

Село Ключи на горѣ. Подъ горою бѣлая церковь. Противъ церкви домъ дѣдушки, садъ и пчельникъ. Перемахни черезъ плетень—рѣка. Рѣка Коса. А за рѣкою поле, и за церковью поле. И опять гора и на много немѣрныхъ верстѣ лѣсъ. Лѣсъ—медоборъ частый, крѣпкій нерубанный: звѣрю—туда-сюда, человѣку—знай, посматривай. Муравьиныя кочки—стога. Какъ пойдутъ осенью по грузди да рыжики, кочки жгутъ: волкъ муравьиного духу не любитъ, помогаетъ отъ волка.

На бѣлой колокольнѣ—стрижи: ихъ видимо невидимо. Закатится солнце, начнутъ они перелетать и, летая, все говорятъ по своему, по стрижиному. Стрижи старые: каждую весну прилетаютъ въ Ключи на колокольню. Что ихъ сюда манитъ: звонъ ли вызволившихся зазвонныхъ колоколовъ? или привыкли они къ сѣдому дѣдушкѣ? Они много знаютъ, они должны помнить: какъ дѣдушка молодымъ былъ, какъ жена дѣдушки померла, какъ родилась Атина мать...

— Атя пріѣхалъ, — будто говорятъ стрижи, перелетая, — какой за зиму Атя большущій сталъ!

Козы и овцы, коровы и телята, свиньи и кони, гуси, индюшки, всѣ догадаются, какъ покажется на селѣ Атя: скоть и птица понятливы—перомъ да шерстью чуютъ.

Отъ Медвѣдокъ до Ключей, если скорой ѣздой, то и въ день доѣдешь. Сядетъ Атя въ плетушку, а Федоръ-Костыль какъ свистнетъ, и понесутся крѣпкіе каріе кони и безъ дороги мчатся съ горы на гору, изъ лѣса въ лѣсъ, изъ деревни въ деревню—поспѣвай отворять ворота! Съ копытъ пыль стоитъ, завивается дымомъ, а по полямъ не унылыя версты—вотъ ячки въ бѣлыхъ, затканыхъ шелками, нарядахъ, сверкая серебромъ уборовъ, протянутся бѣлыя имъ навстрѣчу и вотъ кія пѣсни дикія, что лѣсной

гуль, и глубокия, что вой половодья, а звонкія—не такъ звонка болотная тростинка, а свѣтлыя—не такъ свѣтла говорливая желейка, въ ладъ ручьями поплывутъ за ними, а вѣтры, мѣняя кручину на веселье, съ горъ надзынутъ тоску. Эй, звени, колокольчикъ!—раззвонился, гулкій, утомленъ, какъ кони, гудить. Проѣхали мельницу—прогремѣла плотина, миновали заповѣдныя луды—вѣщія рощи Кереметя. Да живъ ли гордый богъ—непокорный братъ И н м а р а, творца неба, земли и солнца? „Живъ“,—шепчетъ вѣщяя роца. А вонъ и ш а й м ы—старое вотское кладбище. Издалека слышнать въ Ключахъ гуль колокольчика: выбѣжать Паня и Саша—побросаютъ на кухнѣ стряпню. выйдетъ крестная, охромѣетъ отъ радости, и завизжитъ тямкая Г р и в н а, а дѣдушки нѣтъ: ушелъ дѣдушка въ церковь. Атя—къ курамъ. У куръ—заяць: такъ называется заяць, самъ по себѣ онъ просто кроликъ. Вонъ посмотрите: отъ веѣхъ убѣжить, никого не подпуститъ, а тутъ ничего.

— Здравствуй, заяць! Дай, зайчикъ, лапку!

Узналъ Атю усатый: мяучить и подаетъ ему лапку.

А вотъ и самъ дѣдушка; не утерпѣлъ. дѣдушка—бросилъ книги и все, идетъ изъ церкви.

Рано утромъ, лишь заря упадетъ и тепло—красная разсыплется по горамъ и лѣсу, встанетъ солнце—подымется и Атя и бѣжить на Косу кунаться, а потомъ—пора рабочая—цѣлый день за работой: навозъ возить. Придетъ вечеръ, станетъ закатываться солнце, золотымъ вѣнцомъ украситъ солнце курчавую липу, надѣнетъ на иву золотое колечко, тутъ только Атя домой, и ужъ испачканный, весь въ землѣ: на что только похожъ!

А дѣдушка скажетъ:

— Экій ты у меня хозяинъ!

— Я, дѣдушка, девять возовъ свезъ!—засмѣется Атя, а когда Атя смѣется, показываетъ свои крѣпкіе широкіе бѣлые зубы, и хочется, чтобы Атя все время смѣялся.

Старый да малый—дѣдушка и Атя—одинъ безъ другого за столъ не сядеть. За вечернимъ чаемъ Атя читаетъ, что на день въ отрывномъ календарѣ написано: какія примѣты и о погодѣ, а другой разъ такъ изъ книги читаетъ, больше арабскія сказки Тысяча и одна ночь. Дѣдушка любитъ арабскія сказки слушать.

— На тебѣ пятакъ за работу, да смотри, не прохарчи.

— А я, дѣдушка, всё мои прошлогоднія въ Петербургѣ прохарчилъ, видѣлъ гиппопотама!—засмѣется Атя, а когда Атя смѣется, глаза его, какъ свѣтляки, загорятся, и станеть всёмъ весело.

И день за день, какъ рѣка, течеть,

Проводили девятую пятницу. Народу—вотъ какая коса! Въ крестномъ ходу Атя носилъ крестъ вокругъ села. За иконами народъ шелъ, за народомъ скотина—козы, овцы, бараны, коровы, кони, — и имъ полагается! Заяць тоже ходилъ. Ну, не такъ, какъ конь или корова, заяць всю дорогу промяукалъ на рукахъ у крестной, а то живо въ лѣсъ утечетъ!

Поджидаютъ изъ Петербурга дядю Аркадія. Только и разговоры въ Ключахъ, что о дядѣ Аркадіи. Крестная во снѣ его видѣла, будто выходитъ дядя Аркадіи изъ чулана во всемъ въ бѣломъ и прямо однимъ шагомъ на подволоку. И, вѣруя въ сонъ, ужъ наготовила крестная къ чаю пряжениковъ. А пряженики масляные, вкусные, такъ ворту сами и таютъ,—Атя за дядю Аркадія все поѣлъ!

Не за горами Петровки: подавай пескаря! Поскорѣи бы рыбачить!

Атя не трусливаго десятка: на любомъ конѣ уѣдетъ, въ любую погоду по рѣкѣ вплавь пустится, а вотъ покойниковъ Атя страсть боится. Когда стоятъ они неотпѣтые подъ колокольней, онъ боится вечерами смотрѣть въ окно на церковь и спать одинъ не ляжетъ: все ему мерещится, все ему страшно. И идетъ съ нимъ на подволоку Паня или

крестная, или безрукій старый вотякъ Кузьмичъ, и подъ рассказы и сказки онъ засыпаетъ тихо. Но когда приносятъ покойниковъ въ церковь или несутъ гробъ на кладбище, всякій разъ Атя бѣжитъ посмотрѣть и слушаетъ заупокойный звонъ. Сторожъ Костя могилы копаетъ, Костя и звонитъ. Ударитъ Костя десять ударовъ—десять звоновъ медленныхъ съ оттяжкой, начинается онъ съ тонкихъ, потомъ потолще—заунывно, жалобно, жутко по печальному, а въ послѣдній какъ срыву трахнетъ во всё, ажъ оборвется что-то и ты съ колоколами бухъ!—и летишь: Святы й Боже, Святы й Крѣпкій, Святы й Безсмертны й, помилуй насъ.

Безъ Ати не обходится ни одной службы. Атя стоитъ на клиросѣ и поетъ, только ничего не выходитъ: онъ никакъ не можетъ съ дьячками поладить—дьячки на подборъ одинъ къ другому старъ старѣе, и лишь одно выходитъ Подай Господи!

— Молодой мой псаломщикъ,—похвалитъ дѣдушка,—завтра намъ въ Поломъ ѣхать на молебень.

И Атя съ дѣдушкой ѣздить по деревнямъ и селамъ, служатъ молебны, ѣдятъ быка и кашу. И Атѣ ужъ кажется, что онъ настоящій молодой псаломщикъ, а когда большой вырастетъ, будетъ священникъ, какъ дѣдушка, и тогда дядя Аркадій не острижетъ ему волосы: они у него длинные будутъ, по поясъ, и не въ двѣ косички заплететъ ихъ, какъ дѣдушка, а въ двадцать двѣ.

Дядя Аркадій! Ну, наконецъ-то! Дядя Аркадій приѣхалъ, повезъ съ собою сѣтей и удочекъ, а крючковъ — едва помѣстились въ самой большой корзинѣ.

Атя рыбачить. Рыба Атю любитъ: разъ такого изловилъ онъ леща, сковороды не нашлось, чтобы изжарить, хоть пускай опять въ воду.

Атя смѣется, Атя все смѣется.

Вечеромъ весело: вечеромъ кружатся галки. Какъ по-

вадятся галки съ поля въ садъ летать, облюбуютъ себѣ ночлегъ, ночь отночуютъ, а на утро смотришь—ужь лучше не ходи послѣ нихъ въ бесѣдку! А въ комнатѣ душно. Не въ комнатахъ же изъ-за галокъ чай пить?! А чаю попить надо толкомъ: чай въ Ключахъ уважаютъ,—и такъ, и съ подогрѣвцемъ; на вольномъ воздухѣ любо. И вотъ дядя Аркадій пугаетъ галокъ: какъ затрясетъ онъ деревья и такъ гаркнетъ во всю — что галки!—заборъ затрещитъ, стекла въ церкви задребезжатъ и сами покойники подъ колокольной съ удовольствіемъ скрылись бы куда-нибудь, хоть въ ту же старую баню. Атя никакъ не научится пугать галокъ и гаркать во всю, какъ гаркаетъ дядя Аркадій.

— Дѣдушка, пчелы поютъ! — принесетъ Атя дѣдушкѣ новость.

Тутъ ужь все бросай: ни пить, ни ѣсть некогда. Весь домъ на ногахъ. Дѣдушка, дядя Аркадій, крестная, Паня, Саша, Кузьмичъ, п, конечно, Атя, надѣвъ на лицо рѣшето, цѣлый день на корточкахъ около улья слѣдятъ, куда полетитъ матка. А когда матка выйдетъ, всѣ они, какъ одинъ, пчелами снимутся съ мѣста да за роемъ бѣгомъ со всѣхъ ногъ, какъ попало, по грядамъ, по кустамъ да черезъ плетень въ поле; пока гдѣ-нибудь за полемъ въ лѣсу матку не словятъ. Слава Богу, еще будетъ улей, а меду — до весны на всю зиму.

Дошла озимъ въ наливахъ, подросъ овесъ. На дворѣ—Казанская. Въ Ключахъ на Казанскую ярмарка. Приѣдетъ на село прозорливецъ, братецъ Сысоюшка. Понаѣдутъ гости. Крестная иснечетъ кулебяку: все отдашь за кулебяку, да мало. Эй весело!

„И зачѣмъ это Казанская не цѣлый вѣкъ живетъ!“ — думаетъ Атя.

На селѣ на улицѣ хороводы. Станутъ въ кругъ дѣвки и, пристукивая, идутъ одна за другой вереницей подъ однозвучный трумъ и грѣкъ переманчиватой балаалайки. Такъ

ходятъ долго, вдругъ взмахнувъ руками и, взвившись, будто птицы, переменяются мѣстомъ. И снова, пристукивая, ходятъ дѣвки переборомъ одна за другой вереницей безъ пердышки долго,—серебро ихъ уборовъ шумитъ безъ вѣтра, и перстни горятъ безъ огня.

Дядя Аркадій беретъ Атю смотрѣть хороводы. Дядя Аркадій и Атя стоятъ въ сторонѣ съ парнями. Стоятъ они молча, не переступявъ. И Атѣ становится жутко: то ему хочется броситься въ кругъ и, когда въ кругу завертятся, вертѣться и взвиться птицей, когда въ кругу взовьются; то вспоминаются десять костиныхъ похоронныхъ ударовъ и сжимается сердце, — не они ли въ вѣнчикахъ неотпѣтые вышли пзъ-подъ колокольни и ведутъ этотъ и жуткій и переманчиватый танецъ? Темныя мглы покрываютъ ихъ, а въ ночи по небу выходятъ блѣдныя звѣзды.

— Покойники душу новорожденному даютъ,—говоритъ Кузьмичъ Атѣ ужъ ночью на подволокъ.

„Посмотрѣть бы, какъ это дѣлается!“ думаетъ Атя.

Кузьмичъ—пріятель Ати. Кузьмичъ отрубилъ топоромъ себѣ руку, а безъ руки какая работа?—ничего Кузьмичъ не можетъ и сколько ужъ лѣтъ живетъ у дѣдушки въ родѣ сторожа при церкви. Отъ Кузьмича Атя узналъ много разныхъ чудесныхъ исторій, а чудищъ самъ отыскалъ, столкнувшись въ лѣсу носъ къ носу.

Какъ-то, зайдя въ чашу, Атя повстрѣчалъ Лѣсуна.

Лѣсунъ любитъ пугать, кто въ лѣсу ходитъ. Но такъ какъ былъ полдень,—а кому полднемъ ходить!—то Лѣсунъ и шатался безъ дѣла: тощій-претощій, отъ горшка два вершка,—одна рука, одна нога, одинъ глазъ, а ротъ и носъ, какъ у Ати.

А вотъ было страшно: нодъ старой елкой во мху-мокрякѣ, скорчась, посапывалъ Кузь-Пине, самый страшный, съ длинными зубами, а около у ногъ Кузь-Пине валялись человѣчи обглоданныя бѣлыя косточки. Атя однимъ

глазкомъ взглянулъ на чудище да ужъ едва на дорогу выбрался: шути шутки, живо съѣсть, не попросишь!

А то разъ собиралъ Атя землянику, а изъ оврага—Искаль-Шыдо. Этотъ ничего: съ лица вылитый Кузьмичъ, на плечѣ дубина, одно—поги коровьи мохнатые съ копытомъ. Атя его земляникой угостилъ. Ничего себѣ, ѣсть.

Вотъ Лѣшаго да Водяного такъ и не пришлось видѣть, но за то Атя зналъ, гдѣ на Косѣ гнѣздо Водяного, и когда осенью разрывало плотины и подымалась вода, онъ зналъ, что это значить.

„Хоть бы разокъ попасть къ Водяному на свадьбу!—ночами мечталъ Атя,—красавица Водяная царевна, а Морская еще краше... какъ Клавдія Гурьяновна...“

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Атя бережетъ свои думы, Атя никому о нихъ не рассказываетъ: Ключи—его тайна. Даже Ромашка и Харпикъ посвящены только отчасти, но кому бы Атя открылъ свою тайну, такъ это единственной Клавдіи Гурьяновнѣ! А за что, и самъ онъ не знаетъ, — вотъ она какая, Клавдія Гурьяновна.

Атя чувствуетъ, что тянетъ его въ ея комнату, что пріятно ему, когда она пьетъ съ ними чай, когда угощаетъ его конфетами и апельсинами и когда заставляетъ смѣяться и когда беретъ съ собою гулять по Невскому и когда заходитъ съ нимъ въ магазины и въ электрическіе театры—Кинематографъ. Атя знаетъ, вся она—особенная, такой нигдѣ не найти: бѣлое лицо, обсыпанное бѣлою пудрой, спущенные на лобъ завитки, красныя, накрашенные краскою губы, щелочки-глаза, и все такое маленькое, будто и нѣтъ ничего—и нѣтъ лица, и вся она такая маленькая, а платье шуршащее еѣ вырѣзомъ, и голосъ у нея особенный, такъ никто

не говорить, и всегда бы слушала ее и всегда бы смотрѣла на нее.

Атя безъ всякаго дѣла входитъ въ комнату Клавдіи Гурьяновны и стоитъ молча, уставясь на нее, а когда она что спрашиваетъ, отвѣчаетъ робко и такъ коротко, ничего изъ его отвѣтовъ понять невозможно.

— Эхъ, ты глупый, глупый ты мальчикъ, а ну-ка за-смѣйся!—говорила Клавдія Гурьяновна и сама первая смѣялась, какъ-то горломъ смѣялась.

Казалось Атѣ: это не смѣхъ у ней, такъ простые не смѣются.

Разъ, не вытерпѣвъ, Атя сказалъ:

— Хорошо у насъ въ Ключахъ, вотъ бы вамъ, Клавдія Гурьяновна!

— Такъ ты знаешь, гдѣ они!—подхватила, обрадовавшись, Клавдія Гурьяновна: она въ тотъ день потеряла ключи отъ шкапа и, какъ ни шарила, нигдѣ не находила.

„Еще рано,—подумалъ Атя,—не пришло время, надо напередъ чѣмъ-нибудь отличиться, и тогда можно все“...

Въ этотъ вечеръ мать замѣтила Атѣ:

— Не шляйся, Атя, такъ часто въ комнату Клавдіи Гурьяновны, она можетъ обидѣться и съѣхать.

Такъ какъ квартира была большая, а дѣла у доктора—отца Ати пошли хуже прошлагодняго, то одну комнату пришлось сдать. Эту комнату занимала Клавдія Гурьяновна.

Появленіе Клавдіи Гурьяновны внесло новую жизнь. Она была предметомъ постоянныхъ разговоровъ. Ею занимались. Ею дорожили. Для нея мать Ати надѣвала корсетъ, а не ходила, какъ раньше, цѣлыми днями въ капотъ. Докторъ не рассказывалъ за обѣдомъ о операціяхъ. Дядя Аркадій доставалъ ей билеты въ театръ и на концерты.

А все, что говорилось о ней, Атя внимательно слушала и не пропускала мимо ушей ни одного замѣчанія.

По утрамъ Атю заставляли мыться: въ кухнѣ ставилась лахань, въ лахани онъ и плескался.

— Ты не маленькій голышемъ ходить, пройдетъ Клавдія Гурьяновна, нехорошо,— замѣтила мать.

Это случилось чуть ли не въ день водворенія въ домъ таинственной жилицы, но Атя не сразу понялъ всю суть сдѣланнаго ему тогда замѣчанія: оно лишь впоследствии стало яснымъ и подтвердило его собственныя наблюденія.

„Если при кухаркѣ Феклушѣ,—разсуждалъ Атя,—при мамѣ, а въ Ключахъ при крестной и при Панѣ и Санѣ онъ всегда мылся и ходилъ безъ рубашки, то это понятно и можно, такъ какъ всѣ онѣ такія, какихъ много, но при Клавдіи Гурьяновнѣ это немыслимо и нельзя, потому что она—единственная“.

Вскорѣ онъ узналъ отъ Феклуши, что Клавдія Гурьяновна—содержанка. Слово, услышанное имъ впервые, получило тотчасъ свой особенный смыслъ: оно означало у него не болѣе и не менѣе какъ то, что такъ, содержанками, называютъ самыхъ умныхъ и самыхъ богатыхъ.

„Содержанка — содержаніе, — докапывался Атя,—нѣтъ въ изложеніи содержанія—двойка, есть содержаніе—пятерка. Директоръ получаетъ большое содержаніе: содержаніе—деньги“.

И не даромъ, по его наблюденіямъ, всѣ въ домѣ обращались къ Клавдіи Гурьяновнѣ съ вопросами, спрашивая ея мнѣніе о какомъ-нибудь нужномъ въ данную минуту дѣлѣ, и не даромъ цѣпочка у ней такая длинная—по колѣнямъ болтается, а шуба бѣлая съ черными хвостиками, какъ у государыни.

Докторъ какъ-то вернулся домой поздно и сердитый молчалъ во время обѣда, а когда подали ему воздушный пирогъ, который, какъ на грѣхъ, сѣлъ, сказалъ съ сердцемъ матери:

— Пустила въ домъ проститутку...

Мудреное слово проститутка и ужъ ничего не скажешь! Атя, сколько ни бился, — даромъ.

„Конечно, — думаль онъ, — слово латинское и во второмъ классѣ проходится, но ждать до будущаго года невозможно, лучше спросить теперь же дядю Аркадія: дядя Аркадій по-латински говоритъ“.

И въ первое же воскресенье, когда пришелъ дядя Аркадій, Атя попросилъ его разъяснить себѣ непонятное слово.

— Проститутками называются, — принялся, не улыбувшись, объяснять дядя Аркадій, — всѣ окончившія институтъ, а институтъ — учебное заведеніе, въ которое принимаются только знатнаго происхожденія, такъ что тебя, на примѣръ, какъ сына доктора, ни въ коемъ случаѣ не допустили бы, хоть ты тутъ разорвись на части.

Атя чуть было и не разорвался на части, только не отъ отчаянія, что не можетъ быть проституткой, а отъ радости: онъ былъ правъ — она необыкновенная, она не только содержанка, то-есть умна и богата, она проститутка, то-есть знатная.

„Она, — рѣшилъ онъ тутъ же, — она княгиня. А разъ она въ нынѣшнемъ году княгиня, то на будущій годъ слѣдается великой княгиней, а тамъ, не пройдетъ и года, будетъ царевной“.

— Царевна моя! — шепталъ Атя, проходя мимо запретной комнаты.

У Клавдіи Гурьяновны гостей не бывало, кромѣ одного. Бя гость являлся то рано по утру, то поздно вечеромъ. По вечерамъ онъ засиживался за полночь: она играла на ньянино, онъ пѣлъ. Всѣ его называли Депутатъ.

— Депутатъ пришелъ, — говорила мать, — не шуми такъ да одерни курточку.

А докторъ, заслышавъ иѣніе, морщился:

— Депутатъ поеть?

— Депутатъ,—отзывалась мать.

Кто этотъ гость, что за Депутатъ, разъяснилось скоро.

Мать сообщила дядѣ Аркадію новость: докторъ рѣшилъ больше не выписывать газетъ, такъ какъ къ жилищѣ ходить членъ Государственной Думы, и жилища все знаетъ лучше всякой газеты.

„Необыкновенный гость,—раздумывалъ Атя,—изъ Государственной Думы! Конечно, онъ куда выше Ивана Мартиновича и Ивана Евсеевича, пожалуй, какъ грекъ Копосовъ—классный наставникъ въ третьемъ классѣ“.

Какъ-то столкнувшись съ гостемъ, Атя, шаркнувъ, поклонился ему, какъ инспектору, и тутъ же замѣтилъ, что гость лысый, какъ батюшка Китаецъ, а одѣтъ—куда дядя Аркадій—дядя Аркадій въ подметки ему не годится, даромъ, что актеръ.

По вечерамъ Клавдія Гурьяновна обыкновенно сидѣла съ матерью въ столовой, и онѣ разговаривали о разныхъ разностяхъ. Атя, дѣлая видъ, что учитъ уроки, прислушивался изъ сосѣдней комнаты. Разговоръ вертѣлся около гостя—Депутата, члена Государственной Думы.

Мало по-малу изъ разговоровъ выяснилось для Ати, что у Депутата семья—двѣ взрослыя дочери на выданѣхъ, и что онъ такъ любитъ свою жену, дыхнуть безъ нея не можетъ, и только необходимость заставила его жить отдѣльно въ Петербургѣ: они ужъ другъ другу не письма пишутъ, а каждый день обмѣниваются телеграммами.

— Когда мы съ нимъ встрѣтились,—разсказывала какъ-то Клавдія Гурьяновна,—онъ сказалъ мнѣ: Клавдія Гурьяновна, дорогая моя, я безъ васъ жить не могу, живите въ Петербургѣ, пока я членъ Думы.

— Царевна моя,—шенталъ Атя, забрасывая тетрадку съ разборомъ,—а я съ тобою вѣчно!

Клавдія Гурьяновна пѣтъ мастерица. Оставаясь одна

въ своей комнатѣ, она пѣла бродячую пѣсню, такія пѣсни поютъ подѣ гармонью на третьемъ дворѣ. Въ пѣснѣ говорилось все о любви.

О когда бѣ эта ночь
Не была хороша,
Не болѣла бѣ грудь.
Не страдала бѣ душа.

И въ напѣвѣ пѣсни Атѣ слышалось что-то близкое, словно про него была сложена пѣсня и о немъ она пѣлась. Его царевна одна стояла передъ нимъ вездѣ и всегда.

Атѣ казалось, весь мѣръ былъ для нея—для его царевны, и всѣ ее знали, только нельзя было говорить о ней громко, нельзя было произносить ея имени. Всѣ ее ожидали и таили свое ожиданіе въ себѣ, какъ завѣтное. Вотъ почему въ Ключахъ, заслышавъ колокольчикъ, спѣшили за ворота и съ замершимъ сердцемъ смотрѣли на дорогу: не она ли? А дѣдушка, стоя въ алтарѣ за обѣдней, когда подымалъ руки и молился про себя надъ чашей съ дарами, онъ ей молплся. А крестная, если съ-веселка глядѣла и все ей удавалось, она ее во снѣ видѣла. А Саша и Паня, если весь день смѣялись и сами не знали, отчего смѣются, это, значить, имъ намекнулъ кто нибудь, что она въ Ключи ѣдетъ. А когда Кузьмичъ не оканчивалъ сказки, говоря, что конца онъ не скажетъ, и по губамъ Кузьмича бродила улыбка, — понятно: въ концѣ сказки о ней говорилось, а какъ сказать тайное, необъявное, безвыносное слово? А самъ Атя всегда держалъ ее въ мысляхъ, потому и смѣялся, потому и глаза горѣли..

— Атыка влюбился въ Клавдію Гурьяновну, поздравь!—трунила мать.

— Стало быть, засядетъ на второй годъ!—невозмутимо говорилъ дядя Аркадій.

— Терни голова, съ кости скована,—собольтѣзовала Оеклуша.

— Меня всё дѣти любятъ,—смѣялась горломякъ Клавдія Гурьяновна.

„Надо чѣмъ нибудь отличиться, безъ этого нельзя,—думалъ Атя,—завоевать Индію или Америку, подать ей знакъ, тогда она узнаетъ и объявится...“

— Царевна моя!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Надежда на лѣтнюю поѣздку въ Ключи ухнула. Отецъ сказалъ, что если Атя останется на второй годъ, то и думать нечего—все лѣто будетъ жить въ Петербургѣ. А ужъ шла весна, послѣдней четверти подходилъ конецъ, и судьба Ати должна была скоро рѣшиться, и ясно было, что она рѣшится не въ его пользу.

На чистописаніи Харпикъ, играя съ Атей въ перышки и проигрывая—перо, подпрыгивая ложилось не брюшкомъ, какъ слѣдовало бы, а спинкой,—бросивъ игру, сказалъ:

— Хочешь въ Америку бѣжать?

— Хочу,—отвѣтилъ Атя.

— Ромашка тоже хочетъ.

— А какъ же мы побѣжимъ?

— А ужъ это я знаю, мы съ Рождества голову ломаемъ, только тебѣ не говорили, хотѣли, чтобы ужъ сразу начисто... У тебя Америка есть?

— У папы въ приѣмной Африка виситъ.

— Африка ни къ чему. Надо спросить Ромашку, его отецъ архитекторъ, должна быть. Намѣтимъ необитаемый островъ, тамъ и поселимся.

— Построимъ дворецъ!—схватился Атя.

— Можно и дворецъ, можно и замокъ, что хочешь.

— И никого не будетъ ни одной души?

— Одни гиппопотамы.

„Начинается,—думалъ Атя,—теперь только дѣйствуй, все будетъ, что хочешь: Харпикъ и Ромашка—бестіи, на край свѣта дорогу найдутъ“.

На другой день Ромашка притащилъ южную Америку. Карта оказалась нѣмая и неполная, одна четвертушка карты, но все-таки Америка.

Часъ, который просидѣли они послѣ уроковъ, оставленные Иваномъ Мартыновичемъ за цѣлый рядъ продѣлокъ, прошелъ незамѣтно. Харпикъ и Ромашка распорядились, посвящая Атю во все подробности своего бѣгства, потомъ, взявъ по листу бумаги, занялись рисованіемъ необитаемыхъ острововъ. И выбравъ одинъ кружечекъ—ихъ островъ, сложили карту и ударили по рукамъ: завтра послѣ уроковъ тронутся въ путь.

— Вы ступайте прямо на вокзалъ и тамъ ждите, а я принесу денегъ,—сказалъ Харпикъ.

— Достать бы паспортъ,—задумался Ромашка.

— Паспортъ я достану, это очень просто,—объявилъ Атя: онъ вспомнилъ, какъ совсѣмъ недавно дядя Аркадій ѣздилъ въ Москву, взявъ съ собою по ошибкѣ кухаркинъ паспортъ, и прожилъ по кухаркину паспорту цѣлую недѣлю безпрепятственно.

Такъ и порѣшили: Харпикъ деньги, Атя паспортъ, а Ромашка карту.

Только бы дожить до завтра!

Атя не завелъ глазъ. Шла ему ночь за бѣлый день. Провалился онъ ночь, думая. Не о Ключахъ думалъ онъ, о Америкѣ.

На необитаемомъ островѣ онъ построить дворецъ, ка-кого никогда еще никто не строилъ, дворецъ будетъ весь изъ павлиньихъ перьевъ съ золотыми и съ серебрянными лѣстницами, и съ окнами изъ драгоценныхъ камней. Онъ привезетъ туда на гиппопотамахъ свою царевну, и будутъ

они жить, окруженные моремъ подь вѣчнымъ солнцемъ, вѣчно. Она будетъ называться цареvна Мымра и островъ, который онъ отдасть ей, будетъ носить ея имя—островъ Мымры. Потомъ онъ завоюетъ для нея еще много острововъ и въ концѣ-концовъ всѣ земли—весь мiръ. И тогда выйдетъ она изъ дворца и освѣтитъ весь свѣтъ...

На урокахъ Атя, Харпикъ и Ромашка вели себя сносно, ничего такого не выкозюливали, скорѣе были разсѣянны и, когда ихъ спрашивали, отвѣчали совсѣмъ невпопадъ. По колу стояло у каждаго въ бальникѣ. Да ужъ все равно!

Какъ только кончился послѣднiй урокъ, и Атя звонко прочиталъ Благодаримъ Тебя, Создателю, Харпикъ, не задерживаясь, кинувъ книги подь парту, побѣжалъ опрOMETRY домой.

Дома у Харпика никого не было: отецъ—въ судѣ, мать—въ Гостинномъ, только одна кухарка Василиса.

— Дай мнѣ, Василиса, три рубля,—попросилъ Харпикъ.

Но у Василисы такихъ денегъ не оказалось, и, повертѣвшись въ кухнѣ, Харпикъ сунулся къ отцу въ кабинетъ и долго не пришлось рыться: подь старымъ портфелемъ лежала мелочь. Харпикъ пересчиталъ: ровно три рубля. Вотъ какъ везетъ!

— Прощай, Василиса, мы съ тобою больше никогда не увидимся,—приостановился Харпикъ на порогѣ.

— А вы куда ѣдете?—полюбопытствовала Василиса.

И вдругъ Харпiku стало такъ жалко Василису, ужъ готовъ былъ выболтать тайну, да къ счастью спохватился.

— На Николаевскiй вокзалъ ѣдемъ, прощай, Василиса!

Атя и Ромашка давно уже толкались на Финляндскомъ вокзалѣ и много ушло поѣздовъ, прежде чѣмъ явился, наконецъ, Харпикъ. Не считая воронъ, взяли билеты до Терiоку,

засѣли въ вагонъ и—прощай гимназія, прощай Россія!—пустились въ Америку прямо на необитаемый островъ Мыры.

Ѣхать было весело. Пѣли Вставай—подымайся, курили. Дорога представлялась Америкой, а пассажиры—сыщиками-шерлоками.

Возлѣ Куоккалы Атя вытацилъ изъ штановъ паспортъ кухарки Ѳеклуши и съ гордостью показалъ его товарищамъ.

— Теперь хоть къ самому чорту—ничего: паспортъ настоящій, — одобрилъ Харпикъ.

— Любому сыщику носъ наставимъ, — подтвердилъ Ромашка.

Такъ и доѣхали до самыхъ Теріокъ.

Выйдя изъ вагона, отправились гимназисты на дачи и бродили до поздняго вечера, дѣлая все, что душѣ угодно: лазали по крышамъ, лѣстницамъ и деревьямъ. Ромашка предлагалъ выкупаться въ морѣ и одно помѣшало: лѣнь было раздѣваться.

Становилось холодно, захотѣлось ѣсть: все-таки, не обѣдавши трудно. И, вернувшись на вокзалъ, они въ первую голову купили себѣ ситнаго и тутъ же весь его кончили. Надо ужъ было подумать о ночлегѣ. Ночевать на шпалахъ холодно да и снѣгъ пошелъ, а на вокзалѣ—вокзалъ запрутъ. Думали, думали, какъ имъ быть, и рѣшили попроситься у сторожа переночевать въ будкѣ.

Сторожъ оказался сговорчивымъ, не артачась, согласился. Но прежде чѣмъ впустить ихъ въ будку, заставилъ прибрать вокзалъ и разместить рельсы.

Прибрали вокзалъ, размели рельсы. И ужъ такъ заснули, сроду не спалось такъ сладко. Во снѣ снились однѣ сласти: цѣлыми коробками шоколадъ и мармеладъ, и простыя конфеты—ѣшь, сколько влѣзеть.

Если бы не сторожъ, ей-Богу, цѣлый день спали бы.

— Эй, мученики-грѣшники!—подтрунивалъ сторожъ по своему.

Опять вышли они на вокзалъ, купили на послѣднiя ситнаго, подзакусили и двинулись было по вчерашнему на дачи, и вдругъ въ дверяхъ—жандармъ.

— Вы куда?—спросилъ жандармъ сердито.

— Мы съ дачи Назарова,—отвѣтилъ за всѣхъ Ромашка: Ромашка прошлое лѣто жилъ въ Теріокахъ.

— Съ дачи Назарова?—переспросилъ жандармъ и, поговоривъ о чемъ-то тихо съ подошедшимъ къ нему господиномъ, должно быть, сыщикомъ, сказалъ совѣмъ ужъ сердито по жандармски,—вы арестованы!

Въ это время подходилъ поѣздъ изъ Выборга.

И путешественники въ сопровожденiи жандарма и сыщика понуро пошли къ вагонамъ—обратно ѣхать имъ въ Петербургъ.

„Что онъ скажетъ своей царевнѣ, какъ теперь подойдетъ къ ней, гдѣ его Индія, гдѣ его Америка, гдѣ необитаемый островъ, гдѣ островъ Мымры, приметъ ли она его, или все пропало?“—мучился Атя, глядя въ окно на черную весеннюю дорогу.

А Харпикъ и Ромашка обдергивались: зададутъ имъ баню, прощай, Америка!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дни шли недѣлями. Неладно шли. Правда, встрѣча на вокзалѣ вышла совѣмъ не страшная: мать Ати просто плакала отъ радости, да и въ гимназiи все обошлось благополучно, допустили къ экзамену. Но что Атѣ въ гимназiи? Онъ не добылъ острова, а съ пустыми руками куда сунешься? Эхъ, жизнь! Клавдія Гурьяновна все подсмѣивалась. Звала Атю отставнымъ американцемъ.

„Да надо же что-нибудь придумать,—метался Атя,—отрубить что ли себѣ палець и отдать его ей или выколоть себѣ глазъ, пускай чувствуетъ“.

— Все дѣдушка виновать,—жаловалась мать отцу,—знаю я, что тамъ въ Ключахъ дѣлается, никуда негоденъ мальчишка сталъ, уроки на умъ нейдутъ. То влюбился въ Клавдію Гурьяновну, теперь бредитъ какой-то Мыррой.

Докторъ—отець держался того правила, что при лѣченіи необходимо прибѣгать къ пиву съ касторкой, такъ какъ отъ засоренія желудка всякая ерунда бываетъ, а при воспитаніи—къ внушенію, такъ какъ одними словами не проймешь, а потому рѣшилъ обязательно при первой возможности выпоротъ Атю.

Но такъ случалось, что поймать Атю онъ никакъ не ухитрялся: то дѣла задержать, то Атя въ гимназій, то и не въ гимназій Атя, а скроется куда-то, словно сквозь землю провалится.

Однажды утромъ отецъ заглянулъ въ дѣтскую: Атя въ одной рубашкѣ сидѣлъ на кровати и о чемъ-то думалъ, конечно, онъ думалъ о своей Мырѣ! Докторъ, затанвъ дыханіе, крался совѣмъ незамѣтно, и казалось, еще одинъ шагъ и ужъ взялъ бы свое—отхлесталъ бы Атю какъ слѣдуетъ, чтобы помнилъ. Ремешокъ отъ радости ерзалъ въ рукахъ доктора, но Атя не дуракъ, живымъ въ руки не дастся,—скокъ!—только пятки сверкнули.—Спасайся, кто можетъ!—И, не долго думая, опрометью, какъ угорѣлый, прямо въ комнату къ Клавдіи Гурьяновнѣ.

Дверь оказалась не запертой. Клавдія Гурьяновна лежала въ постели. Атя—къ ней, забился подъ одеяло. И слышно ему было, какъ отецъ подошелъ къ двери, постоялъ немного и отошелъ съ носомъ.

— Царевна моя, ты спасла мою жизнь отъ смертной казни,—шепталъ Атя, и отъ счастья голова у него шла кругомъ,—ты простишь меня, прости меня, я самовольно при-

шелъ къ тебѣ безъ острова, безъ ничего, ты простишь меня, я не сумѣлъ достать тебѣ царства, я его достану тебѣ: Индію, Америку, всѣ острова, всѣ земли... все, все... весь міръ!

Духъ захватило, казалось, душа его обняла ея душу и обнимала такъ крѣпко, что его сердце рвануло и тѣло вдругъ задрожало: вѣдь она была такъ близко, недоступная и гордая его царевна Мыра.

Клавдія Гурьяновна закрылась рукой отъ смѣха.

— Можно?—перебилъ депутатскій голосъ за дверью.

— Сейчасъ!—и отпихнувъ Атю, Клавдія Гурьяновна показала подъ кровать.

Атя покорно повиновался и, очутившись подъ кроватью, весь застылъ, стараясь не дышать, и жмуриль глаза, чтобы не глядѣть. Такъ гость—Депутатъ его не замѣтитъ! И сидѣлъ на корточкахъ точь-въ-точь, какъ когда-то въ курникѣ на гусиныхъ яйцахъ, сѣвъ тогда, чтобы гусей вывести. Не дышалъ онъ, не глядѣлъ, но все слышалъ.

Депутатъ раздѣвался. Депутатъ снялъ сюртукъ, снялъ ботинки. Упала депутатская запонка, звякая, покатила въ запонка по полу, стала у ногъ Ати. И стало Атѣ нестерпимо жарко, словно не запонка,—уголь дышалъ въ него жаромъ. Они говорили. Слова ихъ были самыя обыкновенныя. Такъ всѣ говорятъ, такія всѣмъ говорятся. И по мѣрѣ того, какъ Атя вслушивался, бросало его то въ холодъ, то въ жаръ: не слова, а самый складъ словъ, связь словъ, говоръ словъ звучали для него, какъ послѣдняя распослѣдняя ругань и оскорбленіе. Онъ ничего не понималъ такого, что происходило, онъ ничего еще не понималъ, онъ только сердцемъ вдругъ понялъ и черезъ тоску свою, черезъ любовь свою постигъ и оскорбленной душой своей увидѣлъ, что она не единственная, не царевна, не царевна Мыра, а какъ всѣ, какъ мать его, какъ Саша и Паня, какъ крестная, какъ кухарка Феклуша, такая же... И пустыня открылась передъ

нимъ. Прокололъ бы онъ себѣ уши, лишь бы ничего не слышать, а вѣдь все слышалъ. И было душѣ его и тѣлу его такъ, будто били его, какъ однажды въ Ключахъ били вора, запрятавшагося подъ кровать въ кухнѣ, били по головѣ, по лицу, подъ животъ. Глаза остеклились. „Добейте его!“—„Нѣтъ, кричатъ, подождеть!“ Отпустятъ—и бьютъ... И вотъ будто чавкнулъ кто-то обухомъ его по темени, затряслась кровать надъ нимъ, затрясся полъ подъ нимъ, все поколебалось—конецъ его жизни.

Только когда гостя выпустили съ параднаго хода на улицу, а Клавдія Гурьяновна одѣвалась, Атя, очнувшись вышлѣвъ изъ-подъ кровати и вышлѣвъ изъ комнаты, не оглянувшись, а на вопросъ ея: пойдетъ ли онъ съ ней послѣ обѣда на Иевскій,—ничего не отвѣтилъ.

Безъ книгъ и безъ завтрака шелъ Атя въ гимназію. Ничего не замѣчалъ онъ. Не помнитъ, какъ дошелъ до гимназіи. Кое-какъ высидѣвъ начало урока, попросился онъ выйти. Выйти ему позволили. И онъ вышлѣвъ изъ класса остался одинъ въ уборной.

Пусто было въ уборной, стучала вода въ водопроводѣ

И какъ вспомнилъ онъ, какъ помянулъ все,—камни легче: его царевны не было!

И покатались слезы. Атя заплакалъ. Первый разъ въ жизни заплакалъ. Такъ заплачетъ земля въ послѣдній разъ когда съ неба попадаютъ звѣзды.

О когда-бъ эта ночь
Не была хороша,
Нѣ болѣла бы грудь,
Не страдала бь душа.

— долетала бродячая пѣсня бродячей пѣвицы съ сосѣдняго двора на гимназическій дворъ, а со двора съ весеннимъ воздухомъ въ окно къ Агѣ.

И Атя сквозь слезы, словно смѣялся..

Гдѣ искать ему звѣзду свою—царевну?

Ч О Р Т И К Ъ .

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Домъ Дивилиныхъ у рѣки. Старый, сѣрый, лупленный. Всякая собака знаетъ.

Дверь въ дому съ приступками узкая. сѣрая, глухая—ни скважинки, ни щелинки,—и для ключа никакой дырки не видно. Въ ночную пору не достучаться. Да и кому въ ночную пору стучаться?—Развѣ бы вору?—Вору-то, положимъ, и не къ чему, воръ и безъ дверей залѣзетъ, на то онъ и воръ. А если вотъ случай какой, надобность важная... Ну, ужъ не обезсудь—звонка не водится.

Одно время на двери висѣла записочка: ходъ въ окошко.

Плутня ли тутъ чья или такъ ужъ надо было по случаю какой передѣлки,—дѣйствительно, оту пору поблизости околачивались маляры. Но отъ этого не легче. Ты сунься-ка, попробуй!—окно-то вонъ гдѣ: сколько ни скачи, не доскачешь, только жилу себѣ вытянешь. Оно если бы съ тумбы или съ фонаря... Да тумба-то на грѣхъ кривая: ѣхалъ какъ-то ломовикъ, зазѣвался, зацѣпилъ за тумбу, тумбу и своротило, такъ съ тѣхъ поръ кривою и осталась. А съ фонаремъ тоже радость не ахти какая. Если бы хоть чуточку поближе, а то ишь угодилъ куда—совсѣмъ наискосокъ къ рѣкѣ. Это пока-то полѣзешь да приноровишься—да и лазить не стоитъ:

пустее! Ну, да что, съ улицы не подступиться.

Вотъ черезъ заборъ развѣ съ набережной махнуть?— Черезъ заборъ—костыли помѣха: другой попадетъ тебѣ толще пальца, вотъ этакій, а востроты—игла тупѣй. Его брать, не перещеголяешь!

Если ткнуться въ ворота... если ткнешься въ ворота, прямо передъ тобою будетъ на дворѣ огромный сарай; когда-то ходилъ сарай подѣ извозчика, а теперь только конскій духъ остался, навоземъ, да и тотъ продыхается. Доберешься благополучно до сарая, поверни на лѣвую руку и иди напрямикъ до собачьей конурки—собаки въ конуркѣ никакой нѣтъ, была одна, Бѣлкой звали, да подохла, такъ что и побрехать некому. А отъ конурки опять поверни на лѣвую руку и упрешься прямо въ дверь. Дверь обита замуслеванной клеенкой и на блокѣ. Отворить ты ее, конечно, безъ труда отворишь, хитрости тутъ никакой нѣтъ, и пойдешь по корридору, и, наспотыкавшись вдоволь, уткнешься, наконецъ, въ другую дверь. Тутъ-то тебѣ и ожидай! Пока не лопнетъ терпѣніе—все равно безъ толку—плюнешь и пойдешь.

Вотъ какъ законопачивались люди!

Улица узкая, пустынная: по утрамъ водовозъ, вечерами отходники—вотъ и все движеніе.

А въ дому живутъ. Но что въ домѣ дѣлается, ни одной душѣ не открыто.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Старикъ Дивилинъ въ большой чести былъ, представлялся за юрода, за блаженнаго. Хоть и жилъ затворникомъ, а нѣтъ-нѣтъ, да и показывался. Ходилъ старикъ подѣ кличкой утопленника. Какъ-то еще вскорѣ послѣ женитьбы попалъ онъ на Крещенье въ прорубь и утонулъ. Стали искать,

зацѣнили багромъ, на багрѣ его и вытащили, подняли потомъ на руки и откачали. Съ тѣхъ поръ и пошло: утопленникъ да утопленникъ, и вся тутъ. Съ тѣхъ поръ и пошло: нить очень сталь. Стукнетъ эта нелегкая минута,—сейчасъ же всю одежду съ себя на полъ, да какъ есть, въ чемъ мать родила, прямо на улицу. Дождь ли, слякоть ли, морозъ ли трескучій пли вьюга,—проходи мимо: никакого вниманія. И всё ему въ ту пору раками представлялись, а самъ онъ будто ракъ наиглавнѣйшій, въ родѣ какъ бы ихняя матка рачья. Вытянетъ старикъ руки, растопыритъ пальцы клешней и ловитъ. Кто бъ ему ни попался, всякаго словить. Идетъ онъ прямо на базаръ и тамъ первымъ дѣломъ за лошадей беретъ. Бьетъ во всё кулаки скотину, лупитъ ее по мордѣ, пока пзъ силъ не выбьется, да гдѣ-нибудь у стойла тутъ же и притихнетъ. И лежитъ подъ рогожей неподвижно, какъ мертвецъ, глаза открыты, огромные безъ бѣлковъ, и вынучены—рачы, и самъ весь красный, какъ вареный ракъ. А придетъ время, очухается, встанетъ и начнетъ бормотать да распинается. Только слушай! Тутъ отъ бабъ ему прохода нѣтъ. Все, что, бывало, ни скажетъ утопленникъ, все такъ и сбудется. Никогда не обманывалъ. Такой ужъ, знать, даръ былъ. Большимъ уваженіемъ пользовался человѣкъ, рѣдко кому выадеть отъ человѣка такое большое уваженіе. Да пренебрегалъ, не нуждался. Другого старикъ хотѣлъ.

Старуха Аграфена, какъ въ монастырѣ, и носу никуда не покажетъ, такъ и сидитъ сиднемъ. А кто ее видѣлъ, не скажетъ, что она старуха: такъ лѣтъ сорокъ не больше, да и то перехватишь, а эти годы не старые, въ эти годы и какъ еще пошевелиться можно, другая-то на ея мѣстѣ такіе выверты вывертываетъ, молодая позавидуетъ. Въ бѣленькомъ платочкѣ, вся прозрачная и неподвижная, не то безъ кости она, не то безсѣмянка. Тихая, не улыбнется. И все въ одномъ видѣ: и не старѣетъ и моложе не становится. А бы-

вало-то, до замужества, какія только, бывало, чудеса ни творила, какія только чуды ни чудила. Такая любовная: всякаго приголубить и пригрѣть, и откуда-то слова такія по-явятся, прямо за душу хватить, и войдутъ слова въ душу и угасятъ всякое пѣкло. Любому старнику такія знанія, что она знала. Бывало, разспрашивать кого начнетъ или въ трудную минуту сама что посовѣтуетъ, заслушаешься. Глаза голубые, волосы—лень. Монаху не устоять, не токмо что простому человѣку. И случись же тому—влюбилась она по уши въ Ивана-утопленика, а Иванъ и въ усъ не дуетъ, хуже, просто самъ не знаетъ, почему противна она ему да и только. Тутъ вотъ оно и произошло. Взяла она Ивана, добилась своего, да не своими руками.

Дѣло вотъ какъ было. Давно ужъ замышляла Аграфена недоброе—приворотъ сдѣлать. Ждала только Пасхи.

На первый день Пасхи послѣ обѣдни, когда вышелъ батюшка со святою водою, замѣтила она пасху, на которую святая вода первѣе всѣхъ крапнула, отщипнула отъ пасхи кусочекъ и затаила у себя. То же продѣлала и съ артосомъ, на который первѣе всего святая вода попала. Завязала артосъ и пасху въ тряпочку, повѣсила на грудь, и такъ носила на груди до поволунія. Когда же показался на небѣ молодой мѣсяцъ, вышла она въ глухое мѣсто, стала противъ мѣсяца, сняла мѣсяцу съ груди свой золотой крестъ и стала наговоръ сказывать—приворотъ дѣлать.

— Мѣсяцъ молодой все видитъ, мѣсяцъ молодой все знаетъ, и видитъ и знаетъ, кто съ кѣмъ цѣлуется. И она, Аграфена, цѣлуется съ Иваномъ. Такъ и навѣки, чтобъ цѣловались и миловались, какъ голубь съ голубкой! Ъдетъ она на осляти, гадюкой погоняетъ, приступаетъ къ мѣсяцу съ артосомъ и съ пасхой. И Иванъ ужъ не отвертывается, не говоритъ ей худого слова. Такъ и навѣки, чтобъ не ска-заль худого слова, а все ласково.

Аграфена сняла съ груди тряпочку, вынула артосъ и

пасху, съѣла, а немножечко крошекъ оставила. Побѣжала подъ какимъ-то предлогомъ въ домъ къ Ивану, да незамѣтно и всыпала ему въ чай крошки. Дождалась, пока Иванъ выпилъ чай, и тогда ушла домой.

Иванъ рехнулся: жить ужъ безъ нея не можетъ. А она испугалась. Видитъ, дѣло не ладно, жить такъ, какъ раньше, она уже не можетъ; тянетъ ее куда-то, наводитъ на такія мысли — кровь холодѣетъ въ жилахъ. Все это такъ незамѣтно, какъ-то само собою, все будто въ шутку. И чувствуетъ она въ себѣ необыкновенную силу, и захоти она самага невѣроятнаго, и оно тотчасъ исполнится. И она уже боится хотѣть чего-нибудь, боится думать... Опять достала крестъ, повѣсила себѣ на шею, стала поститься, все, все, все продѣлала, какъ написано. И затихла. Словно прихлопнуло ее. Словно чортъ задавилъ ее. Плюнулъ на нее чортъ и навсегда ушелъ, бросилъ въ этомъ мѣрѣ жить въ покоѣ, въ молчаніи, безъ веселья, безъ радости, безъ единой улыбки, хоть на одинъ мигъ. И она жила безмятежно, безропотно. Куда все подѣвалось?—Сама не пойметъ. Да и было ли что?—Ничего не помнить. Будто родилась такой, будто отродясь не веселилась, не радовалась, не улыбалась ни разу. Молится да вздыхаетъ, молится да вздыхаетъ. О чемъ молится?—О грѣхахъ.—Да о какихъ грѣхахъ?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дѣти у Давилиныхъ рождались часто. И помирали. Родится крѣпышъ, поживетъ съ годъ, ужъ и ходить начнетъ и разговаривать, да вдругъ ни съ того, ни съ сего и протянетъ ножки,—Богу душу отдастъ. Осталось въ живыхъ всего на всего двое—два мальчика.

Старшій, Борисъ, большую охоту къ ученю имѣлъ. Всю свою половину въ домѣ книжками уставилъ. Неразго-

ворчивый, сидить, бывало, все читаетъ, и не оторвешь его ничѣмъ: ни сластями, ни играми. Кончилъ онъ гимназію, поступилъ въ университетъ студентомъ.

Самъ старикъ Бориса до страсти любилъ. Ни въ чемъ ему не отказывалъ. Все хотѣлъ, чтобы изъ него докторъ вышелъ.

Бывало, въ тихіи часъ, когда не случалось запоя, подсядетъ старикъ тихонько къ сыну и все спрашиваетъ откуда міръ пошелъ, да откуда земля, да откуда человѣкъ и всякій звѣрь, и зачѣмъ все такъ приключилось, какъ оно есть, и будетъ ли конецъ этому, и наступитъ ли другое, и какое такое это другое будетъ, и почему на землѣ всѣ причины и боль и страсти, и зачѣмъ смерть приходитъ и люди рождаются и зачѣмъ сердце у него сохнетъ?...

Понималъ ли старикъ, что ему сынъ изъ книжекъ рассказывалъ, понималъ ли сынъ, о чемъ его старикъ спрашивалъ?

Старикъ все тянулъ свою черную рѣдкую бороду, впивался въ нее своими пальцами, будто клешнями, качалъ головою. И такъ же тихонько, какъ входилъ, опять отправлялся къ себѣ на свою половину и тамъ перѣдко впотемкахъ, при крошечномъ свѣтѣ лампадки, цѣлыми ночами ходилъ назадъ и впередъ и бормоталъ самъ съ собою и, впиваясь пальцами въ черную рѣдкую бороду, кивалъ головой, и, выпучивъ черные безъ бѣлковъ рачьи глаза, стоялъ столпомъ. Стоялъ долго, весь — камень. И опять тихонько пробирался къ сыну и, если заставалъ его за книжками, садился молча, глядѣлъ на него, а впадина межъ бровями чернѣла чернѣе глубокаго колодца.

— Зачѣмъ смерть приходитъ и люди рождаются и зачѣмъ сердце у него сохнетъ?

Борисъ рано женился. Ходила къ Дивилинымъ въ домъ къ матери Аграфейѣ молоденькая монашка изъ ихняго монастыря, Глафира. Вотъ на Глафирѣ онъ и женился. Роди-

лась у нихъ дѣвочка. А вскорѣ случилась въ домѣ такая темная изъ темныхъ исторія. Однажды ночью къ дому подъѣхала черная карета. Вышли изъ кареты люди. Вошли въ домъ. Взяли Бориса. Посадили съ собою въ карету. Карета укатила. Уѣхалъ Борисъ. И больше не вернулся. Больше Борисъ въ домъ не вернулся. Такъ и сгинулъ,—ни слуху, ни духу. Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а все ничего не извѣстно, и сколько ни ломали голову, ни до чего не дошли, и сказать ничего нельзя: какъ, что и почему? Двѣнадцать лѣтъ, какъ умеръ старикъ, не возвращается Борисъ, и вернется ли,—одному Богу извѣстно.

Старикъ умеръ съ горя. Съ того дня, какъ увезли Бориса, онъ больше не ложился спать, больше онъ не могъ спать. Всѣ ночи проводилъ старикъ въ комнатѣ Бориса на своемъ обычномъ мѣстѣ у стола и, облокотясь, смотрѣлъ туда, гдѣ прежде сидѣлъ Борисъ надъ книгами.

— Зачѣмъ смерть приходитъ и люди рождаются и зачѣмъ сердце у него сохнетъ?—бормоталъ старикъ.

Да такъ и померъ.

Уже послѣ смерти его черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Аграфена родила послѣдняго. Окрестили мальчика Денисомъ въ честь дѣдушки. Ни смерть старика, ни случай съ сыномъ не смутили ея ровнаго изо дня въ день равнаго вѣка. Только одинъ разъ голубые ея глаза вспыхнули голубымъ огонькомъ. Только одинъ разъ—и погасли. Безмятежность, безропотность. Молится да вздыхаетъ, молится да вздыхаетъ. О чемъ молится?—О грѣхахъ.—Да о какихъ грѣхахъ?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Весь домъ и все дивилинское хозяйство лежали на рукахъ цевѣстки Глафиры. И Глафира заправляла всѣмъ по-свойски.

Сохлая, какъ щепка, тощая, какъ спичка, безъ кровинки, хищная и злая, что Яга на суковатомъ помелѣ,—сущяя Яга. Тамъ, въ монастырѣ, тихая по нуждѣ, смиренная по послушанію, развернулась она тутъ во всю въ пустомъ домѣ съ его половинками, коридорчиками, переходами, закоулками, лѣстницами безъ конца и всякими безъ числа комнатами. Вышла Глафира замужъ за Бориса... шутъ ее знаетъ, почему она вышла замужъ. По любви, или расчетъ у ней какой былъ, или просто такъ пора пришла... Теперь свободная, она свободно могла дѣлать все, что хотѣла. Но что ей дѣлать, кромѣ какъ по хозяйству, въ этомъ пустомъ домѣ?—Да ничего.—Какъ ничего?

И попадало жъ отъ нея Антонинѣ и Денискѣ. По двору побѣгать, либо со двора куда: покататься тамъ на лодкѣ, поудить рыбу,—ни-ни! Только по большимъ праздникамъ Яга забирала дѣтей и отправлялась съ ними пѣшкомъ на другой конецъ города, въ монастырѣ за заставу. И всю-то дорогу муштровала и за службою пывила,—какое ужъ тамъ развлеченіе, хуже карцера, куда Дениска частенько попадалъ и за лѣнь и за шалости.

Дениска—мальчишка рослый и грудь у него желѣзная. Па перемѣнѣ и часто во время урока, растегивая курточку, показываетъ онъ мальчишкамъ свою грудь. И всѣ соглашались, да и не могутъ не согласиться, что грудь у него, дѣйствительно, желѣзная, и если постучать, отдаетъ здорово. Когда Дениска только-что поступилъ въ гимназію, его встрѣтили кличкою—такъ по отцу—у то пленникомъ. Но въ первый же день онъ избилъ одного изъ самыхъ отчаянныхъ и задирчивыхъ во всей гимназіи, и съ тѣхъ поръ его побаиваются. Лѣнтяй страшный, за книжку не усадишь. Одно пристрастіе: очень рисовать любилъ. Только и дѣло, что выводить рожицы, учителей да' разныя разности. Полны карманы карандашей, гумиластиковъ и снимки. Снимка ходила не только для сниманія точекъ при оттушевкѣ, по

и для озорства. Снимка такой предметъ, что самъ въ ротъ просится. И нахнетъ отъ снимки чѣмъ-то такимъ пріятнымъ, особенно когда она свѣжая и съ бумажки такъ на желтой своей перепонкѣ отлипается. Дениска любилъ жевать снимку, пожуесть-пожуесть, а потомъ какую-нибудь фигурку изъ нея и соорудить: либо лягушку, либо несуразность и еще тамъ что, отчего весь классъ, какъ одинъ, завизжитъ, и унять ужъ невозможно станеть. Потомъ надуеъ пузырьекъ и когда притихнуть, возьметъ да и сдавитъ снимку, чтобы лопнуло. И лопаеъ, трещитъ пузырьекъ по всему классу, а причины не видно. Изъ-за этой снимки сколько разъ въ карцерѣ Дениска сидѣлъ, да по воскресеньямъ ходилъ въ гимназію, если считать, такъ всякій счетъ потеряешь.

Книжки читать для Дениски все равно, что поклоны класть. И тѣ книжки, которыя выдавались ученикамъ на домъ, съ первыхъ же строкъ нагоняли на него такую зѣвоту, и такъ его всего корчило, что, вотъ того и гляди, возьметъ онъ эти самыя книжки да въ клочки. А зналъ Дениска много разныхъ исторій, разными путями онѣ попадали къ нему: и наслушался вдоволь и такъ изъ головы выдумывалъ. Въ гимназіи за карцеромъ присматривалъ старичекъ швейцаръ Герасимъ. Сидитъ, бывало, Дениска и старичекъ Герасимъ сидитъ, смотритъ къ Денискѣ въ окошечко: тоже никуда уйти нельзя, отвѣчать за все будешь. Вотъ старичекъ скуки ради и рассказывалъ. И про что только не калякалъ старикъ: и про сраженія, и про деревню, и про колдуновъ, и про покойниковъ. А сказки начнетъ—хоть бы и въкъ сидѣть въ карцерѣ!—вотъ какъ рассказывалъ.

Антонина тоже училась въ гимназіи. Но прошлой зимою съ ней бѣда приключилась, и изъ гимназіи ее взяли.

Какъ-то на первый снѣгъ поѣла Антонина съ Дениской снѣжку. Съ Дениски, какъ съ гуся вода, попершиль, тѣмъ и отдѣлался, а Антонина слегла. Да такъ тяжело, всякая надежда пропала, что встанеть. И все же выходилась, только

съ ногами стало неладное: ступить она могла лишь на одну, лѣвую, и то носкомъ, а правая нога такъ болталась, какъ хвостъ. Пришлось дѣвчкѣ костыли носить. И куда дѣвалась ея свѣтлая коса,—такъ какіе-то одни волосики торчатъ, а отъ косы и помину нѣтъ.

Первое время послѣ болѣзни Антонина все еще продолжала ходить въ гимназію. Самая озорная—Денискѣ въ озорствѣ не уступить,—самая неугомонная во всемъ классѣ, сидѣла она теперь, запрокинувъ голову, какъ горбатая, и костыли торчали за ея спиной, какъ два чортова кукиша. На блѣдномъ ея личикѣ порывалась скорчиться рожица и губы коверкались, готовая ужъ задать такой смѣхъ, отъ котораго и учитель и доска покатаются по классу, но ничего не выходило,—выходило что-то жалкое, жуткое и мучительное, отвернуться хочется. Учителя избѣгали вызывать ее, а когда спрашивали, то разрѣшалось отвѣчать сидя.. Да она, бывало, и минуты на мѣстѣ не усидить! Извелась дѣвочка. Вотъ и взяли ее изъ гимназіи.

И теперь Антонина съ утра до вечера въ комнатахъ подъ призоромъ своей матери—Яги.

Ягу дѣти не любили, какъ не любила Антонина своихъ классныхъ дамъ, какъ не любилъ Дениска нюнь, пихтеръ, тихонь, фискаль, директора и надзирателей. Старуху же Аграфену, напротивъ. И часто дѣти заходили къ ней на ея половину. Величали Аграфену бабинькой. Такъ ужъ повелось: бабинька и бабинька.

Тепло у старой, уютно. Стѣны въ картичкахъ; картинки шелками да бисеромъ шиты: тутъ и цвѣточки, и лютые звѣри, и монастырь, и китайцы, амазоны на коняхъ и такъ амазоны, лебеди, замки и опять китайцы. Въ углу иконы, по бокамъ святыня: шапочки, туфельки, рукавички, ленты, пояски, крестики, гашики, нагузники—все съ мощей отъ угодниковъ. На столикахъ шкатулки—бисерныя и кожей обдѣланныя и разрисованныя и хрустальныя. Бабинька въ

бѣленькомъ платочкѣ, словно воды въ ротъ набравши, ни слова не скажетъ, только молится да вздыхаетъ. А какая у бабиньки лестовка: бѣлая лестовка, скатнымъ жемчугомъ осыпана, на лапосткахъ по золотистому бархату жемчужныя вѣточки, и краешки и ободки жемчужные, и каждый бабочекъ—ступенька изъ цѣлой жемчужной дорожки.

Лазали себѣ дѣти по шкатулкамъ, отворяли сундучки, вынимали диковинки и все пересматривали и все перетрогивали. И чего-чего тамъ не было... Старуха между тѣмъ, не оставляя молитвы, отпирала одинъ изъ шкапчиковъ, брала изъ шкапчика полную тарелку сушеныхъ яблоковъ, и грушъ, и сливъ, и винограду и ставила на столъ передъ дѣтьми.

— Ягодку, ягодку!—шептали ея поблекшія губы.

Бросали дѣти шкатулки и коробочки, принимались за тарелку уписывать.

— Ягодку, ягодку!—шептала безкровно старуха.

И тарелка пустѣла.

— Прощай, бабинька, благодаримъ!—цѣловали дѣти старуху и шли къ себѣ въ дѣтскую.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Дѣтская—на половинѣ Бориса. Послѣ смерти старика всѣ книги пошли на подтопку, и въ домѣ не осталось ни одной завалящей книжки. Исчезновеніе Бориса приписывалось книгамъ.

— Все отъ книжки,—говорила Яга,—книжки отъ Дьявола, и водить въ домѣ погань—только его тѣшить, и пылъ заводится.

И тамъ, гдѣ раньше не было ни уголка, не заставленнаго, въ пустой комнатѣ проводила Антонина всѣ свои дни. Только и ждала что Дениску. Дениска возвращался изъ

гимназии съ опозданиемъ: то оставлятъ, то такъ прощляется съ мальчишками.

Разсказывалъ Дениска Антонинѣ страшныя и чудныя исторіи, и Антонина любила ихъ слушать. Сама просила, чтобы разсказывалъ.

Всякую исторію, всякое ухарство принимала она съ какою-то страдною болью. Она хорошо знала: удѣлъ ея сидѣть вотъ тутъ, вотъ такъ, и большаго нѣтъ для нея и не можетъ быть ничего до гробовой доски. Она бередила себя, поддразнивала, слушая разсказы и представляя себѣ тѣ ухарства, на которыя и она когда-то была готова. Глядя куда-то подъ потолокъ, какъ горбатая, хохотала она, захлебываясь, такъ громко, какъ только могла хохотать. И глаза ея горѣли со смѣхомъ и слезами, и вся она подпрыгивала и костыли за спиною прыгали.

— Денька, миленькій, Денька, еще что-нибудь!..

А Дениска взялся было за карандашъ — замахнулся какого-то чудищу изображать...

— Денька, про дятла! — стучить кулакомъ Антонина, и бровки у нея сходятся: не то заплачетъ, не то ударить костылемъ.

И начинается сказка про дятла, начинается сказку Дениска.

Сказка всеѣмъ извѣстная, какъ кормила и пила собака мужика и бабу и какъ выгнали собаку за старостью лѣтъ со двора, и какъ очутилась собака въ такомъ скверномъ положеніи, что хоть ложись да помирай.

— И придумала собака итти въ чистое поле и кормиться полевыми мышами, — Дениска вытягиваетъ губы и такъ скашиваетъ лукаво глаза, будто самъ мышку ловитъ, — и пошла собака въ поле, увидѣлъ ее дятель и взялъ къ себѣ въ товарищи...

Тутъ начинаются собачьи похождения.

Долгая сказка и жестокая. Разсказываетъ ее Дениска

съ азартомъ, словно бы собачья и дятлова участь были его участью.

Накормилъ дятель собаку погорло и напоилъ до сыта.

— „Я теперь и сыта и пьяна, хочу вдоволь насмѣяться!“ „Ладно“, отвѣчаетъ дятель. Вотъ увидѣли они, что работники хлѣбъ молотятъ. Дятель сѣлъ къ одному работнику на плечо и ну клевать его въ затылокъ, а другой парень схватилъ палку, хотѣлъ ударить дятла, да и свалилъ съ ногъ работника. А собака отъ смѣха такъ и катается по землѣ, такъ и катается...

И чѣмъ жестче куралесы собаки, тѣмъ глаза у Дениски игривѣй.

Достукалась собака—ѣхалъ мужикъ въ городъ горшки продавать—завязла собака въ сппцахъ колеса, тутъ изъ нея и духъ вонъ.

— Озлился дятель на мужика,—разсказываетъ Дениска,—сѣлъ на голову его лошади и сталъ ей выклевать глаза. Мужикъ бѣжитъ съ полѣномъ, хочетъ убить дятла; прибѣжалъ, да какъ хватить—лошадь тутъ же и повалилась мертвая. А дятель вывернулся, перелетѣлъ на возъ и пошелъ бѣгать по горшкамъ, а самъ такъ и бьетъ крыльями. Мужикъ за дятломъ и ну полѣномъ по возу-то, по возу-то. Перебилъ всѣ горшки и пошелъ домой ни съ чѣмъ. А дятель полетѣлъ къ мужиковой избѣ, прилетѣлъ и прямо въ окошко. Баба тогда печь топила, а малый ребенокъ сидѣлъ на лавкѣ; дятель сѣлъ ему на голову и ну долбить. Схватила баба, прогоняла-прогоняла, не можетъ прогнать: дятель все клюетъ. Вотъ она схватила палку, да какъ ударить: въ дятла-то не попала, а ребенка до смерти ушибла. Воротился мужикъ, видитъ: всѣ окна перебиты, вся посуда перебита, и дитѣ мертвое. Пустился гоняться за дятломъ, исцарапался весь, избился, и поймалъ-таки. „Убить его“, говоритъ баба.

Дениска вывелъ на бумагѣ какой-то трехаршинный носъ, подставилъ ему ножки, причмокнулъ:

— „Нѣтъ, говорить мужикъ, мало ему, я его живьемъ проглочу“. И проглотилъ.

Блѣдное лицо Антонины покрывается красными пятнами, бѣгаетъ подъ глазомъ безпокойный живчикъ, и начинается она хохотать.

И въ дѣтской пустой съ пустыми полками для книгъ и съ двумя кроватями по угламъ, съ длинными стѣнами, сплошь изрисованными рожицами, носами, хвостиками, горитъ огонекъ далеко за полночь. Только Яга, шлепая туфлями, разгоняетъ дѣтей по кроватямъ, но и въ кроватяхъ они долго еще переговариваются и прыскаютъ отъ хохота и пищать мышами.

Мѣрный свѣтъ лампадки, мѣрный ходъ часовъ подготавливаютъ, подшептываютъ имъ въ этой ночи и домъ пустомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Единственный гость у Дивилиныхъ -- тараканоморъ Павелъ Федоровъ.

Дѣти хоронились отъ тараканщика, и тараканщикъ не любилъ дѣтей.

— Поганое, — говорилъ тараканщикъ, — дьявольское сѣмя. Зачаты во грѣхъ, грѣхомъ насыщены, грѣхъ плодятъ. Поганое.

На дворѣ росло ренею видимо невидимо, и Дениска урывками, когда удавалось незамѣтно проскользнуть отъ Яги, собиралъ колючихъ собакъ и незамѣтно сажалъ этихъ собакъ тараканомору на самыя непоказанныя мѣста.

Если было когда-либо такое поразительное сходство

человѣчьяго лица съ собачьей мордой, такъ именно у Павла Ѳедорова. Да большаго сходства, навѣрно, и никогда не было. Ну прямо собака и собака. Заросшій весь, поджарый, зубастый, и не голосъ, а глухой лай. Песъ сапатый.

Павель Ѳедоровъ ходилъ по извѣстнымъ купеческимъ домамъ и тамъ морилъ таракановъ. Черезъ плечо висѣла у него черная кожаная сумка съ бѣлымъ ядомъ, а въ рукахъ — палка съ кожанымъ наконечникомъ.

Наконечникъ онъ обмазывалъ свинымъ саломъ, вынимать изъ сумки баночку съ бѣлымъ порошкомъ, осторожно открывалъ крышку и мокалъ туда палку. Потомъ шепталъ какое-то тараканье слово и приступалъ. Онъ ходилъ по стѣнѣ, гдѣ водились тараканы, и медленно прикладывалъ свой наконечникъ, такъ что вся стѣна покрывалась бѣленькими кружечками въ родѣ огненныхъ бѣлыхъ языковъ. Медленно прикладывалъ тараканщикъ наконечникомъ, да съ разстановкою и со вкусомъ. И тараканы, ужъ не боясь свѣта, ползли на приманку и ѣли бѣлые кружечки, ползли изъ всѣхъ потайныхъ гнѣздъ, изъ всѣхъ щелей и подщелей съ малыми дѣтьми, съ яйцами и ѣли бѣлые кружечки. Наѣвшись, сонно уползали они назадъ въ гнѣзда, щели и подщели, чтобы ужъ никогда не выйти не только при свѣтѣ, но и въ самый разгаръ усатой тараканьей жизни — въ ночную пору.

Тараканоморъ считалъ свое дѣло большимъ и важнымъ. Словно бы въ тараканьемъ шуршаньѣ мерещился ему самъ Дьяволъ, а поборотъ Дьявола, стереть Дьявола съ лица земли было главнымъ и первымъ завѣтомъ тараканомора.

И, отрываясь отъ работы, онъ только и говорилъ о главномъ.

— Вся земля въ плѣну у нечистаго, все проникнуто его сѣтями, всюду его сатанинскія лапы. Дѣти родятся не для славословія—поганое сѣмя!—они родятся, чтобы творить козни Дьявола. И конецъ ужъ идетъ, прогниваетъ земля

отъ нечистотъ и пакости. И время уже близится.. Дьяволъ и всѣ сѣти его стануть явными, ибо скрываться ему уже не къ чему. Обречена земля, умирають послѣдніе праведники, расплещаются, какъ песокъ морской, сыны бѣсовскіе. Скрываться ужъ не къ чему. Сядетъ онъ на престолъ, какъ царь и судія, начнетъ повелѣвать и судить отъ моря до моря рабовъ своихъ и обратитъ царство свое въ адъ кромѣшный съ огнемъ неугасимымъ и червемъ неосыпающимъ.

Тараканщикъ такъ лицомъ къ лицу никогда не видалъ Дьявола. А стань Дьяволъ передъ нимъ, тараканщикъ не устранился бы вступить въ борьбу.

Поморивъ таракановъ, Павелъ Федоровъ закрывалъ свою баночку, убиралъ ее въ сумку, вѣшалъ сумку черезъ плечо и принимался за палку, въ трехъ кипяткахъ обмывалъ наконечникъ, вытиралъ сухою тряпкой, ставилъ палку въ сѣняхъ, потомъ, плескаясь и фыркая, мылъ себѣ руки и бороду и подъ бородою, шепталъ опять тараканье отпускное слово и, помолвившись, садился за столъ пить чай со сливнымъ вареньемъ.

Не дай Богъ, чтобы варенье не такъ было сварено, какъ любилъ тараканщикъ.

За столъ не сядетъ и выговорить.

— Ты сливу разрѣжь сперва пополамъ, посыпь ее сахаромъ, да ставь сковородку на ночь въ печь, да на утро вынь изъ печи и начинай варить. Тогда слива къ сливѣ, что тараканъ къ таракану, будетъ отдѣльно.

Возьметъ тараканщикъ свою палку, нахлобучитъ шапку и уйдетъ. И ты его проси не проси, ни за что въ сердцахъ не вернется.

А если все оказывалось въ исправности, тутъ за чаемъ начинался разговоръ о главномъ.

И изливаютъ хозяева душу, перебирая всѣ горести и бѣды своей семейной жизни.

— Поганое,—лаеть тараканщикъ,— все поганое.

И куда бы онъ ни пришелъ, что бы онъ ни услышалъ, кого бы ни увидалъ, ему отъ всего отзывало поганю, сквернымъ духомъ,—мерещился Дьяволъ.

Но самого Дьявола такъ лицомъ къ лицу онъ никогда не видалъ. И если бы Дьяволъ явился къ нему, тараканщикъ не устранился бы и—вѣрилъ, онъ вѣрилъ, одолѣлъ бы Его.

Если бы Дьяволъ явился къ нему!

Жизнь Павла Федорова проходила въ мореньѣ таракановъ. Такъ не по дѣлу онъ никуда не заходилъ, исключая Дивилиннхъ. И только иногда, а случалось это не больше пяти-шести разъ въ году, онъ сдергивалъ съ себя черную сумку съ бѣлымъ ядомъ и куда ни попало швырялъ свою палку съ кожанымъ наконечникомъ.

Это приходило совсѣмъ неожиданно. Суровость и мрачность вдругъ достигали какой-то своей послѣдней точки. Онъ начиналъ весь дрожать, глаза застилало, зубы скалились. Какой-то собачій вой подымался въ груди, и если бъ тогда привязать его на цѣпь, онъ завылъ бы собакой. Онъ запиралъ всѣ двери, завѣшивалъ занавѣски, шарилъ по угламъ, засматривалъ подъ кровать — его тянуло — онъ трогалъ полые предметы, вынималъ стаканы, чашки, снималъ ламиовыя стекла—его тянуло, душа его горѣла, сердце стучало, нутро выворачивалось.

Стуча зубами, какъ въ лихорадкѣ, наконецъ, вырывался тараканщикъ изъ комнаты и шелъ, окутанный мутью, съ тяжелою тупой головой, а мозгъ его придавливало, будто лежалъ на немъ какой-то плотный слой какой-то коры. Слѣпо добирался тараканщикъ до Звѣринца. Тамъ, въ Звѣринцѣ молча бродилъ онъ отъ клѣтки до клѣтки, отъ кролика къ морской коровѣ, отъ обезьяны къ слону. Потомъ также

молча и слѣпо. когда темнѣло, покидалъ онъ Звѣринецъ, выходилъ на главную улицу, а на улицѣ ужъ пробуждалась ночная открытая жизнь. Шелъ онъ все напряженнѣе и безпокойнѣе, глядя передъ собою, не давая дороги, не сторонясь, не уступая, на проломъ. И если бы нелегкая подтолкнула остановить его, трудно ручаться, чтобы тутъ же не задушилъ онъ, а будь при немъ ножъ, не зарѣзалъ бы негодяя. И такъ онъ шелъ по улицѣ медленнѣе и медленнѣе, пока вдругъ не застывалъ на мѣстѣ: тогда первая попавшаяся женщина была обречена. Онъ не вель, а волокъ ее, тащилъ въ какой-нибудь номеръ или комнату. Тамъ набрасывался—брось голодной собакѣ кость, какъ она набросится! или рыбу... съ костями, съ кожей, съ внутренностями, и урча и сопя, все схряпаетъ, загрызетъ съ костями, съ кожей, съ внутренностями поганое лакомое мясо, и было въ этомъ что-то страшное и головокружительное и продолжалось цѣлые часы, цѣлую ночь.

Молча, не глядя, покидалъ тараканщикъ не человѣка, не женщину, молча, не глядя, покидалъ тараканщикъ трупъ, и шелъ себѣ домой, чтобы заснуть мертвымъ сномъ я, выспавшись, начать жизнь обычную и работу—морить таракановъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Приключенія тараканомора оставались глубокою тайной. Какъ загадочныя исторіи, они нѣтъ-нѣтъ и выплывали на свѣтъ, но никто не повѣрилъ бы, что все это—его дѣло рукъ. Всѣ считали тараканщика за необыкновеннаго и не простого, но чтобы такое дѣлать... да никому и въ голову не придеть.

Тараканщикъ у всякаго на языкѣ. За послѣднее время стали немало занимать его посѣщенія Дивилиныхъ: ни къ

кому безъ дѣла порога не переступить, а къ Дивилинымъ—накосъ!—каждую субботу обязательно. А домъ глухой, не подступишься, и нѣтъ возможности узнать, чѣмъ онъ тамъ занимается. А ужъ очень всѣмъ любопытно было знать, чѣмъ онъ тамъ занимается.

Кто-то смѣялся:

— Въ домѣ всѣ ужъ давно перемерли, и ни одной ноздри не осталось, а на мѣсто людей тараканы завелись, съ этими тараканами тараканщикъ и водить компанію; вотъ какой хлюсть!

— А Дениска?—возражали смѣхачу,—вѣдь шляется же мальчишка всякій день въ гимназію!

Нѣтъ, шутки въ сторону, шутками тутъ не отдѣлаешься. И начинались догадки. Вспоминали самого старика — утопленника. Безъ утопленника не могло обойтись.

Говорили:

— Утопленникъ и не думалъ помирать, утопленникъ живъ и находится въ великомъ затворѣ, только съ тараканщикомъ что и водится.

Говорили:

— Тараканщикъ съ Дивилиными бабами новую вѣру хочеть объявить.

А другіе говорили:

— Никакой вѣры тараканщикъ сдѣлать не можетъ, всѣ вѣры ужъ сдѣланы, а просто живетъ онъ съ Дивилинскими бабами; съ Глафірою полюбовно, а со старухою, какъ съ малымъ дитемъ, обманомъ.

— Да онъ и не человѣкъ вовсе,—замѣчали хитрецы,—нешто человѣку дана власть надъ тварью, а ему тараканъ повинуется.

— Тараканъ не корова, —встревался встревальщикъ, — корова ли, лошадь ли, овца ли, баранъ ли и прочій скотъ, всѣ они Богомъ благословены на служеніе человѣку, та-

раканъ же не въ волѣ челоуѣка, о тараканѣ да о мышахъ нигдѣ не сказано.

Находились бабы, увѣряли бабы, будто онѣ собственными глазами видѣли, какъ тараканчикъ превращался въ таракана, и затѣмъ собственными ушами слышали, какъ хрюкалъ онъ по-свинячьи.

— При чемъ же тутъ свинья,—унижалъ догадливый догадливыхъ бабъ,—дѣло не етъ свиньѣ, и свинья не причемъ, а вотъ куда дѣвался старшой утопленниковъ сынишка Борисъ?

— Съ книгъ.

— Конечно, съ книгъ. Да съ какихъ книгъ? Съ простой не сгинешь: черную онъ читалъ книгу.

— А откуда она къ нему попала?

— Отъ утопленника.

— А утопленникъ откуда досталъ?

— Ну, утопленникъ, на то и утопленникъ.

— Никакой черной книги нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?!

— Да такъ, очень просто, нѣтъ и нѣтъ.

— Нѣтъ, говоришь, значить, по-твоему и Бога нѣтъ?!

И если бы не Ѳедосей, отколошматили бы бѣднягу, до новыхъ вѣниковъ не забыть.

Ѳедосей—мудрый, слова отъ него не добьешься, а ужъ если начнетъ, за словомъ въ карманъ не полѣзеть.

— Черная книга есть,—отчеканилъ Ѳедосей, и всѣ языкъ прикусили,—черную книгу написалъ Змій, отъ Зміи перешла она Каину, отъ Каина Хаму. А когда пришелъ потопъ, Хамъ скрылъ книгу въ камнѣ. А когда кончился потопъ, вышелъ Хамъ изъ ковчега, пошелъ къ камню, отвалилъ камень, вынулъ книгу и передалъ ее сыну своему Ханаану. И пошла книга отъ сына къ сыну въ родъ Хамовъ. И задумали сыны Хама насмѣяться надъ Богомъ, какъ отецъ Хамъ насмѣялся надъ своимъ отцомъ Ноемъ.

Задумали сыны Хама построить великую семи лучей башню, соединить раздѣленное Богомъ—небо и землю. Но разгнѣвался Богъ, смѣшалъ языки, разсѣялъ людей по лицу земли, и попала книга въ Содомъ. И не было преступленія, которое не совершилъ бы проклятый городъ. Провалился проклятый городъ, канули грѣхи и злодѣянія, но книгу не приняло проклятое озеро и огонь не попалить ее. Досталась книга Новуходоносору царю. И творились всякія беззаконія. И творились всякія беззаконія сорокъ два вѣка человѣческихъ, пока не разрушены были царства и не попала книга на дно морское. Тамъ, подъ горючимъ Алатыремъ камнемъ лежала книга нивѣсть сколько. И вотъ одинъ арабъ за великіе грѣхи свои взять былъ въ плѣнъ праведнымъ царемъ и заключенъ въ мѣдную башню. Но Дьяволъ полюбилъ араба, научилъ араба, какъ достать книгу. Чарами колдовскими сожженъ былъ праведный городъ, погибъ праведный царь и все его христіанское воинство, и вышелъ тотъ самый арабъ изъ мѣдной башни, спустился на дно морское и досталъ со дна морского черную книгу. И пошла она гулять по бѣлому свѣту, пока не заклали ее въ стѣны Сухаревой башни. До сей поры она лежитъ тамъ и не было еще никого, кто бы сумѣлъ достать ее изъ стѣнъ Сухаревой башни. Она связана страшнымъ проклятьемъ на девять тысячъ лѣтъ съ тысячею.

— Да какъ же онъ пробрался въ стѣну-то, съ пустыми руками къ этому предмету не подступиться?

— А утопленникъ-то на что, э-эхъ ты, голова!

— И совсѣмъ не утопленникъ, а тараканщикъ.

— Конечно, тараканщикъ!— загалдѣли всѣ въ одинъ голосъ.

— Да будетъ вамъ огородъ городить,—вступился здравый человѣкъ,—какую вы такую загадку разгадываете, когда все ясно, какъ Божій день. Дивилины, слава Богу, не щепотники, законъ чтятъ, службу-то править надо, тоже со-

бакой жить не полагается, вот тараканщикъ и ходить къ нимъ службы отправлять и больше ничего.

— Бабы-то ужъ очень подозрительны...— усумнился который-то.

— Наладилъ: бабы да бабы, а самъ хуже бабы!

— Старуха Аграфена съ нечистымъ, говорятъ, зналась, и старшого, которому пропастъ, понесла отъ чорта, да и эта ихъ Глафира сущая Яга.

— И по какой такой причинѣ утопленникова внучка Антонина безногая сидить? Нѣтъ, тутъ что-то не ладно.

Снова начинались догадки. Трепался языкъ во всю. И ссорились и дрались и опять мирились. Приплеталось и совсѣмъ неподходящее. Даже совсѣмъ неподходящее.

Быль одинъ человекъ ихняго же толка, который не только книги читалъ, но и самъ что-то писалъ божественное. Ходили къ нему за разспросами, но ничего не узнали, только еще больше запутались. Человекъ этотъ такое имъ загнулъ словечко, поджилки затряслись и бороды сгунявились.

— Можетъ статья, и Миша-то у насъ того, не тараканьимъ ли дѣломъ промыслять сталъ! — не рѣшивъ недомѣннаго вопроса, порѣшили.

Были и такіе дотошные. выслѣживать стали, кто въ домъ къ Дивилинымъ ходить, но никого, кромѣ тараканомора, не встрѣтили.

И согласились всѣ на одномъ, что творится въ домѣ что-то чудесное. И съ теченіемъ времени никто ужъ не сомнѣвался, что въ домѣ нечисто.

Но что въ домѣ дѣлается, ни одной душѣ не было открыто.

Всякую субботу къ Дивилинымъ приходилъ тараканоморъ Навель Федоровъ. Всѣ сходились въ образную. Па-

вель Федоровъ облачался и начиналась служба. Служба длилась долгая. И когда кончалась всенощная, утомленную Антонину почти на рукахъ уводила Глафира въ дѣтскую, а Дениску шлепками прогоняли спать. Утромъ въ воскресенье совершалась обѣдня. Послѣ службы обѣдали. И тараканоморъ уходилъ къ себѣ домой.

Вотъ и все.

Такъ было при покойномъ старикѣ. Такъ было и теперь послѣ его смерти. Тогда утопленникъ былъ за священника, а тараканоморъ за дьякона, теперь за священника былъ тараканоморъ, а за дьякона ходила Глафира-Яга.

Вотъ и все.

Службы совершались чинъ-чиномъ по уставу со всею строгостью, какая только отцами когда-либо положена была. Служилъ тараканщикъ съ отяжкой и гнусилъ на весь домъ, благо еще стѣны толстыя, а то бы въ рѣкѣ всѣхъ рыбъ посмутилъ. У тараканщика лестовка ременная: лапостки алыя съ бѣлыми и голубыми вѣточками, у Яги на лестовкѣ лапостки чернаго бархата съ синимъ ободкомъ и всѣ золотомъ расшитыя, горять при свѣчахъ, что звѣздочки.

Вотъ и все.

А люди... люди чего не насажутъ!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Однажды послѣ долгой всенощной Дениску прогнали спать. Легъ Дениска, а спать что-то не хочется. Вотъ онъ лежалъ-лежалъ, покликалъ было Антонину. Антонина не отзывается, сопить,—такъ истощали ее всѣ эти стоянія и поклоны. Дѣлать нечего, всталъ Дениска, походилъ по комнатѣ, и взбрело ему въ голову въ потемкахъ по дому побродить, а если придется, и Ягу попугать. Ягу попугать, чтобы впередъ не подзатылила. И, держа въ головѣ, какъ

бы все это лучше обдѣлать, вышелъ Дениска изъ дѣтской, спустился съ лѣстницы и ужъ хотѣлъ отворить дверь въ коридорчикъ, окружавшій женскую половину, да только дверь не поддается, дверь оказалась заперта. Что за оказія? Походилъ онъ вокругъ. Приставилъ ухо къ замочной скважинѣ,—ничего не слышать. Зашелъ съ другого конца, и опять та же исторія. Такъ и пошелъ ни съ чѣмъ.

И долго Дениска ворочался, все головою раскидывалъ: отчего это дверь заперта—никогда дверь не запиралась,—и ничего не слышно, хогъ бы вотъ такай комариный зудъ. И снились Денискѣ всю ночь страшные разбойники, хотѣли разбойники не то живьемъ его проглотить, не то отрубить ему голову,—словомъ, что-то страшное сдѣлать. Но Дениска не трусливаго десятка, укусилъ главнаго разбойника за палець, и проснулся.

„Это дѣло нужно развѣдать; такъ оставить его нельзя!“—порѣшилъ Дениска и, сговорившись съ Антониной, притворился на слѣдующую субботу больнымъ. И чесался-то онъ и ерзалъ и перхалъ, и глаза муслилъ, и рука-то у него онѣмѣла, и всѣ части непоказанныя сохнутъ, и въ головѣ-то гдѣ-то въ самомъ мозгу свербить, что страсть, и въ ушахъ такой звонъ,—куда звонъ у Ивана Великаго! Ко всенощной его, конечно, не тронули, куда такого тронешь: прямо на ладанъ дышать.

А когда началась служба, Дениска шастъ съ кровати, сыркнулъ да со всѣхъ ногъ въ коридорчикъ, ключъ отъ одной двери и прикарманилъ. Воротился опять въ дѣтскую, улегся, лежитъ. Кончилась служба, Яга привела Антонину, а онъ себѣ мечется весь, будто въ жару лютомъ, и кукишки кажетъ и языкъ высовываетъ. Притворила Яга дверь, помѣшкала на площадкѣ у дѣтской и спустилась внизъ. И все въ домѣ затихло.

Вотъ выждалъ Дениска время да тихонько въ коридорчикъ къ двери. Думаетъ себѣ, такъ сейчасъ все и увидить,

потираетъ руки отъ удовольствія. Анъ нѣтъ, не тутъ-то,—толкнулся, а дверь-то не отворяется—заставлена. Осмотрѣлъ Дениска все тщательнo, понаперъ грудью—маленькую щелку сдѣлалъ, да въ щелку и юркнулъ. И пошелъ. Столовую прошелъ, шкапную прошелъ, заглянулъ въ боковыя—нѣтъ ничего, темно, обогнулъ Ягиную комнату, малую моленную и къ образной. Приставилъ ухо къ образной и слышитъ: долбитъ тараканщикъ, а о чемъ долбитъ—ничего не поймешь. Долбитъ и долбитъ. И опять тихо. И опять долбитъ, что твой дятель. Пождалъ Дениска, послушалъ и только что уходитъ собрался, какъ вдругъ откуда ни возьмись чья-то огромная нога—хватъ его сапожищемъ, и наступила. Хорошо, что у Дениски желѣзная грудь, а то только мокренько бы стало, проломилъ бы его сапогъ, какъ пить далъ. Дениска свернулся въ горошину, зажмурился да по полу ползкомъ, по полу и покатился, докатился до двери, да въ щелку, да въ коридорчикъ, да по лѣстницѣ въ дѣтскую бухъ на кровать. А въ ухахъ такъ и долбитъ и долбитъ тараканщикъ.

Что за чудеса? Много Дениска съ Антониной ломали голову. Подступалъ Дениска къ бабннкѣ, и такъ и сякъ приставалъ къ старухѣ, но старуха ни полслова, хоть бы что, только молится да вздыхаетъ, молится да вздыхаетъ. О чемъ молится?—О грѣхахъ.—Да о какихъ грѣхахъ?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Слухъ о томъ, что въ домѣ Дивилинныхъ не ладно, исколесивъ много дорогъ, дошелъ и до гимназіи.

Учитель географіи, по прозванію Мокрица, будто случайно, спросилъ Дениску:

— Эй ты, какъ тебя, Дивилинъ, что ли, какихъ это у васъ тамъ въ домѣ чертей вызываютъ?

Дениска Мокрицѣ языкъ высунуль.

Мокрица разсвирѣпѣлъ: заставилъ Дениску простоять битый часъ, не двигаясь, и самъ стоялъ противъ Дениски и, не спуская глазъ, слѣдилъ за нимъ. И Дениска, выпятивъ свою желѣзную грудь, выстоялъ часъ, не только не шевелясь, но и не сморгнувъ ни разу. Не потому, чтобы боялся Мокрицы и слушался, а просто изъ ухарства и упрямства.

„И выстою, что—выкуси—а?!“—каменѣлъ каждый мускулъ на его дѣтскомъ нѣжномъ лицѣ.

Но Мокрицей дѣло не кончилось. Позвали Дениску къ директору. Когда звали ученика къ директору, это означало, что просто ужъ рѣшено выгнать изъ гимназіи. Съ тѣмъ пошелъ и Дениска.

Директоръ долго морилъ Дениску. Дениска стоялъ и смотрѣлъ на директора. Бритая директорская губа то поднималась, показывая волчій клыкъ, то прикусывалась безъ остатка.

— Чѣмъ занимаются твои родители? — не глядя, спросилъ директоръ.

— Отецъ померъ,—отвѣтилъ Дениска.

— Чѣмъ занимаются твои родители въ настоящее время?

— Капусту рубять.

Директоръ скосился.

— Я тебя про капусту не спрашиваю...—забарабанилъ директорскій палецъ.

Дениска молчалъ.

— Ты у меня позанимаешься, наглый мальчишка!— ужъ грозился директорскій палецъ, а острый камень перстня, сверкнувъ, кольнулъ прямо въ глаза,—остаться послѣ уроковъ!

Призадумался Дениска пуце прежняго. Отпиралъ онъ запрятымъ ключомъ дверь коридорчика, проникалъ къ образной, прислушивался, слышалъ долбню тараканчика и только.

Тутъ на грѣхъ пошли исторіи въ гимназіи, да такія, не было ужъ возможности продолжать свои наблюденія.

Много субботъ пришлось Денискѣ отстаиваться въ карцерѣ.

И все изъ-за пустяка.

Какъ-то на большой перемѣнѣ, пробѣгая мимо инспектора, Дениска, столкнувшись съ нимъ носъ къ носу, крикнулъ:

— Леонидъ Францевичъ, въ какомъ у меня ухѣ звенить?

— Въ лѣвомъ,—отвѣтилъ, не задумавшись, инспекторъ и вдругъ побагровѣлъ весь: такъ ошеломилъ его Дениска своимъ неожиданнымъ недопустимымъ, прямо невозможнымъ вопросомъ.

И за этотъ-то самый вопросъ, а скорѣе за то, что инспекторъ отвѣтилъ ему на недопустимый вопросъ, наказали его жестоко. Въ карцерѣ Дениска не отсиживался, а отстаивался. Стоялъ столпомъ, какъ велѣлъ директоръ, руки по швамъ, голову такъ. И старичокъ швейцаръ Герасимъ, хмурая сѣдая солдатскія брови, тоже стоялъ и наблюдалъ въ окошечко, словно бы подъ туркой. Дениска стоялъ, а самъ думалъ: что же это такое происходитъ въ домѣ у нихъ, и всѣ даже спрашиваютъ, и всѣмъ интересно знать, а онъ не только не знаетъ, а и узнать ничего не можетъ?

И возвращаясь позднимъ вечеромъ изъ карцера и не попадая ужъ къ обѣду, измытаренный послѣ долгой всеошпной, Дениска подолгу разговаривалъ съ Антониной и гадалъ, и все объ одномъ, о домѣ, что за причина завелась у нихъ въ домѣ?

Антонина какъ-то сказала:

— Можетъ-быть, они тамъ дѣтей дѣлаютъ...

— Дѣтей не такъ дѣлаютъ,—отвѣтилъ серьезно Дениска,—ты ничего тутъ не понимаешь.

— Ну тогда что же можно еще дѣлать? — поправи-
лась Антонина, — картъ въ дому нѣтъ, отобралъ таракан-
щикъ.

— Не люблю я эту собаку, такая собака,—огрызнулся Дениска.

— А по-твоему бабинька... — растягивая и что-то свое соображая, перевела Антонина.

— Бабинька помѣшанная.

— Грѣхъ такъ. она тебѣ мать.

— Кто?

— Бабинька.

— А твоя мать—Яга.

Антонина не отвѣтила, только нехорошо сдвинула бровки.

— Яга говорить, будто твой отецъ отъ книгъ пропаль, конечно — Яга, отъ книгъ учителя дѣлаются.

— Я тоже не люблю тараканщика,—сказала Антонина.

— А знаешь, Антонина, я придумаль. Я влѣзу въ окошко.

— Въ окошко не видно,—покачала головой Антонина.

— Тогда вотъ что... я... Антонинка! Я просверлю дырку въ образной, такъ маленькую дырку.

Дѣвочка сверкнула глазами:

— И все увидишь.

-- Конечно, увижу, да какъ еще!

-- И мнѣ расскажешь?

Ударили по рукамъ.

А въ домѣ принимались предосторожности. Слухи ли по городу, либо еще какія подозрѣнія, либо просто сердце подсказывало: теперь не только вечерами въ субботу, но и въ обыкновенное время запирались всѣ двери и всѣ комнаты, такъ что проникнуть въ коридорчикъ никакой или почти никакой не было возможности.

Глафира ягѣла, тараканчикъ чертенѣлъ. Одна старуха Аграфена безропотно, безмятежно все молилась да вздыхала, молилась да вздыхала.

А все же какъ ни какъ, а подъ разными предлогами

удавалось Денискѣ урывать минуты и ковырять въ двери дырку. Цѣлыя недѣли старался, и къ одной изъ субботъ дырка поспѣла.

Какъ Дениска выстоять всенощную, одному Богу извѣстно.

И когда все затихло, онъ спустился изъ дѣтской, отперъ своимъ ключомъ дверь, пробрался въ коридорчикъ, и черезъ столовую, шкапную, боковую прямо къ дыркѣ.

Антонина не могла заснуть, ждавши. Битый часъ ждала она Дениску. Калѣбныя мысли проходили въ ея головѣ, отвратительныя, недѣтскія—калѣбныя, и дразнили, и приманивали, и ужасомъ подымали волосы, и щемили ея больныя мѣста. Тянулись минуты, онѣ тоже, казалось, на костыляхъ шли.

Слома голову присекалъ Дениска въ дѣтскую:

— Знаешь, что они дѣлають?

— Что?—испуганно спросила Антонина.

— Они молятся.

Антонина заплакала. Такъ ее измучили калѣбныя мысли и ожиданіе чего-то страшнаго и необыкновеннаго.

А Дениска больше не зналъ покоя. Одна мысль точила его, онъ все думалъ и думалъ: да чѣмъ бы это насолить тараканцику и Ягѣ заодно, какую бы такую штуку придумать, чего бы такое имъ подстроить, когда они молятся?

Такъ проходили вечера за вечерами.

Все валилось изъ рукъ. Сколько Дениска бумаги перевелъ зря: начнетъ рисовать и разорветъ.

— Они молятся,—повторялъ онъ и спохватывался, цѣпляясь за что-то, за какую-то дорожку, которая вела его къ уморительной каверзѣ,—они стоятъ всѣ трое рядомъ... они цѣлуются... эта собака и Яга... они молятся...

— О чемъ же они молятся?

— Молятся. Видно только, какъ губы ихъ раскрываются, и потомъ хлестъ лестовокъ, хлещутся.

Антонина насторожилась.

— А если... Антонинка, знаешь, я придумалъ, Антонинка! Въ эту субботу я проберусь въ образную...— и Дениска затрясся весь отъ хохота и горѣлъ весь отъ мысли, мелькнувшей въ бѣдовой его головѣ, — понимаешь, Антонинка? Ты понимаешь? — и шопотомъ на самое ухо онъ сказалъ что-то Антонинѣ, покосился на дверь, потеръ себѣ руки отъ удовольствія и, схвативъ со стола снимку, принялся жевать ее во всѣ скулы съ наслажденіемъ.

Красныя пятна вспыхнули на блѣдномъ личикѣ дѣвочки, загорались глаза смѣхомъ и слезами, и она вдругъ захохотала и хохотала, захлебываясь, такъ громко, какъ только могла хохотать, и вся подпрыгивала, и костыли за спиною прыгали.

— Онъ?—подмигнулъ Дениска, вынимая изо рта снимку и принимаясь выдѣлывать изъ снимки какую-то странную дьявольскую фигуру.

— Онъ!—хохотала вся въ слезахъ Антонина.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Суббота выдалась особенная—масленичная. Всю недѣлю объѣдались блинами, разнесло животы во каніе, куда гора! Ужъ и въ горло не шло, душа не принимала, а все-таки ѣли. На то она и масленица не простая, а широкая.

Служба тянулась долгая съ такими безчисленными поклонами и такими трудными: поклонись, а самъ и не встанешь. Яга повела Антонину въ дѣтскую, дѣвочка просто валилась, а Дениска что-то замѣшкался, лампадку полѣзъ поправлять у Трехъ Радостей. И что-то ужъ очень долго вертѣлся, такъ что тараканчикъ стащилъ его со стула,

ихнулъ колѣномъ. Такой былъ суровый и мрачный въ эту субботу тараканщикъ. Съ блина ли, либо то къ нему подходило, — душа его начинала горѣть, сердце стучать, нутро выворачиваться,—Богъ знаетъ. И когда онъ пѣлъ, и когда гнусилъ молитвы, зубы его скалились, и весь онъ подергивался, будто держала его какая-то злая лихорадка, самая злющая изъ всѣхъ дочерей Иродовыхъ. Дениска кувыркнулся на порогъ, но тараканщикъ поднялъ его и такъ саданулъ, что мигомъ очутился Дениска прямо на своей кровати.

И Антонина и Дениска притворились спящими.

Ждали.

Колотилось ихъ сердце—ухъ какъ!..

Въ домѣ мракъ и тихо. Всѣ двери затворены и заперты, Яга еще разъ пробуеетъ ключъ отъ двери образной.

Въ образной началось моленіе.

Онъ сегодня долженъ явиться, самъ Дьяволъ долженъ явиться и не въ тайномъ, въ явномъ своемъ ликѣ. Въ этотъ страшный день надлежитъ быть послѣдному дню. Они готовы. И пусть Онъ имъ явится. Они вступятъ въ борьбу. И Онъ побѣжденъ будетъ.

Ихъ трое. Трое вѣрныхъ. Міръ и земля въ грѣхѣ. Грѣхъ растетъ. Съ каждымъ часомъ виѣдряется грѣхъ глубже въ сердце, въ корни сердца. Но ихъ трое. Трое вѣрныхъ среди невѣрія и грѣха. Ангелъ хранитель покидаетъ землю. Съ плачемъ и скорбью летитъ ангелъ на небо. Кадильница его пуста. Нѣтъ ѳиміама молитвъ и покаянія. Нѣтъ дѣлъ человѣческихъ, угодныхъ Богу. Дьяволъ все побѣдилъ.

Но они готовы. И пусть Онъ имъ явится. Они поразятъ Его.

И вотъ они клянутся. Именемъ Бога, именемъ Христа,

именемъ Святого Духа. Они клянутся любовью къ Нимъ. Къ Богу, ко Христу, къ духу Святому.

И они клялись. Душу положить свою, душу погубить свою, чтобы сохранить ее.

Они готовы. И пусть Онъ имъ явится. И они одолѣютъ Его.

Вспыхнуть костромъ. Съ ними вспыхнетъ земля и вмѣстѣ всѣ твари. И станетъ земля и всѣ твари бѣлыми и свѣтлыми, какъ бѣлы и свѣтлы ризы Господни.

А теперь имъ должно покаяться другъ передъ другомъ.

У Глафиры и Аграфены—великій грѣхъ на душѣ: однажды могли онѣ показать свою вѣру и любовь къ Богу, но Дьяволъ смутилъ и поколебалъ ихъ: онѣ отвергли и вѣру и любовь къ Богу во имя любви къ человѣку, — погани. Когда умеръ старикъ, предложилъ имъ тараканчикъ принести въ жертву Антонину, но Глафира и Аграфена хотъ взяться-то и взялись, а не могли этого сдѣлать.

Онѣ калялись другъ передъ другомъ.

— Ты мнѣ сказалъ,—исповѣдалась Глафира,—ребенокъ, котораго я родила, самое любимое, что есть у меня, и во имя любви къ Богу онъ долженъ умереть. Ты велѣлъ мнѣ отдать ребенка матушкѣ. И я отдала ей дѣвочку. И, какъ ты сказалъ, я осталась одна въ компатѣ. Знала я, что за стѣною дѣлается, и слушала. И слышала я, какъ пискнула дѣвочка. Потомъ все затихло. И ногтями я скребла стѣну, а сердце мое отъ горя помыхалось. Не могла больше вынести. Не послушалась. Бросилась я въ комнату къ матушкѣ, а дѣвочка жива еще, дочка моя, сидитъ она на рукахъ и ротикомъ смѣется. Тогда упала я на колѣни и просила матушку: „Матушка, не губи ее, оставь ее!“ Господи! Господи! Господи! прости меня!

— Ты велѣлъ мнѣ задушить младенца маленькаго, — шопотомъ сказала старуха Аграфена,—и я взяла Антонину у невѣстки, понесла въ образную сюда. Посадила ее къ себѣ

на колѣни, надѣла на шею петлю, а дитѣ улыбается, смѣшно ему маленькому, шекочетъ шейку петля. Я затынула петлю потуже, тяну веревку, и вотъ дѣвочка заплакала, больно, ой, горько заплакала. Ослабила я петлю, сняла съ шейки, надѣла на себя, будто играюсь, а дѣвочка ужъ улыбается и смѣется и въ ладошки хлопаешь, младенецъ маленькій, Антонинушка. Прости меня, Господи!

— А если бы теперь?—глаза тараканчика остановились страхомъ.

Глафира ринулась хищная, хищныя раздулись ноздри, какъ у кобылы.

Достойно есть величати Тя, Богородице,
Честнѣйшую и Славнѣйшую горнихъ воинствъ,
Дѣву Пречистую, Богородицу...

—затынулъ тараканчикъ и, круто обернувшись къ Глафирѣ ударилъ ее по лицу своей ременной лестовкой.

Не пошевелилась Яга, только струйка алой крови перемелькнула на Ягиномъ смертельно-блѣдномъ лицѣ.

— А если мы не достойны Его увидѣть?—шопотомъ спросилъ тараканчикъ и вдругъ закричалъ громко, вонзаясь глазами въ красный огонекъ лампадки:—заклинаю Тебя Богомъ живымъ, Святою Троицею, Матерью Божьей, стань тутъ, Сатана, стань!—стань!—стань!

Тяжкое молчаніе, невыносимое стянуло образную. Хватало за горло и душило.

— Холодно, ой, холодно!—вскрикнула Яга и унала замертво: звѣздочкой сверкнула ея лестовка по полу.

Тараканчикъ, сжимая кулаки, страшнымъ глазомъ обвелъ комнату. Глаза старухи голубые вспыхнули голубымъ огонькомъ, вся она согнулась и, казалось, бросится на тараканчика, вопьется ему въ горло и пить будетъ его кровь, какъ пилъ бы его кровь самъ Дьяволъ. Тараканчикъ вдругъ выхватилъ изъ рукъ ея бѣлую жемчужную лестовку и, пошатнувшись, дрогнулъ съ головы до ногъ.

На иконѣ Трехъ Радостей тамъ, гдѣ сливается жемчужная одежда Божьей Матери съ жемчужной рубашечкой Младенца, у благославляющихъ рукъ Младенца торчалъ на бѣломъ черненкѣй чортикъ, растопыривая тощія ножки и егозя мышинымъ вертлявымъ хвостикомъ.

И оно наступало. Наступалъ часъ тараканчика. Занавѣски и расшитыя полотенца на иконахъ текли передъ нимъ длинными кровавыми струями, огонекъ лампадки надувался. Оно наступало.

Старуха улыбалась... Голубые глаза ея вспыхивали голубымъ огонькомъ.

Тараканчикъ стучалъ зубами, были они, какъ чужіе ему, холодные, какъ ледъ. Глаза застилало. Спирало дыханіе. Оно шло вѣрно и быстро, все ближе подходило, подкатывалось къ его сердцу, трясло изо всей мочи, какъ никогда еще ни тамъ дома съ наглухо запертой дверью надъ полыми предметами и стаканами, ни тамъ въ Звѣринцѣ, ни тамъ на улицѣ, ни тамъ въ грязныхъ номерахъ.

И вдругъ ударило его и ошеломило.

Бросился тараканчикъ къ иконѣ и, размахивая и крутя въ воздухѣ жемчужною лестовкой, нечеловѣчески подпрыгнулъ и прыгалъ, и прыгалъ, доставалъ ее, бѣлую, бѣлоснѣжную, пречистую, срывалъ бѣлыя одежды и хлесталъ, и хлесталъ по ней.

Достойно есть величати Тя, Богородице,
Честнѣйшую и Славнѣйшую горнихъ воинствъ.
Дѣву пречистую, Богородицу...

А чернѣй чортикъ на уцѣлѣвшей жемчужинѣ у Младенца тамъ, гдѣ сливается жемчужная одежда Божьей Матери съ рубашечкой Младенца, зацѣпившись хвостикомъ, непобѣдимый, будто егозилъ, растопыривая тощія ножки.

Градомъ катился жемчугъ, осыпалъ тараканчика, колоть глаза. Разлетались жемчужины, прыгали по полу,

лясали по Ягѣ, голубымъ огонькомъ горѣли въ глазахъ старухи.

И глухой собачій вой разрѣзалъ ночь, ночь и комнату, будто тысячи собакъ выли и грызлись, отнимая другъ у друга какой-то единственный кусокъ поганаго сладкаго мяса.

Старуха улыбалась.

Дениска, уткнувшись въ подушку, захлебывался отъ хохота.

— Онъ!—пищаль Дениска,—я его укрѣпилъ крѣпко на Трехъ Радостей!

— На Трехъ Радостей,—повторяла горячими губами Антонина, прижимаясь калѣчнымъ тѣломъ къ желѣзной груди Дениски.

И бѣсившіеся вопли изъ низу и какой-то дѣвичій, будто изъ земли, изъ крови выходящій крикъ не тревожили хохота, не смущали горячихъ дѣтскихъ и счастливыхъ объятій.

— Онъ,—задыхался Дениска,—черненькій, съ лапками и съ хвостикомъ.

— И съ хвостикомъ,—шептала горячими губами Антонина.

Такъ и заснули Дениска и Антонина.

Крѣпкій сонъ залегъ въ дѣтской.

Спали рожицы и хвостики по стѣнамъ, спали пустяг полки, спали карандаши и гумиластики и кусочки снимки, оставшіеся отъ чортика, какъ спали въ непробудномъ снѣ непроницаемая сѣрая стѣны Дивилинскаго дома.

И сквозь сонъ, казалось, одинъ, безымянный сторожилъ сонъ спящихъ. Кто онъ? Какъ его имя? Откуда онъ и зачѣмъ пришелъ?

Онъ стоялъ на площадкѣ, пріотворялъ дверь, и без-

костный тихонько на цыпочкахъ подходилъ къ кроватямъ.

Антонина и Дениска, перевертываясь на другой бокъ, раскрывали свои испуганные глаза подъ огромными, сверлящими огонькомъ его острыми глазами.

Такой, какъ Амазонъ на картинкѣ у бабиньки, только голова у него, будто не на шеѣ—на винтѣ, все поворачивалась, не находила она себѣ мѣста, все поворачивалась, какъ на винтѣ. Длинные тонкія губы его—отвратительныя, чуть улыбались.

— Онъ,—бормоталъ Дениска.

— Онъ,—повторяла Антонина.

И сѣрѣлъ разсвѣтъ, вставалъ сѣрый день тамъ за окномъ. Тамъ за окномъ лежала рѣка, покрытая сѣрымъ сколотымъ льдомъ. Дымъ клубился надъ городомъ изъ теплыхъ трубъ. Спозаранку топились печи ради послѣдняго дня—Прощенаго воскресенья.

1906 г.

СУДЪ БОЖІЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О. Иларіонъ—монахъ угодный, уменъ и вѣроу крѣпокъ—старецъ. Какъ казначей и духовникъ—на виду и самъ всякаго видитъ. Бдительный—не пропуститъ ни одной службы. Много лѣтъ безсмѣнно и въ безмолвіи у мощей стоялъ. Говорятъ, прозорливый. Оттого, должно быть, въ монастырь народъ идетъ побывать на духу у старца. Строгий и взыскательный, потачки не дастъ, а глаза хорошіе—всю душу выложишь. Высокій, прямой, борода сѣдая, длиною въ мѣру—не песья. Быстрый, не побѣжитъ, а всюду поспѣетъ. И узнаешь, не глядя: мантия, какъ у прочихъ, а шуршитъ, словно гофренная. Въ этомъ шуршаньѣ богомольцы и братія особую благодать видѣли. Въ монастырѣ онъ давно, а когда и почему—неизвѣстно. Одни говорили, что отъ несчастной любви, а другіе—что возлюбилъ еще съ юности пустыню, а третьи—ничего не говорили, во все вѣруя. А было во что: много разнаго складывали. Показывали, напримѣръ, въ монастырской оградѣ кедры, будто бы вывезенные старцемъ въ Москву съ Вычегды изъ пустыни, а кедры были такіе огромные—вѣкъ, а то и болѣ. Показывали также вериги, съ отроческихъ лѣтъ носимыя будто бы старцемъ, и эти вериги—тяжести непомѣрной—надѣвали обыкновенно на бѣсноватыхъ: шибко отъ бѣсовъ помогало. И все въ такомъ

родѣ. Впрочемъ, что же?—по заслугамъ и честь, такъ изъ головы не выдумаешь.

Всякій разъ, когда въ монастырѣ подымался трудный вопросъ или требовалось уладить какое-нибудь запутанное дѣло, на совѣтъ къ настоятелю призывался о. Пларіонъ. И не безъ проку: старецъ, обсудивъ вопросъ, удалялся въ церковь и, одинъ промолвившись ночь, выносилъ утромъ рѣшеніе, и было оно мудро и всегда на великую пользу. Живи, не бойся!

Случилось однажды, кіевскій владыка, гостя въ Москвѣ, посѣтилъ монастырь и, проживъ въ немъ нѣкоторое время, ухвалъ, тронутый и довольный строгимъ уставомъ и образцовымъ монастырскимъ порядкомъ. Въ благодарность за такое вниманіе рѣшено было послать владыкѣ подарокъ. А такъ какъ слылъ владыка за большого молебника, то изъ всѣхъ монастырскихъ сокровищъ выбрана была чудотворная и издавна чтимая икона Божіей Матери, именуемая Скорбною.

Разсказывали, что во время пожара, случившагося однажды въ монастырѣ, когда середина и крыло иконы, изображавшія Иуса и Предтечу, погорѣли до-тла, она одна уцѣлѣла въ огнѣ нетронутой. На ней представлена была Божія Матерь, какъ стояла Она у Распятія. Образъ былъ древній, ликъ темень, но изъ теми явственно видѣлись и скорбь и мука и вся горечь и глубокое покорство святого сердца, черезъ которое судимо было, чтобы прошелъ мечъ. Украшенная богатою ризою и цвѣтными камнями, икона была по размѣрамъ небольшая— подѣ силу одному унести.

Отвезти драгоцѣнную святыню въ Кіевъ поручено было о. Пларіону.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Съ перваго шага пошли неудачи.

Кунэ второго класса, въ которомъ помѣстился о. Пла-

ріонъ, заняли еще три пассажира. И это было бы куда ни шло. Вскорѣ же оказалось, что всѣ они хоть и очень пріятные и услужливые спутники, но курильщики самые отчаянные. И это было совсѣмъ некстати: ѣхать до Кіева приходилось цѣлыя сутки, а отъ табачнаго дыма у о. Иларіона кружилась голова и болѣло сердце. Что было дѣлать? Просить не курить—совѣстно, перейти въ другой вагонъ—мѣста нѣтъ. И вотъ, чтобы какъ-нибудь уберечься и въ то же время не стѣснять своихъ сосѣдей, о. Иларіонъ, выждавъ контроль, вышелъ на площадку и рѣшилъ стоять на площадкѣ весь путь до Кіева.

Погода выдалась теплая и продувавшій вѣтерокъ не мѣшалъ: легко овѣвая лицо, подымалъ онъ вскрылія клобука и игралъ въ нихъ, шелестѣлъ ими, какъ крыльями.

Любо было и хорошо! Весеннія поля, лѣсъ и рѣка шли чередомъ: дружная широко полегла зель и туда и сюда и, благодатная, укрывала душистымъ ковромъ необъятный край земли до небесной сини и словно все кликала кликомъ рѣющей пѣсни своего жаворонка, а лѣсъ, зеленѣя молодою клейкою листвою, что-то все говорилъ, шумя, а пробѣгавшія рѣки и рѣчки, вырастая подъ половодьемъ, полноводныя, гудѣли, куда колоколь.

И оттого ли, что столько лѣтъ проведено было однообразно, на одномъ мѣстѣ въ стѣнахъ городского монастыря, среди свѣчей, лампадокъ и ладана, или еще отъ чего, что доносилось вѣтромъ и касалось глазъ съ этой шири и дали, почувствовалъ о. Иларіонъ, какъ стало ему весело и радостно какъ-то.

Пускай одежда на немъ темная и голова его—сѣдая и душа, принявшая многое множество и самыхъ отчаянныхъ и самыхъ горькихъ признаній, отягчена и утомлена чужими грѣхами и тайнами, а тамъ—все молодо, а тамъ—все полно невѣдѣнія, онъ нисколько не представляется чужимъ, ни одинокимъ и видъ его не рѣжетъ глазъ.

Была ли это молитва—и старецъ молился безъ словъ и мысли единымъ духомъ, какъ преподобный Коряжемскій Логгинъ молился среди своихъ печальныхъ кедровъ бѣлою ночью, ночь до колокольнаго звона, плываго по рѣкѣ изъ Соли Вычегодской. Или проходили въ немъ воспомина- нія, но какія?—не тѣхъ же дней, которые съ болью про- житы и лишь теперь благословлены?—Нѣтъ, не этихъ дней. И что за голосъ онъ слышитъ и куда зоветъ этотъ голосъ? Или видѣлъ онъ руку, показывающую ему дорогу, но не назадъ въ монастырь, а куда-то въ эту ширь и даль: тамъ ложе - земля, а покровъ—небо.

Онъ стоялъ и, не отрываясь, глядѣлъ вокругъ. И если бы захотѣлъ въ тѣ минуты собрать свои мысли, онѣ не сказались бы. И было такъ весело и радостно какъ-то. Слезы сами собою подступали и крупныя катились изъ засвѣтив- шихся, словно у ребенка, веселыхъ и кроткихъ глазъ. И время неслышно шло.

„А не искушеніе ли это?“—шевелинулась чуть внят- ная мысль, и тотчасъ о. Иларіонъ перевелъ глаза и, вздрог- нувъ, потупился: какой-то господинъ, стоя у двери, выхо- дящей на площадку противоположнаго вагона — перваго класса, упорно смотрѣлъ на него.

— Искушеніе!—сказалъ самъ себѣ о. Иларіонъ и, под- твердивъ словомъ свою предательскую мысль, всполошилъ мысли: онѣ полѣзли въ голову всякія, и подонки ихъ.

Чувствуя на себѣ неспускаемый взглядъ, старецъ схва- тился за четки и съ какимъ-то остервенѣніемъ принялся читать положенную молитву и, читая ее, затверженную, по- терявшую всякій смыслъ—пустую, сталъ убѣждаться, что все только-что бывшее съ нимъ—нечисто.

„Дьяволъ,—распалаяся монахъ,—Сатана, радующійся, когда удается ему обойти человѣка: заставитъ размякнуть человѣка и разнюниться. Все отъ Дьявола. Скверную шутку сыгралъ съ нимъ, нечего сказать! Замутилъ ему память...

Да развѣ онъ, столько лѣтъ проведенный въ монастырѣ и столь много потруднившійся для своего и чужого спасенія, могъ самъ собою забыть примѣръ старца, имя котораго принялъ и житію котораго слѣдовалъ? А какъ поступилъ троекуровскій старецъ, попавъ однажды въ такое же положеніе? Выведенный по веснѣ въ садикъ, старецъ сказалъ: Хорошо, очень хорошо, пожалуй, захочешь и еще, и велѣлъ вести себя обратно въ келью“.

Подводя итогъ пережитому, о. Иларіонъ укорялъ и превозносилъ себя. Онъ допытывалъ: какой это иной путь указанъ ему? И развѣ мыслимо оставить ему монастырь? Онъ одинъ вотъ этими руками устроилъ монастырь и безъ него пропадетъ монастырь. А всѣ эти люди? Вѣдь только изъ-за него они идутъ, отъ него ищутъ себѣ утѣшенія. Что они безъ него будутъ дѣлать? Куда дѣнутся?—Очумѣютъ въ своей темной и жалкой жизни, какъ псы, подохнутъ безъ покаянія. А! онъ догадался! Онъ знаетъ этотъ путь. Знаетъ, куда ведетъ эта дорожка. Въ міръ звалъ его Сатана, красотою, полями соблазнялъ его. Нѣтъ ужъ, ошибся. Не будетъ этого, какъ не можетъ быть снѣгъ черенъ, соль прѣсна! Онъ оставилъ міръ, чтобы спасти его. Это единственное, чѣмъ жилъ онъ, живетъ и будетъ жить. И знаетъ онъ, какъ спасти міръ, знаетъ онъ, кто виновникъ страданія. Еще въ молодости, какъ извѣдывалъ и пробовалъ жизнь, ходя среди людей послѣднимъ блудникомъ, воромъ и пьяницею, еще въ тѣ годы, когда, чувствуя силы, искалъ онъ себѣ дѣла, эта мысль о спасеніи—а онъ давно это понялъ—не покидала его: онъ ею только, вѣдь, и мучился.

— Господи, помилуй мя!—произнесъ о. Иларіонъ глухо и съ какою-то обидою, что вотъ Господь попустилъ искушать его.

И, поднявъ глаза, онъ снова встрѣтился съ упорно направленнымъ на него взглядомъ: наблюдавшій за нимъ

ггсподинъ, выйдя на площадку, стоялъ теперь прямо противъ него.

Коробило старца отъ этого взгляда.

О. Иларіонъ, бросивъ молитву, сталъ оправляться: поправилъ клобукъ, поправилъ наперсный крестъ, поправилъ рясу. Но одежда все какъ-то лѣзетъ на немъ. И стоять становится трудно. Воды бы попить! И въ ушахъ звонъ: назойливо стучать колеса и гдѣ-то неприятно лязгають цѣпи. Какое-то утомленіе клонить его. И ему хочется опуститься тутъ же на площадкѣ, вытянуть ноги и заснуть.

Онъ долго боролся, брался за четки, тарачилъ глаза, переминался, но силы оставили его, и, не замѣтивъ, стоя, онъ заснулъ. И хотя спалъ онъ всего ничего, тягучій и безобразный сонъ довершилъ весь его страхъ и безпокойство.

Представилось о. Иларіону, будто онъ въ монастырѣ, сидитъ въ трапезной за столомъ и ѣстъ котлеты. А передъ нимъ стоитъ его любимый ученикъ, умершій нѣсколько лѣтъ назадъ еще юнымъ, и служить ему. И вотъ, будто ѣстъ онъ эти котлеты и, входя во вкусъ, начинаетъ соображать, что котлеты не говяжьи, а сдѣланы котлеты изъ мяса, вырѣзаннаго изъ ногъ этого любимаго ученика, и ясно видитъ онъ тѣ самыя мѣста, откуда вырѣзано на котлеты.

Очнувшись, о. Иларіонъ вошелъ въ вагонъ.

Купэ отъ папиросъ дымилось, а спутники, примостившись, рѣзались въ карты. Тутъ же стояло угощеніе. Замѣтно было, что не безъ усердія прикладываются къ рюмкамъ. И было очень весело. Наперерывъ другъ передъ другомъ бросились сосѣди потчевать о. Иларіона, но онъ, отъ всего отказавшись, попросилъ только воды. Воду скоро доставили. И не выпивъ и нѣсколькихъ глотковъ, о Иларіонъ почувствовалъ утоленіе. Присѣлъ къ сосѣдямъ и, насколько позволяли силы остаться, оставался въ купэ. Беззаботность

ли и веселье его спутниковъ, переменна ли мѣста, но что-то отрезвило его, и онъ снова вышелъ на площадку.

Быль уже вечеръ. Сѣло солнце. Попадавшіяся поля, лѣсъ и рѣки ложились по сторонамъ затуманенныя и затихнувшія, и лишь вечернія птицы робко начинали свои позднія пѣсни. А вечерница—первая звѣзда, восходя по небу, зажигала свѣтъ свой.

Тихій свѣтъ тихо входилъ въ душу старца, наполняя ее смиреніемъ и покорностью. Ожесточенности не было, а съ нею улеглась гордыня. Онъ уже не думалъ о своихъ заслугахъ и трудахъ, ни о томъ, какъ спасаетъ себя и другихъ, не поминалъ дьявола, который будто бы только и ищетъ, чтобы смущать его, не ропталъ. Это былъ ужъ не прославленный старецъ, а простой монахъ, къ которому тянуло и котораго любилъ народъ.

Между тѣмъ все тотъ же господинъ, слѣдившій за о. Иларіономъ, перешелъ на его площадку и сталъ съ нимъ рядомъ.

И опять страхъ еще пуще овладѣлъ о. Иларіономъ, но онъ не пошевельнулся и продолжалъ стоять смиренно и покорно, готовый все вынести, что бы ни случилось. А что могло случиться, ясно ему не представлялось. Онъ чувствовалъ только недоброе что-то въ сосѣдѣ и въ томъ, что этотъ сосѣдъ неотступно преслѣдуетъ его.

Такъ стояли они плечо въ плечо.

Погаснулъ вечеръ. Темная протянулась ночь. Безвѣтріе и тишина. И слышны были лишь стукі сердца.

— Батюшка,—сказалъ незнакомецъ.

О. Иларіонъ повернулся и, смиренно наклонивъ голову, далъ понять, что готовъ на все отвѣтить, что бы ни спросили его.

— Вотъ я все смотрю на васъ,—продолжалъ незнакомецъ,—и никакъ понять не могу, скажите, батюшка, по-

чему это вы стоите тутъ: и днемъ стояли, и вечеромъ, и сейчасъ?

— Въ нашемъ вагонѣ курять, я не могу выносить дыма: у меня голова разбаливается и сердце. Я и вышелъ сюда.

— А вамъ далеко?—полюбопытствовалъ незнакомецъ.

— Въ Кіевъ, по порученію настоятеля, — сказалъ о. Иларіонъ.

— Такъ знаете, батюшка, переходите ко мнѣ: у меня свободно, отдѣльное купэ и въ цѣломъ вагонѣ, кромѣ меня, никого нѣтъ—пустой вагонъ. Мы вмѣстѣ и размѣстимся, одному, батюшка, очень скучно.

Голосъ незнакомца пресѣкался, какая-то затаенная мысль, которую онъ ужъ не могъ удержать въ себѣ, а съ нею и тревога прозвучали въ его словахъ. И это не внушало довѣрія. И видъ незнакомца: это былъ молодой человѣкъ самый обыкновенный, какихъ часто встрѣчаешь, безъ всякихъ примѣтинъ,—все было на своемъ мѣстѣ, правильно и даже красиво, но почему-то тоже не внушало довѣрія.

О. Иларіонъ хотѣлъ было отказаться, но, и не сдѣлавъ даже попытки, какъ-то помимо воли далъ согласіе. Сказавъ, что хочетъ взять вещи, онъ пошелъ въ свой вагонъ.

Страхъ не отпускалъ о. Иларіона, что-то предостерегало его не возвращаться. И сдѣлать это было легко: въ купэ всѣ спали и онъ, въ свою очередь, тоже могъ бы лечь и хорошо выспаться, курить не будутъ.

Присѣлъ о. Иларіонъ на диванъ, и сталъ ужъ успокаиваться, но, не прошло и минуты, вдругъ онъ поднялся. Совѣсть заговорила въ немъ. Совѣсть укоряла его въ малодушіи и повелѣвала немедля встать и не бояться, потому что онъ—монахъ, а монахъ ничего не долженъ бояться.

Забравъ съ собою чемоданъ съ чудотворною иконою, о. Иларіонъ вышелъ изъ вагона.

Молодой человѣкъ, поджидавшій его на площадкѣ,

помогъ ему перейти въ свой вагонъ и, введя въ свое купе, затворилъ за собою дверь.

И снова одни съ глазъ-на-глазъ они остались въ пустомъ вагонѣ. сидя другъ противъ друга.

Впрочемъ, молодой человѣкъ не заставилъ себя ждать.

— Я такъ измучился, батюшка,—заговорилъ онъ, волнуясь,—просто нигдѣ себѣ мѣста не найду, пробовалъ читать, не читается, и спать не могу, вышелъ на площадку—одному тутъ жутко и скучно!—вижу, вы стоите, и сталъ я наблюдать за вами, и чѣмъ больше вглядывался въ васъ, тѣмъ больше вы мнѣ нравились, и рѣшилъ я: спрошу у васъ, и какъ вы скажете, такъ я и сдѣлаю.

— Говорите, — тихо произнесъ о. Иларіонъ, — что въ монахъ силахъ, помогу вамъ,—и привычно приготовился выслушать и принять все, что только можетъ открыть человѣкъ отъ перваго преступленія до послѣдняго злодѣйства.

— Я единственный сынъ,—началъ спутникъ, — родители мои очень богатые купцы въ Кіевѣ. Когда я былъ еще мальчикомъ гимназистомъ, они выбрали мнѣ невѣсту и сказано мнѣ было, что, когда я кончу университетъ, женюсь на ней. Она — моя сверстница и мы часто вмѣстѣ проводили время. Сначала, какъ дѣти, играли, потомъ стали вмѣстѣ читать, ходили въ театръ, танцовали. Отношенія у насъ были самыя лучшія: я къ ней, какъ къ сестрѣ, относился, она ко мнѣ — какъ къ брату. Кончивъ гимназію, я поѣхалъ въ Москву въ университетъ. Сначала мы переписывались: я скучалъ одинъ. Но потомъ, вотъ ужъ два года, какъ я встрѣтилъ одну дѣвушку, полюбилъ ее, и мы сошлись. Родился у насъ ребенокъ. Въ Кіевѣ родителямъ, не желая огорчать ихъ, я ни слова не написалъ. Это для нихъ было бы настоящимъ горемъ. А ее я какъ-то упустилъ изъ виду и даже забылъ, что есть у меня какая-то невѣста и что я только на ней и могу жениться. За все это время, отговариваясь разными дѣлами, я ни разу не былъ въ Кіевѣ. Наконецъ, я кончилъ

университетъ, жили мы хорошо, я начиналъ подумывать, какъ намъ устроиться, и вдругъ получаю отъ отца телеграмму: требуетъ, чтобы немедленно я прїѣзжалъ въ Кіевъ, и что день моей свадьбы назначенъ. Сперва я не хотѣлъ ѣхать, мнѣ казалось невозможнымъ и дикимъ такое требованіе, по потомъ что-то заколебалось во мнѣ, сталъ я думать и въ концѣ-концовъ, даже не сказавши дома, взялъ и уѣхалъ. А какъ сѣлъ въ вагонъ, такъ опять все сызнава и пошло: и ни въ чемъ ужъ теперь разобратъся не могу, все у меня перепуталось. Вотъ я и рѣшилъ спросить у васъ, батюшка, и какъ вы скажете, такъ я и сдѣлаю: ѣхать ли мнѣ въ Кіевъ или обратно въ Москву?

— Какіе пустяки!—сказалъ о. Иларіонъ,—прямое дѣло ѣхать вамъ въ Москву.

— Въ Москву?—спутникъ при этихъ словахъ такъ подпрыгнулъ отъ радости, что чуть въ окно не выскочилъ.

— Конечно, въ Москву: разъ вы полюбили, то надо и быть вамъ съ тѣми, кого вы любите.

Сказавъ это, о. Иларіонъ почувствовалъ, какъ что-то тяжелое отлегло отъ сердца. Откинувшись на диванъ удобнѣе, совершенно спокойный, онъ просто руками разводилъ, вспоминая пережитое за день. Откуда у него страхъ явился передъ этимъ несуразнымъ человѣкомъ, который самъ себя опуталъ кругомъ, и исторія котораго, впрочемъ, какъ и большинство исторій, выѣденнаго яйца не стоитъ?

А несуразный человѣкъ—спутникъ старца, тѣмъ временемъ о себѣ разсуждалъ. Какъ же это онъ такъ поступилъ необдуманно и, Богъ знаетъ, изъ-за чего,—изъ-за какихъ-то капризовъ родителей поѣхалъ въ Кіевъ, чтобы связать свою жизнь съ нелюбимымъ человѣкомъ, оставивъ жену и ребенка, которыхъ онъ любитъ. Да вѣдь онъ своимъ глупымъ поступкомъ могъ бы всю жизнь себѣ искалѣчить и не себѣ только, вѣдь онъ даже не сказалъ ей, зачѣмъ ѣдетъ, и узнай она настоящую причину, возможно, не перенесла бы...

И, словно очнувшись отъ какого-то продолжительнаго глубокаго обморока, онъ бросился собирать свои вещи, чтобы на первой же станціи, ни минуты не медля, пересѣсть въ другой поѣздъ и ѣхать обратно въ Москву.

Въ ожиданіи счастливой остановки, болтая всякій вздоръ, сколько любопытнаго успѣлъ передать онъ и про своего маленькаго сынишку и о всѣхъ своихъ планахъ, и какъ его встрѣтятъ, и какъ они заживутъ спокойно, и какъ онъ когда-нибудь женѣ все расскажетъ, и сколько будетъ смѣха, а какіе зимой вечера у нихъ будутъ!—и куда они на будущій годъ поѣдутъ, и какія игрушки онъ купить. Затѣмъ началъ рассказывать какой-то анекдотъ и на самой соли его, не кончивъ, самъ первый же сталъ смѣяться и смѣялся на весь вагонъ раскатисто и молодо, словомъ, переродился: и не узнаешь.

Поѣздъ приближался къ станціи, и оставалось всего какихъ-нибудь двѣ-три минуты, какъ вдругъ страхъ большій, чѣмъ всё бывшіе за весь путь, охватилъ о. Пларіона.

— Пойдите,—сказалъ онъ счастливому своему спутнику, который ужъ одной ногой былъ за дверью,—обождите немного... Я только-что сказалъ, что надо вамъ въ Москву ѣхать, и считаю, что, по моему разумѣнію, другого выхода для васъ нѣтъ, но я—человѣкъ, и какъ человѣкъ, могу ошибиться. Признаюсь, сегодня, когда мы тамъ стояли, я подумалъ, что вы замышляете что-то недоброе, что вы, можетъ быть, убить меня хотите, а, вѣдь, на самомъ дѣлѣ вы оказались простымъ и добрымъ человѣкомъ и зла мнѣ никакого ни сдѣлали. Вотъ я и хочу предложить вамъ: сдѣлайте такъ, какъ дѣлается у насъ въ монастырѣ. Обыкновенно въ трудныхъ вопросахъ, когда представляются нѣсколько рѣшеній, мы пишемъ ихъ на записки и кладемъ у иконы. Потомъ, помолившись, вынемъ одну записку, и какъ въ запискѣ говорится, такъ и поступаемъ. За всю мою жизнь не было случая, чтобы указанное такимъ обра-

зомъ рѣшеніе приводило къ чему-нибудь дурному, ибо рѣшеніе это божеское и ошибаться не можетъ. Согласны ли вы поступить такъ?

— Согласенъ.

— И что вынется, то и будетъ,—повторилъ о. Иларіонъ.

— Разъ вы говорите, батюшка, я согласенъ.

Въ это время подъѣхали къ станціи, и молодой человѣкъ, видимо, загрустилъ, но когда снова тронулся поѣздъ, онъ понемногу вошелъ въ колею и, хотя смѣха не было слышно, видъ у него былъ веселый. Помогая о. Иларіону распаковывать чемоданъ, онъ заранѣе былъ увѣренъ, что божеское рѣшеніе, которое сейчасъ скажется, не можетъ не совпадать ни съ здравымъ смысломъ, ни съ мнѣніемъ старца.

Взяли они икону, поставили на столикъ, написали двѣ записки, свернули записки въ трубочки и, положивъ передъ иконою, стали на молитву. И молились горячо и долго, не слыша ни звонковъ, ни остановокъ. Не замѣтили, какъ и ночь прошла и свѣтать стало.

Только когда поднялось солнце, о. Иларіонъ, положивъ послѣдніе три поклона, вынулъ записку. Молча прочиталъ ее, молча передалъ своему спутнику.

— Такова воля Божья, — сказалъ о. Иларіонъ твердо, но съ упавшимъ сердцемъ.

— Воля Божья,—повторилъ за нимъ сухими губами его убитый, опечаленный спутникъ.

И больше они не проронили ни слова.

Въ вагонѣ было душно и неуютно. И хоть бы окно раскрыть! А тамъ вмѣстѣ съ солнцемъ проснувшаяся и цвѣла, и ворковала лебединая стень, широкая—до самаго моря.

Совсѣмъ близко около Кіева, когда отобрали билеты и о. Иларіонъ поднялся, чтобы итти въ свой вагонъ, молодой

человѣкъ остановилъ его, прося исполнить просьбу: притти къ нему на свадьбу.

— Это послѣдняя къ вамъ просьба, батюшка, — сказалъ онъ, — непременно приходите, — и назвалъ старцу день, часъ и церковь.

Къ счастью оказалось, что день этотъ о. Иларіонъ проведетъ еще въ Кіевѣ, и онъ пообѣщаль.

Такъ они и разстались.

Ужъ навстрѣчу поѣзду выходили съ холмовъ старыя церкви, и поѣздъ, перейдя Днѣпръ, приближался къ вокзалу. О. Иларіонъ, простившись съ своими спутниками, вышелъ съ чемоданомъ на площадку. Среди встрѣчающихъ ему бросился въ глаза старикъ съ пожилою дамой, а съ ними барышня, они направлялись всѣ трое къ вагону перваго класса. И о. Иларіонъ сразу догадался, что это — отецъ, мать и невѣста его несчастнаго спутника. Барышня ему страшно не понравилась...

И снова упало сердце.

— Такова воля Божья.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Владыка милостиво принялъ о. Иларіона, а драгоцѣнному подарку просто не зналъ благодарности. Владыка обѣщаль непременно еще разъ побывать въ ихъ монастырѣ и уговариваль старца подольше остаться въ Лаврѣ, чтобы, пользуясь пребываніемъ старца, получить отъ него нѣкоторые совѣты, въ которыхъ очень нуждался.

Дни проходили незамѣтно.

О. Иларіонъ, ни разу до сей поры не бывавшій въ Кіевѣ, занятъ былъ посѣщеніемъ кіевскихъ святыхъ и осмотромъ древностей. Свободные часы проводилъ онъ у владыки. Но ни въ пещерахъ, ни въ Совѣтѣ у владыки,

въ примиренности и умиленіи своемъ передъ видѣннымъ благолѣпіемъ, завершавшимся звономъ печерскихъ колоколовъ и кievскими распѣвами, мысль о данномъ обѣщаніи дорожному спутнику своему не покидала его.

Наконецъ, подошла пятница — день назначенной свадьбы и послѣдній срокъ пребыванія о. Иларіона въ Кіевѣ. Онъ собирался было задержаться и еще нѣкоторое время, но изъ Москвы получены были письма, въ которыхъ его торопили; присутствіе старца въ монастырѣ оказывалось необходимымъ для рѣшенія какого-то неотложнаго дѣла.

Свадьба назначена была послѣ вечерни, а поѣздъ отходилъ поздно вечеромъ. Хотя промежутокъ времени былъ довольно большой, но о. Иларіонъ, опасаясь пропустить поѣздъ, задумалъ заранѣе взять билетъ.

Послѣ прощальнаго обѣда уладыки, когда зазвонили къ вечернѣ, о. Иларіонъ отправился на вокзалъ и, пробывъ тамъ въ виду встрѣтившихся препятствій долѣе, чѣмъ слѣдовало бы, заторопился взять извозчика.

Вечерни давно кончились, а гдѣ находится церковь, о. Иларіонъ не представлялъ себѣ и потому очень беспокоился. Когда же, наконецъ, пріѣхалъ онъ къ церкви и увидѣлъ множество экипажей, стоящихъ по обѣ стороны улицы, онъ еще больше забеспокоился: ясно было, что свадьба уже началась. А когда вошелъ онъ въ церковь, тутъ ужъ отъ досады чуть не заплакалъ: посреди церкви стоялъ гробъ.

Ни минуты не медля, о. Иларіонъ поспѣшилъ назадъ и, насилу отыскавъ своего извозчика, сказалъ ему съ упрекомъ:

— Не туда ты меня привезъ, ужъ не брался бы лучше!

— Да вы, батюшка, сказали въ Кирилловскую, я васъ и привезъ въ Кирилловскую.

— Навѣрное, двѣ церкви Кирилловскихъ!—о. Иларіонъ, не дожидаясь отвѣта, занесъ было ногу въ пролетку, — вези скорѣе въ другую.

— Въ какую же другую, батюшка, всего только одна я есть на весь Кіевъ, а другой никакой нѣтъ.

— Ты ничего не знаешь!—о. Иларіонъ стоялъ на своемъ.

— Такъ спросите кого другого, одно и то же скажутъ,—огрызнулся извозчикъ,—и не такихъ возилъ!

О. Иларіонъ вернулся въ церковь и, еще разъ убѣдившись, что въ церкви не свадьба, а покойникъ, направился къ церковному ящику: тутъ, думалъ онъ, дадутъ ему самыя точныя справки.

— Это Кирилловская церковь? — спросилъ онъ старосту.

— Кирилловская.

— А еще есть Кирилловская?

— Одна Кирилловская.

— А гдѣ-нибудь на окраинѣ или по другому называется?..

Но староста, занятый счетомъ денегъ и, видимо, не желая продолжать праздный разговоръ, только покачалъ головою.

Ничего другого не оставалось, какъ уйти. Но куда? Искать несуществующую церковь по меньшей мѣрѣ странно, да если и допустить, что по какой-либо случайности—мало ли что бываетъ—такая церковь и оказалась бы, то все равно ужъ поздно: время пропущено, и никакой свадьбы онъ не застанетъ. Можетъ быть, онъ перепуталъ названіе или день или время? Да нѣтъ, память ему не измѣняетъ, онъ хорошо помнитъ: Кирилловская, пятница, пять. И зачѣмъ понадобилось ему на вокзалъ тащиться? Успѣлъ бы еще тысячу разъ, и билетовъ сколько угодно. Пошелъ бы къ вечернѣ, все разузналъ бы толкомъ...

— Кирилловская, пятница, пять, — повторялъ машинально о. Иларіонъ, проталкиваясь къ выходу. Не досада,

горечь заливала его сердце: онъ не сдержалъ своего слова, не исполнилъ обѣщанія.

Народу было полная церковь, и почему-то не стояли на мѣстѣ, а все двигались по разнымъ концамъ, какъ у праздника, когда прикладываются. Тѣснѣйшій со всѣхъ сторонъ, уже достигнувъ паперти, о. Иларіонъ какъ-то помимо своей воли очутился въ круговоротѣ и понесенъ былъ волною назадъ, какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ гробъ.

„И что это за порядокъ хоронить послѣ вечерни, нигдѣ такого обычая нѣтъ! И что если тотъ человѣкъ просто подшутилъ надъ нимъ?“

— Кирилловская, пятница, пять.

О. Иларіонъ на минуту пріостановился, и вдругъ словно холодною водою плеснули ему въ лицо. Вскинувъ глаза, старецъ застоналъ; просто невѣроятнымъ было то, что онъ увидѣлъ.

Онъ находился въ парадной толпѣ расфранченныхъ дамъ и мужчинъ, никакого гроба не было, а тамъ, гдѣ раньше видѣлся ему гробъ, стояли теперь молодые: женихъ—его снутникъ, невѣста—та барышня, которую въ день своего пріѣзда онъ замѣтилъ на вокзалѣ. Кончалось вѣнчаніе.

Присутствіе монаха само собою обратило на себя вниманіе. И не только оно, а также и скорѣе видъ о. Иларіона и поведеніе его давало пищу толкамъ.

А вель себя о. Иларіонъ странно. То начиналъ онъ молиться и лежалъ распростертый ницъ, то гордо подымалъ голову, словно вызывая кого-то и крѣпко что-то оспаривая, то испуганно озирался и вертѣлъ головою, желая что-то сбросить съ себя, то опять дерзко сжималъ кулаки, то унижено сгибался весь, словно просилъ отдать, ему что-то, что насильно взяли у него и не хотятъ отдать, то застывалъ на мѣстѣ и стоялъ, какъ столпъ, съ остановившимся

взглядомъ челоуѣка, пораженнаго какою-то отчаянною мыслю, и потомъ рукою показывалъ, словно объясняя кому-то, что былъ онъ вотъ какой, а теперь—нищій, и просилъ подать Христа ради.

О. Иларіонъ видѣлъ одно: бракъ, на которомъ онъ присутствуетъ, заключенъ противно всякому здравому смыслу, но по указанію Божьему, и по указанію Божьему, а это вѣдь только что открылось ему, станетъ не жизнью, а гробомъ. И видя только это одно, не могъ онъ понять и все спрашивалъ: какой же смыслъ этого гроба—человѣческихъ страданій? зачѣмъ челоуѣкъ обрекался на страданія? кому и для чего понадобились эти страданія? Вотъ онъ, старый, прожившій много лѣтъ въ монастырѣ, сиасалъ себя и спасалъ другихъ, но онъ не помнитъ, забылъ, какъ спасалъ и какъ спасался. а забылъ потому, что прежде понималъ, а теперь не можетъ понять, какой смыслъ страданій его и тѣхъ людей, которые приходили къ нему, и зачѣмъ и кому и для чего страданія всѣхъ этихъ жалкихъ плодящихся, какъ моль, ничтожныхъ жизней? Передъ нимъ проходили жизни, Боже мой, какія калѣбчныя! — и онъ не видѣлъ имъ оправданія и просилъ, не умѣя отвѣтить, подать ему отвѣтъ, ну хотя бы какъ милостыню, ради Христа.

— Не сына ли его и не дочь ли его вѣнчаютъ?

— Нѣтъ, это его любовница.

— Тоже монахъ, а пьяный: ишь какъ назюзюкался!

— Блаженный, поди!

— Представляется: знаетъ, купцы, купцы любятъ.

Многое еще говорилось и все, какъ самое достовѣрное. И одни жалѣли его, другіе ругали и насмѣхались надъ нимъ, третьи—этимъ все равно: некогда было.

Молодые приложились къ образамъ, отошелъ молебенъ, и весь народъ хлынулъ къ паперти.

Поздравивъ новобрачныхъ, о. Иларіонъ вышелъ.

Онъ шелъ по незнакомымъ улицамъ, какъ-то чудно

размахивая руками, будто не монахъ, а спѣшайцѣй по шутковскому дѣлу наряженный въ монашеское платье простой мірянинъ, скоморохъ. А спѣшилъ онъ не въ Лавру, не за тѣмъ, чтобы проститься, и не на вокзалъ, чтобы ѣхать въ Москву въ свой монастырь, онъ никуда не спѣшилъ.

Далеко ужъ отъ церкви нагналъ его извозчикъ:

— Эй, батюшка, а что же вы деньги-то?

О. Иларіонъ молча отдалъ весь кошелекъ, все, что у него было.

„Рехнулся!“—подумалъ извозчикъ и, посмотрѣвъ вслѣдъ удалявшемуся странному сѣдоку, сказалъ:

— Придурай! — хлеснулъ лошадь и поскакалъ къ трактиру.

Весь вечеръ и ночь, ходилъ о. Иларіонъ по улицамъ, исшагалъ городъ вдоль и поперекъ изъ конца въ конецъ, не останавливаясь и не оглядываясь. А на разсвѣтѣ дня, выйдя за городъ на дорогу, нагналъ онъ какого-то, не то странника, не то бродягу.

— Куда идешь?—спросилъ онъ странника.

— Куда глаза глядятъ,— отвѣтилъ странникъ.

И о. Иларіонъ пошелъ за нимъ. И степь закрыла ихъ.

1908 г.

Ж Е Р Т В А.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вотъ ужъ по совѣсти всякій, кто бывалъ въ Благодатномъ, не покривить душой, помянувъ добромъ старое Бородинское гнѣздо. И не въ насмѣшку съ испоконъ вѣковъ дано ему такое прозвище, лучшаго, сколько ни мудри, не придумаешь, и хоть никакого винограда въ садахъ его не цвѣло и не зрѣло и райскія птицы не пѣли, а ужъ, какъ есть,—ну благодатное: сама благодать Божья разливалась по его доброй землѣ.

Старый съ колоннами домъ, кленовая аллея, фруктовъ садъ, поля, лѣсъ, скоть, люди—все Благодатненское приводило въ восхищеніе не только сосѣдей, но и любого наѣзжавшаго съ другихъ краевъ и по дѣлу и такъ себѣ, да того же фыркающаго подстриженнаго петербуржца и растрепаннаго избалованнаго москвича.

Домъ полная чаша, ладъ и порядокъ. Ей Богу, пчелѣ на зависть!

Самъ Бородинъ, Петръ Николаевичъ, извѣстный чудакъ и такой балагуръ — поискать да мало: гдѣ бъ онъ ни появился, въ любомъ обществѣ и когда угодно, стоило ему раскрыть ротъ и ужъ хохотъ не умолкалъ. Хохотали знакомые и незнакомые. Безразлично.

А странно было лицо этого совсѣмъ сѣдого, ничуть не

ѣняющагося балагура. Шли годы, перевалило ему за сорокъ, а одно и то же выраженіе, словно отпечатанное разъ навсегда, лежало на его неподвижныхъ застывшихъ чертахъ. И странно, когда, надрывая животъ, всякій со смѣха покатывался по полу, лицо мертвенно-блѣдное чудака оставалось спокойнымъ—ни улыбки, ни смѣха, только жуткія блески во вналыхъ остановившихся глазахъ. И не менѣе странно, что рѣчь его, сбившая все и всѣхъ съ панталыку, отдавала какимъ-то механизмомъ, какъ у говорящей куклы, и когда кто-то попробовалъ записать эту рѣчь, то на бумагѣ вышли самыя простыя ходовыя слова и ужъ совсѣмъ не смѣшныя.

И, несмотря на такой, казалось бы, неподходящій видъ Петра Николаевича Бородина и неумѣтность какихъ-либо шутокъ, никому въ голову не приходило спросить себя: въ чемъ же тутъ секретъ и отчего бываетъ такъ смѣшно и весело? Только рѣдкій любитель отгадывать загадки,—такой всегда найдется,—зарвавшись пытался давать объясненія, мѣтя, какъ это водится, не въ бровь, а въ самый глазъ: тутъ и игра фізіономіи, и искусная мимика, и необыкновенно смѣхотворный складъ рѣчи, и необыкновенно острый взглядъ—ясно, явно, понятно. Къ счастью, всѣ подобныя, набившія оскомину объясненія шли куда-то въ прорву: никто ничего не хотѣлъ спрашивать да и незачѣмъ было. Смѣшно, весело—чего еще?

Истръ Николаевичъ нигдѣ не служилъ и никакими общественными дѣлами не занимался. Одно время выбрали его уѣзднымъ предводителемъ. Это памятное Бородинское предводительство скоро всякому вотъ гдѣ стало! Не оттого, что бы тамъ плохо было или непріятность какую отъ него видѣли, совсѣмъ напротивъ. Веселѣе года не запомнятъ: всѣ дѣла были обращены въ какую-то потѣху, въ одинъ сплошной смѣхъ и умору, но въ результатъ такая вышла путаница, такія всплыли несурзности и еще, Богъ знаетъ, что—

не расхлебашь. И, не знай Петра Николаевича, чего добраго могли-бы въ лучшемъ случаѣ заподозрить, что онъ не въ своемъ умѣ, да такъ, кажется, въ Петербургѣ кто-то и выразился не то въ гостиной, не то на докладѣ. Только счастьемъ все окончилось благополучно.

Живой человѣкъ не безъ странностей, у всякаго своя повадка. Ну и Петръ Николаевичъ не исключеніе.

Петръ Николаевичъ до страсти любилъ все прибирать къ мѣсту, притомъ такъ все хитро дѣлалъ, что послѣ найти прибранную вещь черезчуръ мудрено было, а то и совѣмъ невозможно: много вещей пропало и очень нужныхъ. Затѣмъ онъ любилъ наводить порядокъ, передвигая съ мѣста на мѣсто столы, стулья, этажерки, перевѣшивая картины, переставляя въ библиотекѣ книги, въ чемъ собственно и заключались его постоянныя занятія съ утра и до обѣда ежедневно. За обѣдомъ, предпочитая кушанья сладкія, какъ потроха, мозги, ножки, и, не зная мѣры, онъ частенько объѣдался и потому вѣчно жаловался на животъ. Любилъ онъ топить печи—все зябъ—и съ длинною кочергой расхаживалъ обыкновенно отъ печки до печки, помѣшивая жаръ. Любилъ онъ поговорить съ прислугой и мужиками и, хотя разговоръ всегда начинался словно бы и о дѣлахъ, но въ концѣ концовъ выходила одна чепуха, что влекло за собою очень нежелательныя для общаго порядка грустныя послѣдствія: Петра Николаевича не только никто не боялся, но—что ужъ таить!—вѣры ему не было. Кромѣ того, дуря и чудя, онъ обѣщаль прямо-таки неисполнимыя вещи: всѣмъ и каждому онъ дарилъ свою землю, правда, мѣру не очень крупную—три шага въ длину и шагъ въ ширину—такой шутовской кусокъ. Что еще? Да... у него была страсть рѣзать куръ и рѣзаль онъ куръ не хуже заправскаго повара: птица у него съ перерѣзаннымъ горломъ не хлопала крыльями и не бѣгала безголовая, какъ это часто бываетъ при нелегкой рукѣ. И еще онъ любилъ посмотреть на покойника, и чѣмъ

отвратительнѣе было лицо мертваго, чѣмъ сильнѣе чувствовалось разложеніе, тѣмъ находилъ онъ покойника привлекательнѣе. Всякій разъ, когда на селѣ умирали, батюшка о. Иванъ давалъ знать Бородинымъ, тотчасъ закладывался экипажъ и Петръ Николаевичъ, все бросивъ, летѣлъ къ тому мѣсту или въ тотъ домъ, гдѣ случался покойникъ.

Такого рода страсти, какъ выражалась Александра Павловна, труня подъ веселую руку надъ своимъ избалованнымъ мужемъ, въ которомъ, кстати сказать, души не чаяла, страсти Петра Николаевича касались въ дѣйствительности такихъ чисто домашнихъ подробностей, что упоминать о нихъ представлялось бы совсѣмъ излишнимъ, если бы не припутался сюда одинъ вздорный слухъ, задѣвающій честь и репутацію всего Благодатнаго.

Года два назадъ въ Благодатное заѣхалъ одинъ старый пріятель Петра Николаевича, тоже бывший петербургскій лицеистъ, не выдавшійся съ своимъ другомъ съ самаго Петербурга. Причина появленія такого гостя такъ и осталась невыясненной; у него никто не спрашивалъ, а его камердинеръ толковалъ въ лакейской очень сбивчиво,—не то генераль былъ посланъ усмирять, не то дѣлить землю. Впрочемъ, все это не такъ ужъ важно: развѣ не могъ старый пріятель пріѣхать просто изъ любопытства?

Гость былъ принятъ радушно. Встрѣтила его Александра Павловна, сожалѣвшая, что въ Благодатномъ не всѣ въ сборѣ—дѣти разъѣхались, и что ему будетъ скучно. Но гость былъ такъ веселъ, много рассказывалъ о Петрѣ Николаевичѣ, о той тѣсной дружбѣ, какой они были связаны въ Петербургѣ въ ранней молодости, и кажется, ни въ какомъ обществѣ не нуждался, съ нетерпѣніемъ ожидая своего друга. Петръ Николаевичъ, какъ на грѣхъ, съ утра пронадалъ гдѣ-то на деревнѣ у какого-то покойника и только поздно вечеромъ вернулся домой. Друзья встрѣтились. Но тутъ произошло что-то неладное. Видно было, что гость потрясенъ.

иснуганъ, что у него поджилки трясутся. Или не узналъ онъ своего друга,—или и узналъ, но нашелъ такую пере-мѣну, что голова пошла кругомъ,—или замѣтилъ въ лицѣ, въ поступи и въ рѣчи стараго своего пріятеля что-нибудь совсѣмъ для себя неожиданное, невѣроятное, невозможное,—въ чемъ же дѣло?—А кто жъ его знаетъ!—Гость отступилъ на шагъ и, замахавъ руками, вдругъ лишился чувствъ.

Молчаливый и печальный, подозрительно озираясь и под-дакивая на все, что бы ни говорилось, и съ той жалкою улыбкой, какою улыбаются люди, попавшіе нечаянно, негаданно въ самые обыкновенные житейскіе тиски, которые всякую минуту могутъ смять тебя въ лепешку, гость прожилъ съ не-дѣлю и въ одно прекрасное утро, лопоча какую-то ерунду и показывая какія-то бумаги вверхъ ногами, остервенѣлый, чуть ли не въ одномъ бѣльѣ и безъ багажа, усакалъ изъ Благодатнаго. А вскорѣ послѣ его отъѣзда и пошли суды и пересуды и въ городъ и среди сосѣдей.

Говорилось, что ничего особеннаго въ Благодатномъ нѣтъ, что Бородинскій прославленный домъ, какъ домъ, да, пожалуй, даже съ изъяномъ—одна половина очень замѣтно заново передѣлана послѣ пожара; ну и садъ, какъ садъ старый, тѣнистый—правда, но такихъ садовъ, если поѣз-дить по Россіи, сколько хочешь; поля, лѣсъ—что говорить—поля просторны, лѣсъ хорошій, да тоже не какая-нибудь невидаль; а люди—даже совсѣмъ дрянъ: бѣдность, земли мало, то переселялись, то опять вернулись, а во время без-порядковъ, если домъ не сожгли и лошадамъ глаза не по-выкололи, какъ это сдѣлали у сосѣда Безсонова, то все-таки поговаривали и о томъ, чтобы домъ сжечь, добро истребить да отобрать Бородинскую землю. Что же касается Петра Николаевича, то, перечисляя всѣ его странности, несли такую крещенскую белиберду, что просто повторять совѣстно. И въ концѣ концовъ заказывалось другу и не-

другу даже въ самой крайной нуждѣ бывать въ Благодатномъ: мѣсто нечисто.

Кто-то изъ добрыхъ друзей совѣтовалъ Александрѣ Павловнѣ жаловаться губернатору, но она и слышать не хотѣла. Въ всѣхъ слухахъ, на ея взглядъ, правды ни капли не было да и не стоило исторію подымать. Въ самомъ дѣлѣ, мало ли что какой-нибудь подозрительный съ своего подозрительнаго ума не сочинитъ и не выдумаетъ — ему бы только валить съ больной головы на здоровую! Да при томъ же и разговоры какъ-то само собою прекратились — все-таки люди не такъ глупы, какъ кажутся.

И у всѣхъ одно осталось въ памяти: Благодатное — рай земной, семья Бородиныхъ — примѣрная, Петръ Николаевичъ — извѣстный чудакъ и такой балагуръ, поискать да мало.

Глава дома — Александра Павловна Бородина. Ея бдительному глазу приписывались порядокъ и обиліе Благодатненскаго хозяйства. Твердаго характера, скупая на слова, умѣла Александра Павловна держать всѣхъ въ струнку и не потакать. Ея боялись и слову ея вѣрили. Замужъ она вышла рано, по любви, и съ перваго же года замужества пошли дѣти: сынъ и три дочери, всѣ погодки. Жизнь Александры Павловны проходила въ заботахъ и дѣлахъ, которыхъ съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ подрастали дѣти и отношенія хозяйственныя путались и усложнялись, все прибывало, и такъ получалось, что заботъ не оберешься и всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь. Но она готова была взвалить себѣ на плечи какую угодно тяжесть, лишь бы хорошо было мужу и дѣтямъ. И никто не жаловался — ни мужъ, ни дѣти.

Вечерами, счастливая и веселая, она садилась за рояль: сильные пальцы ея, увѣренно касаясь клавишей, вызывали большой праздничный звукъ — силою и радостью наполнялись высокія комнаты.

И съ какою завистью подсмотрѣлъ бы отчаянный бродяга изъ тьмы своего бездомнаго бѣлаго свѣта въ освѣщенное окно на нее, довольную своимъ кровомъ, и какимъ проклятиемъ проклялъ бы свою судьбу неудачникъ, случайно встрѣтивъ ея счастливый взглядъ, и съ какою покорностью и вѣрой, слышавъ ея голосъ, пошелъ бы за ней тотъ, кто зоветъ себѣ поводыря!

Контръ-адмиралъ Ахматовъ, чье сужденіе, по мѣткости своей, облетало все безъ исключенія усадьбы и повторялось городскими щеголями, крестный отецъ младшей Сони, называлъ Александру Павловну оболъстительною брюнеткой. И, какъ всегда, былъ правъ. И кто бы могъ повѣрить, что эта оболъстительная брюнетка, сумѣвшая устроить домъ и жизнь дома—тихий, согласный очагъ, почувствовала себя однажды самой несчастною изъ людей. Правда, съ тѣхъ поръ утекло много воды, удача и счастье стерли всякую память, а въ душѣ ея осталась только радость, только одна увѣренность въ себѣ и въ своихъ силахъ. Пятнадцать лѣтъ назадъ, въ годъ рожденія Сони, Благодатное вдругъ очутилось на волоскѣ отъ гибели—домъ чуть было не сгорѣлъ, Петръ Николаевичъ чуть было не умеръ, и всехъ спасла Александра Павловна.

Осенью въ зимніе мѣсяцы, когда разъѣзжались дѣти, Александра Павловна проводила время только съ мужемъ. Она смотрѣла на него такъ, какъ двадцать лѣтъ назадъ, съ тою же любовью и нѣжностью, и видѣла его такимъ, какъ былъ онъ двадцать лѣтъ назадъ, влюбленнымъ, и складка, явственно означавшаяся между ея темныхъ бровей, сглаживалась. А онъ, высохшій, длинный, какъ жердь, сѣдой, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, уставясь своими неподвижными въ жуткихъ блестящихъ глазахъ, стоялъ передъ нею, оскаливъ зубы.

— Я тоски не знаю,—повторялъ онъ въ тысячный

разъ, — мнѣ легко! — а въ голосѣ слышалось: „мнѣ все равно, мнѣ ничего не надо“.

Но она не слышала этихъ жуткихъ словъ, они звучали ей, какъ тѣ, тогда подъ первый поцѣлуй, и она, слѣзная отъ любви, отвѣчала ему страстью сохранившейся женщины.

Ой, какъ хоталъ бы подглядѣвшій въ такія минуты черезъ окно надъ этой уморительной, сумасбродною сценой. Но, кто знаетъ, возможно, что, и не пикнувъ, лишился бы чувствъ, какъ тотъ гость генераль—старый другъ Петра Николаевича.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ Благодатномъ готовилось большое событіе. На Матрени зимнюю назначена была свадьба старшей дочери Лизы, окончившей весною институтъ. Женихъ былъ извѣстный крупный помѣщикъ Рамейковъ. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ этой свадьбы. Рассказывали, что пиръ выйдетъ на славу и что Петръ Николаевичъ перерѣзалъ чуть ли не всѣхъ куръ!

Благодатное принимало торжественный видъ. Гости съѣзжались загодя, и не мало очень почтенныхъ лицъ прямо обезживотѣли въ обществѣ Петра Николаевича, который казался особенно въ ударѣ на росказни и зубо-скальство. Александра Павловна сбилась съ ногъ. Все надо было приготовить. Рукъ не хватало.

Наконецъ, собралась вся семья: изъ Петербурга пріѣхалъ старшій сынъ Миша—студентъ-первокурсникъ, изъ Кіева вторая дочь, институтка Зина, и гимназистка Соня изъ губернскаго города. Наступала важная минута. И, надо отдать справедливость, свадьба вышла веселая. Конечно, не обошлось безъ шутовства. Благословляя образомъ передъ вѣнчаньемъ, Петръ Николаевичъ, видимо, собирался сказать

напутствіе, но послѣ довольно томительнаго молчанія ограничился краткимъ и весьма непечатнымъ пожеланіемъ въ одно слово и отъ этого крѣпкаго слова женихъ едва поднялся на ноги—смѣхъ буквально душилъ всякаго. Въ церкви Петръ Николаевичъ шепнулъ батюшкѣ, о. Ивану, что во снѣ яйца въ ямѣ видѣлъ, и хотя о. Иванъ не могъ не знать дурнаго значенія сна, но тогда показалось ему все въ высшей степени несообразнымъ. И такъ всѣ были настроены, что о. Иванъ не выдержалъ и, оборвавъ молитву, фыркнулъ на всю церковь, а за нимъ дьячекъ, державшій теплоту, заржалъ ужъ безъ всякаго стѣсненія и—пошло; не то вѣнчали, не то гоготали, какъ въ балаганѣ.

Послѣ свадебнаго ужина молодые уѣхали въ Москву. Но въ Благодатномъ веселье продолжалось. Весь постъ прошелъ какъ-то не по постному. А на святкахъ молодежь затѣяла спектакль, рядились, ряжеными ѣздили по сосѣдямъ. На пруду сдѣланъ былъ катокъ и горка. Тутъ на каткѣ устраивались отчаянныя состязанія.

Миша Бородинъ считался первымъ конькобѣжцемъ. И дѣйствительно, стройный и необыкновенно глбкій, съ паразитальною ловкостью и искусствомъ онъ продѣлывалъ головоломныя фигуры. Не отставала и Соня, дѣвочка быстрая—огонекъ, а ея звонкій смѣхъ разливался заразительно звонко въ Крещенскія звѣздныя ночи. Любо было смотрѣть на эту пару, когда объ руку они бѣжали съ горки до дальнихъ вербъ. Этого нельзя сказать о Зинѣ: Зина имѣла больше сходства съ Лизой и, какъ Лиза, была сдержана и молчалива, пожалуй, даже застѣнчива, но не безъ характера. „Въ мать дѣти пошли“,—отзывались тетушки и дядюшки и старые знакомые, хорошо знавшіе Александру Павловну.

Подходило Крещенье. Товарищи Миши и подруги дѣвочекъ стали разъѣзжаться. И Бородинымъ ужъ пора была готовиться въ путь, но въ деревнѣ было такъ хорошо, что объ отъѣздѣ не хотѣлось и думать.

Подъ Крещенье Миша и Соня, когда зажглась Бого-
явленская звѣзда, выбѣжали на катокъ, гдѣ проводили они
послѣднія свои вечера. Ночь выдалась свѣтлая, вся усыпалась
звѣздами и морозъ ударялъ такъ, что ледъ трескалъ, моро-
зами щипало щеки. Но они рады были хоть всю ночь бѣгать,

Набѣгавшись, рѣшили прокатиться въ поле. Миша
взялся править. Но только что выѣхали они изъ воротъ,
лошади понесли. Миша, вылетѣвъ изъ саней, ударился голо-
вою о заборъ, Соня упала въ снѣгъ. На крикъ сбѣжались.
Мишу подняли и отнесли въ домъ. Бросились за докторами.
Къ утру Миша померъ. Вотъ было горе.

Въ день похоронъ вечеромъ, когда въ домѣ было осо-
бенно пусто и всѣхъ одолѣвало то тягостное утомленіе, отъ
котораго и дѣло изъ рукъ валится и мѣста себѣ не нахо-
дишь, въ Благодатное съ нарочнымъ получила телеграмма
отъ Рамейковыхъ: Александра Павловна вызывалась немед-
ленно въ Москву.

Въ ту же ночь Александра Павловна уѣхала.

Зина и Соня были въ большой тревогѣ. Петръ Нико-
лаевичъ напротивъ: онъ попрежнему, какъ ни въ чемъ не
бывало, продолжалъ свой образъ жизни. Разница была развѣ
въ томъ, что куръ рѣзалось больше. Но это объяснялось
тѣмъ, что Зина, простудившись на похоронахъ, все недо-
могала и ее надо было держать на діетѣ. Да еще—ну это
чужачество!—къ обѣду велѣно было подавать большущій
бычачій языкъ.

Наконецъ, изъ Москвы пришло извѣстіе: Лиза умерла.
Вотъ было горе.

Второго покойника опустили въ Бородинскій склепъ,
а въ домѣ стало ужъ такъ пусто и ужъ такъ тягостно,—
Александра Павловна бродила, какъ тѣнь.

Она не могла простить себѣ, что такъ легко согласи-
лась на этотъ бракъ, когда знала всегда Рамейкова за чело-
вѣка легкомысленнаго и даже подлаго, да, подлаго—почему

не отговорила Лизу? Вѣдь Лиза ее послушала бы. Да, она сумѣла бы убѣдить Лизу, она знала много самыхъ отвратительныхъ, самыхъ постыдныхъ фактовъ, о которыхъ шептались посторонніе даже у нихъ въ домѣ въ день свадьбы.

Но теперь было ужь поздно: и простишь ты себѣ или не простишь—дѣлу не помочь. Александра Павловна чуть не кричала.

Петръ Николаевичъ выглядѣлъ нѣсколько утомленнымъ, но едва ли причиною былъ самъ по себѣ фактъ смерти. Смерть сына, какъ и смерть дочери, вызвали въ немъ то обычное для него чувство любопытства, какое онъ испытывалъ вообще къ покойникамъ и не къ такимъ, а къ совершенно ему неизвѣстнымъ. Утомленіе сказывалось скорѣе отъ безсонной ночи. Гробъ привезенъ былъ въ Благодатное закрытымъ, но онъ настоялъ, чтобы гробъ вскрыли, и, когда сняли крышку, онъ ужь самъ открылъ лицо дочери и простоялъ надъ нею, не отрывая глазъ, ночь.

Теперь въ своемъ зеленомъ бутылочнаго цвѣта халатѣ Петръ Николаевичъ дремалъ въ креслѣ.

Такъ прошла ночь послѣ похоронъ.

Состояніе Зины между тѣмъ ухудшалось. Она слегла. Вызванные доктора сказали, что у нея что-то въ родѣ дифтерита. И все Благодатное затаилось, дожидаясь рокового кризиса. Кризисъ наступилъ. Созвали консилиумъ. Безнадежно.

Въ домѣ заведенъ былъ строгій порядокъ, и обычно, когда съѣзжались дѣти, этотъ порядокъ поддерживался ими съ ихъ ранняго дѣтства: такъ Лиза ухаживала за цвѣтами, Зина кормила попугая. Теперь за цвѣтами ухаживалъ старый камердинеръ Михай, а попугай кричалъ отъ голода.

И видно было, Зина все помнила и ее это мучило и еще мучило ее то, что, больная, лежа ужь недѣлю въ кровати, она нарушаетъ какой-то порядокъ и лучше было бы, если бы отвезли ее въ городъ, но сказать объ этомъ она не могла, ее душило.

Изъ послѣднихъ силъ знаками Зина попросила Союю дать ей бумагу и карандашъ и слабою рукой написала одно слово, по пугай, — карандашъ выпалъ изъ рукъ. И она умерла. Вотъ было горе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Третій бородинскій гробъ унесли изъ дому.

Въ церкви на отгѣваніи, прощаясь съ дочерью и въ послѣдній разъ глянувъ на это покорное, обреченное лицо съ плотно сжатыми, какъ сталь, синими вѣками, и запекшимися измученными губами, Александра Павловна вдругъ все вспомнила и не то недавнее счастливое, а то прошлое, тайное, что никогда не вспоминалось ей столько лѣтъ. И заплакала она крѣпко и ужъ старою старухой, сгорбившись, пошла прочь отъ гроба.

„Развѣ я думала, что придется такихъ хоронить?“ — плакала она, тряся головою.

А вмѣсто утѣшенія, совѣсть, еще больше горбя и борздя ей морщинами лицо, говорила ей, что некого винить, нѣтъ другого виновнаго, кромѣ нея, все сама, и одна, она одна виновата кругомъ.

Соня весь день не отходила отъ матери, жалась къ ней и пробовала утѣшать, и плакала, и большими глазами смотрѣла — страшно становилось за перепуганную дѣвочку.

— Мама, что ты говоришь?! — спрашивала она, пугаясь своего голоса.

И мать рассказала ей о томъ прошломъ и тайномъ, что никогда не вспоминалось ей столько лѣтъ.

Пятнадцать лѣтъ назадъ, когда Сонѣ былъ годъ, Александра Павловна взяла дѣтей и поѣхала къ своей матери — первый разъ выѣхала она изъ Благодатнаго, оставивъ домъ и мужа. И вотъ приснился ей сонъ, будто мужъ ея въ

алтарь входитъ. Страшно ей стало: не заболѣлъ ли мужъ. не умеръ-ли? На другую ночь опять сонъ снится: сломалось обручальное кольцо. И опять стало страшно: мужъ умереть, И стала она домой собираться.

— Собралась, ѣду, — рассказывала Александра Павловна, — а сама, не переставая, Богу молюсь, все молюсь Богу если, говорю, ужъ суждено горю, такъ сдѣлай такъ, пускай Миша умретъ, Лиза умретъ, Зина умретъ, только бы онъ живъ остался. Что жъ, думала тогда, маленькіе еще ничего, только бы онъ живъ остался. Про тебя я молчала, не могла. Приѣзжаю домой. Оказывается, въ домѣ пожаръ былъ, а Петръ Николаевичъ при смерти лежалъ. Богъ услышалъ молитву: спасъ и домъ и отца. А теперь... Миша умеръ, Лиза умерла, Зина умерла. Развѣ я думала, что придется такихъ хоронить?

Александра Павловна мучилась, не отпускала отъ себя Соню.

Петръ Николаевичъ казался озабоченнымъ и растеряннымъ. Какая-то мысль точила его и беспокоила. Дѣлать то, что онъ дѣлалъ изо-дня въ день, онъ уже не могъ. Вечеромъ онъ пробовалъ было передвинуть для порядка шкапъ въ столовой, — отодвинуть-то отодвинулъ, но такъ и бросилъ его стоять на тычкѣ. Схватился за кочергу, но и съ печами дѣло не пошло. Нѣсколько разъ заходилъ Петръ Николаевичъ въ спальню къ Александрѣ Павловнѣ и Сонѣ, присаживался на кончикъ кровати и вдругъ подымался, оставляя убитыхъ горемъ жену и дочь.

— Всѣ потерялись, Миша, Лиза, Зина и Соня, и всѣ нашлись, одной Сони нѣтъ, — бессмысленно и жутко бормоталъ онъ, неизвѣстно къ кому обращаясь, не то къ Михею, не то къ печнику Кузьмѣ, не то къ экономкѣ Дарьѣ Ивановнѣ, замѣнявшей по хозяйству Александру Павловну.

Только поздно ночью Петръ Николаевичъ утомился

и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Камердинеръ Михей, какъ старый дядька, не оставлялъ его ни на минуту.

Тревожно и жутко было въ домѣ, все углы стали холодными. Куда все дѣвалось? Гдѣ миръ, смѣхъ и счастье? Три гроба—три смерти морозомъ заледенили теплый огонекъ бородинскаго очага.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Совершившіяся за какой-нибудь мѣсяць событія—эта Бородинская исторія со смертями тотчасъ была поднята на языкъ.

— Тутъ положительно дѣло нечисто!—такъ заговорили не только въ сосѣдней Чернянкѣ и не въ сосѣдней Костомаровкѣ, но и въ Британахъ и даже въ Моговиловкѣ и, конечно, повсюду въ городѣ.

Какъ, что, почему?—И давай --и пошло.

Всю жизнь Благодатненскую вверхъ дномъ перевернули, по косточкамъ перебрали и бабушекъ и тетушекъ Бородинскихъ и то, чего никогда не было, и то, что было, но всеѣмъ не съ Бородиными, а, скажемъ, ну съ Муромцевыми. Все на свѣтъ Божій вывели—глядите, господа, и судите, намъ-то все ужъ давно извѣстно!

Ухватились почему-то за того таинственнаго гостя—генерала-друга Петра Николаевича, который, Богъ знаетъ, отчего сбѣжалъ тогда изъ Благодатнаго. И сразу же все рѣшили, что этотъ самый генералъ все знаетъ и стоитъ только допросить его и станетъ все ясно, какъ на ладони. Но гдѣ его достанешь? Туда—сюда. Руки опускаются.

Кто-то сказалъ:

— Перевердеева весь Петербургъ знаетъ.

— Стало быть, онъ въ Петербургѣ?

— Конечно!

Срочно былъ посланъ отъ губернатора запросъ въ Петербургъ. Чуть-ли не въ тотъ же самый день получилась справка. Доносилось, что генераловъ въ Петербургѣ сколько угодно, и есть съ такими фамиліями, что даже не совѣмъ ловко въ дамскомъ обществѣ представляться, но Перевердеева никакого нѣтъ. Можетъ быть, Переверзевъ?

И пока снова наводили справки о какомъ-то Переверзевѣ, судили и рядили вкривь и вкось, кто-то желѣзный, не спрашиваясь, никому не отдавая отчета, увѣренно совершала свое вѣрное дѣло, кто-то безопадный семимильными шагами изъ дальне-далека шелъ творить судъ и расправу по-своему.

Безъ Александры Павловны ничего не клеилось, и она черезъ силу, отрываясь отъ своихъ тяжелыхъ думъ, входила въ мелочи жизни. Она считала себя не вправѣ бросить на произволъ судьбы домъ, мужа и дочь,—мужа, изъ любви къ которому она принесла такую огромную жертву, дочь, изъ любви къ которой она пожертвовала бы сейчасъ всею своимъ покоемъ.

И не ошиблась ли она, когда, молясь, отдавала въ жертву троихъ старшихъ, а Сою забыла? И не забыла Сою, а нарочно не помянула? Зачѣмъ она тогда не помянула Сою? Все бы уцѣлѣли. А что если бы все четверо умерли? Но этого не могло быть: вѣдь она бы все отдала, а кто отдастъ все... Зачѣмъ она тогда не отдала всѣхъ? Вотъ вопросъ, который сверлилъ ее и не отнускалъ.

А ну, какъ и Соня умретъ? Она же вотъ сказала сейчасъ, что отдаетъ все, а стало быть, и Сою? Вотъ вопросъ, отъ котораго, какъ помѣшанная, металась она, боясь думать.

— Соня, Соня, гдѣ ты?—спохватывалась Александра Павловна, ища дочь, которая не отходила отъ матери.

Къ мукамъ за себя, за свой поступокъ, къ мукамъ за единственную дочь присоединялось безпокойство о любимомъ мужѣ, жизнь котораго держалась на трехъ дорогахъ

смертяхъ. Петръ Николаевичъ еле двигался, онъ ужъ не выходилъ изъ кабинета, онъ посинѣлъ весь, волосы примазались и блеклая мертвая кожа, точно отдѣлившаяся отъ тѣла, висѣла на немъ мѣшкомъ.

По дому, по всѣмъ комнатамъ пошелъ тяжелый духъ.

Домъ былъ старый, подъ поломъ водилось множество крысъ—ихъ было цѣлое поколѣние и нерѣдко случалось, что какая-нибудь древняя крыса дохла. Вотъ, должно быть, почему шелъ невыносимый запахъ. Въ другое время Петръ Николаевичъ непременно бы нашелъ то мѣсто, гдѣ валялась падалъ, полъ подняли бы и падалъ убрали бы, но теперь не до того было.

Всѣ, кому случилось въ это время быть въ Благодатномъ, чувствовали, что такъ жизнь продолжаться не можетъ, что рано или поздно—какой, все равно—а долженъ отыскаться выходъ. И ждали. А ждать еще положено было три дня и три ночи. И два дня и двѣ ночи уже прошли.

Въ субботу вечеромъ батюшка о. Иванъ служилъ въ домѣ всенощную и накадилъ изрядно—ладана не пожалялъ. Послѣ закуски уѣхалъ, и всѣ не безъ угара разошлись спать.

— Ночью,—такъ послѣ рассказывалъ Михей,—слышу я, баринъ меня кличетъ. „Михей, говоритъ, голубчикъ, принеси мнѣ пѣтушка, Христа ради, я тебя никогда не забуду“. „А зачѣмъ, говорю, вамъ, баринъ, пѣтухъ въ такую пору? Ночь на дворѣ“. А онъ только глазомъ подмигнулъ: понимай, значить, зачѣмъ. Пошелъ я въ курятникъ, поймалъ пѣтуха пожирнѣе, принесъ пѣтуха и ножъ подаю. Взялъ баринъ пѣтуха, рѣзать сталъ, а силъ-то ужъ нѣтъ—пѣтухъ все трещается. Ну, кое-какъ съ пѣтухомъ покончилъ. Крови цѣлая лужа и на полу и на себѣ. Будто и лучше барину стало. „Хорошо бы, говоритъ, Михей, покойничка посмотреть!“ „Господь съ вами, говорю, какой теперь покойникъ, эка невидаль!“ А у самого по спинѣ морозъ поди-

раетъ—вижу, съ бариномъ что-то неладно, ровно что его душить, такъ зубъ-о-зубъ и колотить. „А гдѣ, говорить, Соня?“ Да на меня какъ посмотритъ—умирать придетъ часть, не забуду, такъ посмотрѣлъ. „Въ барыниной спальнѣ, говорю, съ барыней“. Тутъ баринъ видно успокоился, а я отошелъ да и прилежъ.

— Проснулась я ночью.—разсказывала послѣ экономка Дарья Ивановна,—слышу, будто котъ мяучить. А откуда, думаю, коту взяться? Помяукала—не отзывается, шипить.

— Пѣтухъ, дѣйствительно, пѣлъ,—показывали другіе. Но видно, и пѣтухъ не помогъ. А какой пѣтушекъ былъ славный! Силъ у старика больше не было, сейчасъ задохнется.

Петръ Николаевичъ вдругъ привсталъ на кровати:

— Всѣ потерялись—Миша, Лиза, Зина и Соня, и всѣ нашлись, одной Сони нѣтъ!

И одна заволакивающая мысль найти Соню сейчасъ же, сію секунду, подняла его на ноги и повела. Не выпуская ножа изъ рукъ, онъ поползъ изъ кабинета въ спальню.

Дверь въ спальню была полуоткрыта. Въ спальнѣ было свѣтло отъ лампадки. Соня лежала съ матерью на кровати лицомъ къ двери.

— Курочка, куронька моя!—шепталъ старикъ, подползая къ кровати.

Соня открыла глаза. Сѣла на кровать. И, глядя на отца, скрюченного, измазаннаго кровью, въ ужасѣ вытянула свою лебяжью шейку.

— Куронька, куряточка!—шепталъ старикъ, силясь подняться на ноги.

И—поднялся.

Лебяжья шейка дочери въ лучѣ лампадки еще больше вытянулась подъ сверкнувшимъ ножомъ.—Одинъ мигъ—и вишневымъ ожерельемъ сдавило бы лебедь. Но старикъ ужъ не могъ, силы его оставили, ему нѣтъ спасенія! Ножъ

выскользнулъ изъ рукъ и вмѣстѣ съ склизлою кожей, отдѣлившейся отъ его пальцевъ, упалъ на коверъ.

Старикъ, дрогнувъ, присѣлъ на корточки, весь осунулся. Все въ немъ—носъ, ротъ, уши, все собралось въ жирныя складки и, пуфнувъ, поплыло.

И плыла липкая кашица, чисто очищая отъ дряни бѣлыя кости.

Голый, безглазый черепъ, такой смѣшливый, оцерилаясь, бѣлый, какъ сахаръ, черепъ сталъ въ лучѣ лампадки.

И въ ту же минуту огонь, распахнувъ пламенемъ дверь спальни, краснымъ глазомъ кольнулъ мать, и обомлѣвшую дочь, и мертвую голову мертваго отца и, бросившись языками подъ потолокъ, развѣялся краснымъ пѣтухомъ.

Домъ Бородиныхъ горѣлъ.

1908 г.

З А Н О Ф А

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Хорошо на Батыевѣ—веселое село. Всего вдоволь: и лѣсу кругомъ, и рѣка подъ бокомъ. Въ рѣкѣ рыба,—не выловишь, въ лѣсу звѣрь,—чего хочешь, все есть. Одно—жутко. Не больно разгуляешься. А разгуляешься, не пеняй зря: если что недоброе послѣ окажется, самъ виноватъ.

Какъ стоитъ село Батыево и Спасская церковь построена, не переводится нечисть, и нѣтъ на нее никакой потравы: живуча, что черви. Сгинетъ одна, смотришь, другая ужъ дѣйствуетъ. Иной разъ не успѣла вѣдьма передать своего ремесла, все равно, гдѣ-нибудь другая проявится и почище, не ученая, а рожена я. Рожена я—это, которая просто отъ матери такой вѣдьмою на свѣтъ родится. Ученая—такъ себѣ, а эта свое возьметъ, съ роженою шутки плохи, пустяками заниматься не станеть, живо такое сдѣлаеть, вѣкъ свой вѣчный не отмоешься.

И роженныхъ и ученыхъ на селѣ водилось не мало. Старики не запомнятъ, когда бы ихъ на селѣ не было, и не было человѣка, кто бы додумался, откуда онѣ и гдѣ корень ихъ таковскій.

А сколько народа въ могилу сошло, погибли задарма несчастные: съ этою нечистью лучше не начинай дѣловъ, извѣдуть, а сами, какъ ни въ чемъ не бывало, жить будутъ

и живутъ человѣку на страхъ. Рогатому на угождене, его злой воли дочери.

Такое, право, нечистое мѣсто.

Гомить гомъ, шумить молва по Батыеву, гремитъ слава по всему Чернорѣчью: нѣтъ страшнѣе отъ горъ до моря вѣдьмы Занофы.

Были старья: Арина да Устинья, каждая сто и больше годовъ на плечахъ носила, а эта молодая—всего тридцать минуло. Тѣ, хоть и портили, да все-таки мѣру знали, сами же, послѣ и выпользуютъ, а эта ни на какую стать. Извѣстны были Занафѣ самыя страшныя порчи, умѣла она за сѣкаты. Возьметъ такъ окружить кольцомъ человѣка, и тотъ человѣкъ, сколько бы онъ ни бился, никогда и никуда изъ круга не выйдетъ, будетъ плутать у себя подъ дверью, а въ домъ не войдетъ, будетъ стоять на порогѣ и не двинется. Тѣ вѣдьмы, какъ вѣдьмы, съ перваго взгляда и малому ребенку примѣтны: носъ крючкомъ, сухопарья, хвостъ, а эта—такой красивой, обойди весь свѣтъ, не найдешь, но и такого уродца съ сотворенія міра не слыхано: тѣло и все настоящее, какъ у самой здоровой, а ноги ребячьи,—ходить не могла Занофа, только ползала. И пускай бы себѣ ползала, а то, говорятъ, летаетъ: подымется птицею и летитъ. И увидѣть Занофу никогда не увидишь, развѣ ночью. Ну, отъ этого избави Богъ всякаго, лучше на мѣстѣ три раза провалиться, да въ Пасху у заутрени не стоять, чѣмъ такую увидѣть.

Отецъ Занофы—купецъ, развозилъ товары по ярмаркамъ, и товаръ не залеживался,—покупатель на проломъ шелъ: не проведетъ Чабакъ, гнилья не подсунетъ. И не прими старый грѣха на душу, ей-Богу, записали бы его въ угодники.¹

Мать Занофы—бродячая, цыганской крови, плясала да

пѣла—вой-да! Ударить, бывало, въ звонкія ладони—пропа-дай голова, только бы глазкомъ взглянуть да и Богу душу отдать. Другой такой Степаниды не бывало.

Не сразу Чабакъ всталъ на ноги. Спервоначала купецъ едва концы сводилъ, держалъ онъ на селѣ лавчонку, ею и пробавлялся. Дѣтей полны углы, всѣхъ накормить да обшить—чего-нибудь да стоитъ. Мужиками жили.

Родилась Занофа—и переменя пошла.

Повалило Чабаку счастье, сталъ богатѣть, расторговался и настоящимъ купцомъ задѣлался. Покупатель такъ со всѣхъ сторонъ и валить въ лавку,—никакихъ товаровъ не напасешься. Разбогатѣлъ купецъ. Барышей хватало на все: домъ выстроилъ, садъ развелъ, повывалъ дочерей замужъ, а сына въ городъ по торговлѣ пристроилъ. Пожертвовалъ Корнѣй колоколъ на церковь, и удался колоколъ звонкій и гулкій: какъ ударять ко всенощпой, по всему Чернорѣчью гудить и до самой Москвы до Ильинки хватаетъ.

И не искалъ Чабакъ богатства, само оно въ рукишло.

Умные люди и тогда уже смекали, что замѣшалось гуть нечистое, да про себя держали: болтать зря не годится, — и человѣка ни за что опозоришь и самому на томъ свѣтѣ тоже не пройдетъ даромъ. Одинъ Митрошка, — парень такой былъ, ничего не боялся, — бывало, какъ начнетъ болтать и доказывать, все, бывало, на дѣвчонку кажетъ на Занофу и ей все приписываетъ.

Не обращали вниманія: разняла человѣка хмелина, нечего съ него и спрашивать.

А дѣвченка была, дѣйствительно, Богъ ее знаетъ!

Родилась Занофа въ Купальскую ночь въ пѣтухи послѣдней у матери. Родилась она въ счастливой сорочкѣ и съ родимымъ пятнышкомъ у большого пальца на лѣвой ладони.

Сорочку Занофину бабка припрятала, а послѣ къ себѣ

унесла. Потужили Чабаки, да дѣлать нечего: назадъ такую вещь не возьмешь: кому досталась, тотъ и пользуйся!

Слухъ же пошелъ по селу.

Странники и богомольцы толпились у Чабаковъ. Заходили въ домъ странники получить у Занофы съ ея лѣвой руки счастье. И счастливая рука щедро раздавала счастье, никому не отказывала. Доходили странники и богомольцы до святыхъ мѣстъ и возвращались во всемъ благополучіи. Никто не жаловался.

И изъ дальнихъ селъ и деревень пріѣзжали къ Чабакамъ за счастьемъ и возвращались во-свояси довольными. Ни съ кѣмъ бѣды не случалось.

Росла дѣвочка разумная и, какъ птичка, чирикала день-деньской: все ей покажи да Расскажи и увяжется за большими, ничего не боится.

Однажды на первую траву взяла ее Степанида въ хороводъ постоять. Любила дѣвочка въ веселомъ хороводѣ постоять. А когда пошелъ хороводъ по улицѣ, поднялся вдругъ вѣтеръ, сшибъ ее съ ногъ, и упала она на землю. Съ той поры онѣмѣли у ней ноги, не могла ходить.

Не бѣгала Занофа, а лежмя лежала.

И странное дѣло: все тѣло ея росло, а ноги въ одномъ и томъ же положеніи оставались: ребячьи, маленькія.

Еще больше народа сходилось въ домъ къ Чабакамъ и разливалось Занофино счастье по всему свѣту.

Но, видно, шила въ мѣшкѣ не утаншь.

Одна захожая старица замѣтила у Занофы на счастливой рукѣ крестики, и какіе-то совѣмъ не простые крестики, а тутъ послѣ Занофиной руки вышелъ Тома на богомолье цѣлымъ, а назадъ пришелъ безъ ноги, а у Еремы глазъ вышибли, Катерину, старостину внучку, замужъ выдали, пожила съ годъ Катерина хорошо, а на другой годъ завила, тоже ходокъ Барабанъ пошелъ въ Петербургъ и не

вернулся, а у того самого Митрошки ни съ того, ни съ чего выросло въ родѣ хвоста что-то.

А тутъ еще такое случилось, и дураку толковать не требуется.

Чѣмъ старше становилась Занофа, тѣмъ тяжеле у Корнѣя забота росла. Хотѣлось старому еще при жизни дочь пристроить и умереть ужъ спокойно. Посылалъ Корнѣй сватовъ. И женихи прїѣзжали. Много зарилось на богатство: богаче Чабака на всемъ Батыевѣ не было. Да ничего изъ сватовства не выходило. Другой бы и радъ радешенекъ, да въ послѣдній срокъ рѣшимости не хватало. Ужъ очень жуткій взглядъ у невѣсты, взглянетъ, какъ ножемъ полыснетъ, отъ такихъ глазъ не спрячешься. Ну дѣло и разойдется.

Не любила Занофа жениховъ, пеняла отцу, а со старикомъ и самъ чортъ не сговорить, упрямый, стоялъ старикъ на своемъ.

Прїѣхалъ какъ-то къ Чабакамъ купецъ одинъ изъ города по дѣламъ. Красивый и весельчакъ, все село перемутилъ. Бабы и теперь всплакнутъ, какъ про Родіонова рассказывать примутся. И полюбился Родіоновъ Занофѣ. Сама она отцу открылась. Обрадовался старикъ, сейчасъ же къ купцу—къ Родіонову. Любилъ старикъ дочь, душу продалъ бы, вотъ какъ любилъ! А купецъ шалый, море ему по колѣно, высыпалъ шутокъ съ три короба и по рукамъ ударили. Все честь-честью: благословились, смотрины справили и все, что въ такихъ случаяхъ полагается. на то ужъ баба—первая заводница. Гуляли, ажъ обезножили! И подошелъ вѣнчальный день, обрядили Занофу къ вѣнцу. Поѣхали въ церковь. Народу собралось—все село: всѣмъ любопытно. А жениха нѣтъ. Думали, случилось что. Туда-сюда. Одного послали, другого послали, а жениха все нѣтъ. Нигдѣ Родіонова розыскать не могутъ. Поохали, поахали, а ничего не подѣлаешь—по домамъ надо. Занофа-ни съ мѣста.

Ужъ и уговаривали ее, и просили, и силой взять хотѣли, не соглашается, не хочетъ она ѣхать назадъ. И какъ была въ подвѣчномъ платьѣ, легла она на землю и поползла, да такъ и ползла по землѣ до самаго дома, сама вся, что бумага, бѣлая, а глаза—да если бы всѣ грома разразились и вся молонья попадала, такой грозы не бывало бы,—раскаленные глаза жгли. Кто, какъ стоялъ, такъ и остался, а она все ползла.

На утро Родіоновъ отыскался. Нашли его у Чабаковъ въ хлѣву удушеннаго. Опоросилась у Чабаковъ свинья и стояли въ хлѣву старыя плетенныя ясли для поросятъ. Такъ онъ и забился въ поросячью плетенку, а возжи за осокорь натянуты. Ужъ мертвый.

Началось слѣдствіе. Доказали на Корнѣя. Клялся Корнѣй, что не при чемъ онъ совсѣмъ. Клятвѣ не повѣрили и засудили. Пошелъ старикъ въ Сибирь, да тамъ, должно быть, и померъ.

Вотъ оно какое дѣло.

Тутъ ужъ Митрошка съ хвостомъ забрехалъ на всю улицу, и умные, которые раньше смекали да помалкивали, развязали языкъ.

И теперь всѣмъ стало ясно, какое это такое счастье Чабаковское, и что это за счастливая рука Занофина съ родимымъ пятнышкомъ у большого пальца на лѣвой ладони, и съ крестиками.

И хоть Корнѣй задушилъ Родіонова, про это всякій зналъ и не сомнѣвался, но безъ Занофы не обошлось. Все—Занофа, все она—вѣдьма.

Всполошилось Батыево.

— Она еще и не то сдѣлаетъ,—говорили про Занофу,—она напуститъ градъ и выбьетъ поля, она нашьлетъ молонью и сожжетъ хлѣбъ, она уморитъ скоть, она передушитъ ребятъ, она испортитъ бабъ, она погубитъ мужиковъ, она выпьетъ всю рѣку и съ корнемъ снесетъ лѣсъ,

она не оставить ни церкви, ни избы, не пощадить и завалящей щепки.

— Она еще и не то сдѣлаетъ,—шептали помертвѣвшими губами, перепуганные на смерть,—она обратитъ всѣхъ въ совѣ и заставить жить въ норахъ.

— Глазъ у нея черный.

— Рука у нея проклятая.

— Вѣдьма она проклятая.

Ома да Ерема подговаривали прикончить вѣдьму, да не нашлось смѣльчака, руки у всѣхъ оказались коротки.

И всѣ отшатнулись отъ Занофы, и братъ и сестра отреклись отъ нея.

Что бы ни случилось въ Батыевѣ, всякій грѣхъ, всю бѣду, все валили на Занофу.

И осталась Занофа одна съ матерью.

Косясь, проходили по селу мимо бѣлаго дома съ синею дверью и синими ставнями, не пѣли пѣсенъ, не говорили въ голосъ, завидя вышку, гдѣ, какъ сторожъ на караулѣ, караулилъ аистъ вѣдьмино логово.

А она, хоронясь, лежала у окна, все видѣла—черезъ три поля видѣла, все слышала—черезъ лѣсъ слышала.

И видѣла Занофа и слышала. знобила сердце, а сама встать не могла.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Опустѣлъ домъ стараго Чабака.

Тамъ, гдѣ, бывало, отъ народа стѣны ломились, не слышать ни смѣха, ни топота, а у запертыхъ воротъ по двору не видно ни конской ископоти, ни лошаднаго сбѣга.

Крещенаго къ Чабакамъ и калачемъ не заманишь, развѣ крайность, а то лучше на порогъ подохнуть, чѣмъ войти въ проклятый домъ.

Въ комнатахъ травы висятъ. И пахнетъ чѣмъ-то до одури прянымъ, на ногахъ не выстоишь. А по всѣмъ стѣнамъ птицы,—Занофа рисовала, и не птицы, а какіе-то коты крылатые. Отъ этихъ птицъ-котовъ всѣ стѣны и домъ точно все летѣть собирались.

Неспокойно въ комнатахъ, жутко.

Управится Степанида по хозяйству, подсядетъ къ Занофѣ. Смотритъ на дочь: жалко,—и не знаетъ, что дѣлать. А Занофа лежитъ, глаза раскрытые, и горитъ въ нихъ огонекъ, его ничѣмъ не зальешь.

Говорила Занофа матери:

— Счастливая ты, счастливо прожила жизнь, плясала и пѣла, ты такъ плясала, на тебя приходили смотрѣть. А у меня нѣтъ ничего.

Подымалась старуха, мотала сѣдою головой, надувались жилы на бронзовой шеѣ:

— Нѣтъ, Занофа, ты сильная, ты красавица, краше нѣтъ тебя.

Занофа не слышала, Занофа не слушала, она только свое говорила матери:

— Ты счастливая. И есть же такіе счастливые! Кто это дѣлаетъ? А я—чѣмъ я виновата?

— Ты не виновата, ты ни въ чемъ, Занофа, не виновата... это люди такіе...

— Люди? Какіе? Счастливые? У меня ни одного ужъ дня нѣтъ, ни одной минуты, ну, хоть бы одна минута счастливая!

Старуха выпрямилась:

— Уйдемъ, Занофа, бросимъ нашъ домъ, бросимъ все, уйдемъ въ степи, тамъ въ степи на волѣ...

— Зачѣмъ ты лжешь? Какая воля? Гдѣ воля? Что она тебѣ, воля? И куда я пойду? Вѣдь, я уродъ, слышишь, я уродъ, я не могу ходить! А это за что? Кто это дѣлаетъ? Какая правда? И гдѣ правда?—Занофа приподнималась на

рукахъ и куда-то смотрѣла, ненавидя мать, проклиная людей, весь міръ, проклиная съ его волей и правдой, и ей казались всё такими счастливыми, а она одна—проклятая, поползень, а за что, она не знаетъ вины.

И сердце, ровно вепрь, оскалившій зубы,—страшная месть выходила изъ сердца.

Старуха опускалась на лавку, глаза отъ горя сами закрывались. Старуха засыпала. безсильная, ничего не могла она сдѣлать.

А Занофа долго на вытянутыхъ рукахъ, взъерошенная, какъ кошка, прицѣливалась куда-то глазами и кружила ими. Что-то невозможное, нечеловѣческое совершалось въ душѣ ея, невозможное, нечеловѣческое творилось въ сердцѣ.

Тогда-то и начинались на селѣ пожары и вдругъ умирали люди и погибали скотъ и топтались нивы, падали всё бѣды, все повѣтріе лихого глаза.

Медленно отлегалось отъ оскорбленнаго сердца, медленно подгибались стальныя ненужныя руки. Забивалась Занофа въ уголокъ кровати и, вся подобрившись, хоронилась, какъ подбитый звѣрокъ.

Вспоминала Занофа дѣтство, отца, свою счастливую руку, потомъ хороводы... хороводъ, вихрь, свалившій ее на землю, и землю, на которой она лежала ужъ безногая, годъ за годомъ—всѣ годы на этой кровати, и какъ однажды сама вздумала ковырять себѣ счастье на правой ладони,—подъ вѣнецъ поѣхала и какъ назадъ изъ церкви ползла.

Старуха вдругъ просыпалась.

Занофа плакала.

Лицо въ кулачокъ, какъ у той прежней счастливой дѣвочки, которая, размахивая счастливою рукой, прыгала на одной ножкѣ отъ дверей до калитки и пѣла тоненькимъ голоскомъ и рассказывала сказки и, вытянувъ губки, представляла громъ и сама же пугалась, и бранила, гнала со

двора дождикъ, и такъ вотъ плакала, когда не переставалъ, шель дождикъ и гулять не пускали.

— Тебѣ ѣсть хочется?—наклонялась старуха къ дочери.

— Смерти хочу!—шептала Занофа.

Старуха жевала поблекшія губы, теребила сухими пальцами кончики землястаго платка, черная, что сама земля.

И птицы-коты на стѣнѣ куда-то летѣли, пыжили свои кошачьи морды, и вся стѣна р валась.

— Смерти хочу!

Чуть начинало смеркаться и теплый вечеръ укладывалъ на покой дневной вѣтеръ, и нарядная, будто на пирь, выплывала ночь въ звѣздахъ, и пробужденныя звѣздами, гукая вдоль по рѣкѣ, раздавали совы тоску, выползала Занофа въ садъ. Тамъ, лицомъ къ лицу съ ночью, она копалась въ землѣ съ своими цвѣтами до самой зари.

Но бывали ночи, какъ дни, и Занофа не могла спуститься съ кровати.

Съ каждымъ лѣтомъ садъ заросталъ. Засорялся цвѣтникъ и пустѣли гряды. Глухой бурьянъ забирался во всѣ уголки. Поникали вѣтви, и тѣни становились все гуще, покрывая всякій просвѣтъ.

Въ ночи приходили къ Занофѣ сны, и она съ крикомъ вырывалась отъ нихъ и, таясь, цѣлый день жила подъ ихъ рукою.

И тогда мать и дочь не говорили другъ съ другомъ, а только смотрѣли другъ на друга, но бывало и такъ, что и смотрѣть страшно было.

Степанида гадала.

И карты не сулили добра: ударъ, непріятность, постель ложились на сердце, а кончалось угощеніемъ—пиковою дамой.

Только рѣдкое утро озаряло домъ, будто счастьемъ.

Просыпаясь, Занофа окликала мать:

— Маменька, что мнѣ снилось сегодня!

Старуха бросалась къ дочери:

— Что такое, что тебѣ снилось?

— Мнѣ, маменька, сапоги снились, а потомъ, будто ты мнѣ подаешь рубашку, а рубашка въ крови.

— Сапоги, это дорога,—толковала Степанида,—а кровь, кровное свиданіе будетъ съ родными, а мнѣ, Занофушка, лукъ снился, ѣмъ будто лукъ-сѣянку. Старикъ не вернется-ли?

И, забывшись, Степанида мурлыкала пѣсню.

— Маменька, эта дорога, я знаю, маменька, моя смерть это.

Старуха молчала.

— А на кладбищѣ тихо, тамъ никто не тронетъ.

Старуха молчала.

Все у ней валилось изъ рукъ—тряслись руки, и не знала старая отъ своего горя: не то садись и плачь, не то сидя плачь.

Тянулись дни за днями.

Такъ много смутныхъ дней прошло въ Чабаковскомъ заброшенномъ домѣ. И ударился бы головой объ стѣну, лишь бы вырвать изъ глотки хоть какой-нибудь звукъ.

Такъ страшно было молчаніе въ Чабаковскомъ домѣ.

Стояло ли ведро или ненастье, шелъ ли дождь или свѣтило солнце, все равно, глаза одного хотѣли: закрыться.

Старуха не могла ужъ больше вынести, пугалась молчанія, подымалась тихонько, подходила къ дочери, черная, запачканная, что сама земля:

— Дѣточка, дѣточка моя!

— Ну, что?—вскидывала Занофа страшные глаза на согнувшуюся мать.

— Я такъ, дѣточка. Я ничего. Я только сердцемъ прошу...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Должно быть, хорошая была ночь: на дальнемъ болотѣ трубили жабы и маленькія птички—пастушки чуть слышно свистѣли, сливая свой свистъ съ стрекотомъ, въ которомъ земля колыхалась. За рѣкою тоскливо гукали совы, и трещали лягушки, словно бы бричка по дорогѣ катила.

Отъ высокихъ осокорей черезъ весь Чабаковскій дворъ тянулась глубокая тѣнь въ лунномъ кругѣ.

Въ бѣлой рубахѣ, какъ бѣлый цвѣтокъ, лежала на травѣ Занофа. Печально разсыпались по плечамъ темныя ея расплетенныя косы. Оскаливъ бѣлые зубы, глядѣла Занофа куда-то за звѣзды.

А звѣзды были такія далекія.

Одна дума таяла, будто мѣсяцъ таялъ въ ея сердцѣ,— дума о смерти.

И показалось Занофѣ, мелькнуло что-то подъ хлѣвомъ, будто вышелъ кто-то изъ хлѣва со свѣчкою, вотъ обогнулъ осокорь и упалъ въ траву и ужъ ползъ черезъ полосу тѣни къ саду. Огонекъ, колеблясь, мелькалъ, какъ свѣча,—двѣ свѣчи. И чѣмъ ближе подползалъ огонекъ, тѣмъ яснѣе становилось Занофѣ, что это человѣкъ ползетъ, и ужъ лицо прояснялось, она узнала,—это онъ, женихъ ея, его глаза. Его глаза свѣтились.

Занофа приподнялась на руки и, какъ кошка, выгнувъ шею, поползла навстрѣчу.

И они ползли другъ къ другу, и путь между ними все укорачивался. Ужъ раздѣвались его волосы и губы улыбались ей...

Такъ путь между ними кончился.

Руки его протянулись къ Занофѣ и, охвативъ ея грудь, прижали крѣпко, горячія, на всю жизнь, на вѣчно. И въ мигъ синій, какъ тамъ въ хлѣву съ вожжею на шеѣ, скаля страшные зубы, онъ приподнялъ ее съ земли, и они полетѣли—женихъ и невѣста.

Утромъ нашли Занофу въ концѣ сада у сажалки: сидѣла она вся бѣлая на перелазѣ придушена—чортъ задушилъ.

Цѣлый день пьяно Батыево. Стономъ стонъ стоялъ, пѣсня и гамъ и топоть. Откалывали казачка, ногъ не жаль. Экъ, вѣдь, какъ прорвало,—Тома Еремѣ послѣдній глазъ вышибъ, а у Митрошки что-то въ родѣ хвоста его оторвали прочь съ мясомъ. Да и какъ для такого случая—безъ Занофы, безъ вѣдьмы не ударить по всѣмъ.

1907 г.

С Л О Н Е Н О К Ъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Павлушка засѣлъ на второй годъ въ приготовительномъ классѣ.

Только онъ одинъ и былъ второгодникомъ.

Сидѣлъ Павлушка на послѣдней скамейкѣ у шкапчика: у шкапчика всегда второгодники сидѣли.

Мѣсто было не простое, особенное. Всякій день послѣ молитвы, когда учитель Иванъ Ивановичъ запиралъ въ шкапчикъ журналъ, чернильницу и ручку, только съ Павлушкина мѣста можно было заглянуть въ этотъ шкапчикъ. И чего-чего только въ шкапчикѣ не хранилось: разныя коробочки, ножички, картинки, кораблики, раковинки, стрѣлки.

Такъ повелось: если кто изъ учениковъ приносилъ въ классъ какую-нибудь любопытную вещицу, Иванъ Ивановичъ отбиралъ ее и прямо въ шкапчикъ.

Гимназія была старая, Иванъ Ивановичъ—старый, шкапчикъ—биткомъ набить.

Разъ Павлушка слоненка подсмотрѣлъ. Сѣрый слоненокъ, какъ настоящій, съ хоботомъ и клыками, а уши мягкія, большія, и хвостикъ.

„Тамъ, пожалуй, и еще кто-нибудь такой сидитъ, какая нибудь заводная машинка, пистолеть или обезьянка!“—подумалъ Павлушка и завертѣло: какъ бы такъ это устроить,

чтобы въ шкапчикъ пробраться, потрогать все, посмотрѣть и съ собою взять.

Долго ломалъ онъ голову, а придумать ничего не придумалъ,—одному невозможно.

Хорошо, что Доронинъ и Воскресенскій, съ которыми сидѣлъ Павлушка, оказались ему на руку.

Доронинъ—Трясогузка, востренькій, розовенькій, и озорничалъ, а виду не показывалъ, все оставалось шитокрыто.

Воскресенскій—Пугало, вихрастый и веснушчатый, лѣзь прямо на рогатину, сухъ изъ воды никогда не выскакивалъ.

Прежде всего Павлушка экзаменъ имъ задалъ, удочку закинулъ.

И не ошибся. Повѣрилъ. И всё трое, какъ одинъ, сговорились.

Уговоръ лучше денегъ—чуръ! никто никого не выдастъ.

Приходили они спозаранку и приступали.

Трясогузка у дверей караулилъ, Павлушка съ Пугаломъ работали.

Ковыряли замокъ всякимъ предметомъ: и перомъ и ручкой, и шпилькой и гвоздикомъ.

Хоть бы что—дудки!

— Надо стамеской,—сопѣлъ Пугало.

— Винты ужъ!—подгонялъ Павлушка.

Ни съ мѣста.

И бросали, и опять сызнава.

Какъ-то шпилька и переломилась. Туда — сюда — пропали! Кусочекъ засѣлъ въ нутрѣ.

Пришелъ Иванъ Ивановичъ, прочитали молитву, сталъ Иванъ Ивановичъ отпирать шкапчикъ. Туго. И такъ вертѣлъ, и сякъ. Пыхтѣлъ, пыхтѣлъ, насилу отперъ.

— Кто?—спрашиваетъ, а самъ изъ подъ очковъ смотреть.

Молчать.

Никто, какъ Павлушка съ Пугаломъ.

Отпирались.

Не вывезло. Хуже.

— Въ карцеръ на два часа.

Засадил ихъ въ карцеръ.

Сидятъ. А дума одна: какъ шкапчикъ открыть, чтобы все посмотрѣть, потрогать и съ собою взять.

— Надо подпилкомъ,—рѣшаетъ Пугало.

— Подпилкомъ что!—шурупомъ, раздобыть шурупъ, повинтить—и готово дѣло.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

На дворѣ октябрь.

Кончается четверть. Скоро станетъ Иванъ Ивановичъ баллы выводить. А у Павлушки едва тройка выходить, тройка съ минусами.

Падалъ мокрый снѣгъ и, не долетая до мостовой, гдѣ-то у ногъ таялъ.

Таялъ снѣгъ на крышахъ, только на дровахъ деревян-ного двора лежалъ легкимъ бѣлымъ слоемъ.

Было скользко, ноги не слушались.

Голодный, въ длинной, сшитой на ростъ шинели, таща на уцѣлѣвшемъ ремнѣ изодранный ранецъ, плелся Павлушка домой изъ гимнази.

И почему это онъ не можетъ, не запинаясь, какъ Медвѣдь, считать по порядку? И хитрости-то тутъ нѣтъ никакой: веди счетъ сзади напередъ и только:

„33, 32, 31, 30...“

Вотъ и не сшибся, а тогда въ классѣ ни съ мѣста: сталъ перескакивать, мяться. „Тупая голова!“—сказалъ тогда Иванъ Ивановичъ и поставилъ двойку.

— Тупая голова!—Павлушка снялъ картузь и потрогалъ себя за голову,—тупая голова... на третій годъ не оставяеть.

— Выгоняеть,—будто вѣтромъ донесло съ дровяного двора.

Павлушка разстегнулся и, запрокинувъ голову, принялся ловить ртомъ снѣжинки.

Снѣжинки холодныя падали, щекотали горло. Горло сжималось.

Такъ не весело, такъ ему было не весело,—плакать хотѣлось.

И представлялось, какъ его изъ гимназіи выгоняеть, какъ тогда онъ до дому дойдетъ, какъ придетъ домой.

„А дальше?“

„Дальше вотъ что,—будто говорилъ ему кто-то на ухоты запишись тамъ, ну, приноровись, да головой бухъ въ дыру, или застрѣлись ружьемъ“.

„А если не выгоняеть?“

„На третій не оставляють“.

— 33, 32, 31, 30...—шепталъ Павлушка.

„Вотъ, вотъ, здорово!“—одобрялъ и пыталъ чей-то голосъ, то суровый, то ласковый.

Павлушка вошелъ къ себѣ въ домъ.

Дома мыли полъ.

Все было подоткнуто и перевернуто.

Слонялся Павлушка по столовой, отщипывалъ мякишъ.

И только послѣ обѣда, когда все уложилось, и кухарка Маланья—Аксолотъ пошла въ баню, Павлушка присѣлъ къ своему столику, но ранца не разстегнулъ и къ книгамъ не притронулся,—завтра!

Такъ просидѣлъ онъ, пока не стало смеркаться и не ударили ко всенощной.

Уши горѣли у него, какъ на улицѣ, и ничто не занимало, думалось тяжело объ одномъ.

Стеклянный козленокъ изъ-подъ духовъ—любимецъ Павлушкинъ,—какъ повалился, когда передвигали столикъ, такъ и оставался лежать на боку.

„И пускай себѣ лежитъ, эка!“

Лѣнь было руку протянуть и навести порядокъ.

А Павлушка такой аккуратный. Всякую пылинку сдуетъ, соскоблитъ, подчиститъ. Старшая сестра Катя, у которой жилъ Павлушка, звала его Кротикомъ: Кротикъ все соберетъ, ничего такъ валяться не оставитъ.

На этотъ разъ Павлушка не прибралъ столъ Кати.

„Пускай, только бы ружье достать“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ церкви за всенощной Павлушка стоялъ сумрачно, букой. Смотрѣлъ онъ въ темный ликъ Божьей Матери, смотрѣлъ на драгоценные камни и жемчуга бѣлой ризы.

Разноцвѣтныя лампадки, полныя масла, разноцвѣтно горѣли, и отъ свѣта играли камни и жемчуга таяли.

Но душа Павлушкина была въ потемкахъ.

Крестился онъ, когда крестились, кланялся, когда надо было кланяться.

И чудился ему какой-то запахъ.

Пѣніе и молитвы будто выплывали изъ этого запаха и такъ плыли пропитанныя въ немъ.

Ладанъ не гасилъ, а распускалъ его по всей церкви.

„Утромъ за обѣдней отпѣвали жену бондаря. Бондариха испортилась. Вотъ и не продохлась“,—рѣшилъ Павлушка.

Впереди, у амвона, стоялъ бондарь въ чуйкѣ и, широко крестясь, бухался въ землю.

Павлушка и раньше слышалъ, что бондариха давно хворала, что ее много лѣчили и даромъ—ничего не помогало, а бондарь жаловался на обузу.

„Это онъ и бухается отъ радости, что Богъ ее прибралъ, надоѣла она ему. Думаетъ, померла и крышка, не увидить... Нѣ-тъ!“—Павлушка пискнулъ отъ злорадства: онъ зналъ, что бондариха тутъ, въ церкви, стоитъ гдѣ-нибудь въ уголку, все видитъ, все понимаетъ, только ее не видно. Какъ въ шапкѣ-невидимкѣ.

„Надѣтъ шапку-невидимку, вынуть изъ кармана у Ивана Ивановича ключи, отпереть шкапчикъ, вытащить слоненка... двойки переправить на пятерки, а потомъ что-нибудь такое“...

Въ алтарѣ вдругъ поднялась суматоха.

Дьяконъ бросился отъ жертвенника къ престолу, псаломщикъ, читавшій шестопсалміе, остановился.

Въ тишинѣ, недоумѣвая, переглядывались.

Наконецъ, разрѣшилось: изъ алтаря подъ руку вывели священника.

Измученный, съ открытымъ ртомъ, ткнулъ старикъ священникъ заплаканнымъ лицомъ въ темный ликъ Божьей Матери:

— Владычица, прости меня!

И пошелъ изъ церкви.

Служба продолжалась, псаломщикъ читалъ шестопсалміе. Голосъ его звучалъ твердо и увѣренно. И всѣ, кто былъ въ церкви, теперь знали твердо и опредѣленно, что священникъ уже не вернется въ церковь, что онъ умретъ, дорогой ли, дома ли у себя, все равно, умретъ.

— Всѣ умремъ,—говорило что-то, слышалось въ словахъ псаломщика,—умремъ, и принесутъ сюда, поставятъ тутъ передъ амвономъ...

И вспомнилось Павлушкѣ, какъ хоронили одного актера. Тоже старика. Въ церкви на отпѣваніи рассказывали, будто игралъ актеръ на театрѣ и померъ. Моментально померъ. Смыли съ лица краску, положили его въ гробъ, принесли въ церковь. Церковь была полна актеровъ, бритыхъ и чуд-

ныхъ, да актрисъ въ большихъ шляпкахъ. Когда кончилось отпѣваніе, священникъ далъ покойнику рукописаѣе, полилъ масломъ, поклонился и пошелъ въ алтарь. А съ паперти ужъ несли крышку бѣлую, глазетовую. И покрыли гробъ крышкой, стали гвозди вбивать... Жутко было. И было еще какое-то успокоеніе, увѣренность, что вотъ заколачиваютъ гвоздями и сейчасъ понесутъ на кладбище и тамъ опустятъ въ яму и землей завалятъ...

— Не тебя!—чуть не взвизгнулъ Павлушка, какъ и тогда на отпѣваніи, какъ и тогда отъ нахлынувшей радости.

Тутъ сталъ передъ глазами другой случай.

Тоже разъ зашелъ Павлушка въ церковь: тоже покойникъ былъ. Ужъ прощались. Прощались какъ-то робко, руку нецѣловали. Только смотрѣли на огромныя стеклянныя руки. И вотъ женщина старая, горбатая отъ горя, одна цѣловала эти руки, цѣловала лицо, полузакрытое желтой ватой, цѣловала ротъ, а изо рта темной струйкой бѣжала сукровица.

„И меня!“—казалось, надрывалось что-то въ этихъ поцѣлуяхъ единственныхъ... она не хотѣла остановиться, не хотѣла перестать, не могла оторваться, и цѣловала и лицо и руки, а съ паперти ужъ несли крышку бѣлую, глазетовую.

„И тебя! все равно... принесутъ!“ — злорадствовалъ тогда Павлушка и, теперь вспомнивъ, похолодѣлъ весь.

— Принесутъ... Владычица! чтобы меня не приносили, чтобы не умереть мнѣ, Божія Матерь, Царица Небесная, сдѣлай Ты... вѣдь я маленькій!—Павлушка сталъ на колѣни и, кланяясь въ землю, ударялся лбомъ о холодныя плиты.

Играли камни на бѣлой ризѣ, жемчуга таяли, и казалось ему, ликъ Матери Божьей участливо глядѣлъ на него.

Зналъ Павлушка твердо, все Она дастъ ему, ни въ чемъ не откажетъ... не будетъ двоекъ, слоненокъ у него будетъ... онъ, вѣдь, ни въ чемъ не виноватъ...

„А бондарь виноватъ?“

Бондарь, бухаясь въ землю, вытягиваль ноги. На тяжелыхъ сапогахъ сверкали подковки.

Павлушкѣ вдругъ захотѣлось подковокъ.

„Ты отними отъ него, Матерь Божія, дай ихъ мнѣ!“— и онъ протянулъ руку къ сапогу бондаря попробовать, не отвалились ли чудомъ подковки, и пораженный, остановился: справа и слѣва сверкали такіе же подковки.

А почему у него нѣтъ подковокъ? Почему только одинъ онъ стоитъ маленькій, ни въ чемъ невиноватый и всѣмъ чужой?

И вдругъ понялъ.

Кругомъ были грѣшные, несчастные, грѣшные, какъ бондарь.

Они молились... „Кто ихъ услышитъ? Ты ихъ услышишь!“

Они просили... „Имъ будетъ отвѣтъ? Ты имъ отвѣтишь?“

— Мнѣ будетъ отвѣтъ, я не виноватъ ни въ чемъ,— шепталъ Павлушка и ему до боли стыдно, что онъ не виноватъ ни въ чемъ...

— Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!— дьяконъ растворилъ царскія врата и запѣли пѣвчіе: Слава въ Вышнихъ Богу.

Павлушка стоялъ, какъ пригвожденный, не засматривалъ въ окно, какъ всегда засматривалъ: не увидитъ ли свѣтъ показавшійся?

Мимо неслоь Великое славословіе, онъ повторялъ одно слово черное, звалъ темное съ подковками, съ серебрянными.

— Пускай мнѣ двоекъ наставятъ, пускай меня выгонятъ, пускай меня чортъ возьметъ!— шепталъ Павлушка, прося и требуя.

Всенощная кончилась.

Бочкомъ вышелъ Павлушка изъ церкви и побрелъ домой. Шелъ онъ домой оголтѣлый, распахнувшись, несъ онъ не сердце, а какой-то комокъ слезъ вмѣсто сердца.

Хотѣло дѣтское сердце, ни въ чемъ невиноватое, быть грѣшнымъ, повиннымъ.

Хотѣли дѣтскіе глаза, ни въ чемъ невиноватые, плакать отъ отчаянія.

Молить... „Кто ихъ услышитъ? Ты ихъ услышишь!“.

Просить... „Имъ будетъ отвѣтъ? Ты имъ отвѣтишь!“.

Хотѣлъ Павлушка, чтобы чортъ сцапалъ его, чтобы чортъ посадилъ его къ себѣ на закорки и пустился бы съ нимъ по бѣлому свѣту, куда хочеть, куда глаза глядятъ. Хотѣлъ, чтобы рука огромная, стеклянная покойницкая схватила его и тутъ бы на мѣстѣ прихлопула.

Быть бы ему вотъ этимъ отходникомъ, трясущимся на бочкѣ, ѣхать бы, трястись ему оборванному и голодному въ ночь на грязную работу, нюхать этотъ отвратительный запахъ и копать въ зловонной бурдѣ.

Павлушка стремительно повернулъ съ тротуара и пустился за бочкой, стараясь какъ можно больше надыхаться мерзостью и норовя выпачкаться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Спинка. Брюшко.

Ракъ. Лягушка.

Дѣтская игрушка.

— пѣли—выговаривали хоромъ: Трясогузка тонко, Павлушка потолще, а Пугало толсто, и выдѣлывали при этомъ руками разныя финтиклюшки, заканчивавшіяся дружнымъ кукишемъ.

— Павлушенька, — просунулась въ дверь Маланья-Аксолотъ,—поди-ка сюда, что я тебѣ скажу.

Всѣ повскакали къ Аксолоту.

— Мухтаръ пришелъ, ворону приволокъ, варить что-ли? Павлушка погрозилъ пальчикомъ, и на цыпочкахъ всей гурьбой двинулись гимназисты въ кухню.

Главное, надо было все отъ сестры Кати скрыть, а то Катя еще возьметъ, да и выброситъ ворону за окошко. А о воронѣ Павлушка давно умомъ раскидываетъ. Ему какъ-то попалась одна книжка, въ книжкѣ всякіе звѣри и птицы нарисованы были и рядомъ съ птицами что-то въ родѣ смерти. „И не смерть это,—объяснила Катя,—это скелеть, а скелеть можно и самому сдѣлать изъ вороны“. И съ тѣхъ поръ заѣла ворона Павлушкѣ въ голову, коломъ не вышибешь,—непремѣнно захотѣлось ему скелеть устроить и чтобы скелеть у него на столикѣ стоялъ рядомъ съ стекляннымъ козленкомъ.

Мухтаръ, лохматый дворникъ въ валенкахъ, и весь какой-то будто сдѣланный изъ валенокъ, топотался въ кухнѣ, кадя себѣ подъ пось дохлой вороной.

Обступили гимназисты Мухтара, выхватили изъ рукъ ворону. Положили ворону на грязную табуретку изъ подъ помойной лоханки, подсучили рукава и усѣлись кружкомъ на корточкахъ. Трогали ворону пальцами, разсматривали всю кругомъ, расправляли крылья, потомъ за клювъ принялись, раздирали задеревенѣлый клювъ.

— Ворона старая,—сказалъ Павлушка,—ни одного цѣлаго зуба.

— Ворона жретъ десной, у ихъ сестры зуба не водится,—Аксолотъ-Маланья поставила на плиту до верху полный поганый чугунокъ.

— Нѣтъ, водится,—застушился Пугало,—вотъ такіе въ семь аршинъ, круглые...

— Круглые!—передразнила Маланья,—круглый-то зобъ, какъ яйцо.

— Зобъ вонъ, подъ шейкой, тамъ камни хранятся, не знаешь ты!

Маланья подкладывала дровъ въ печку. Вода нагрѣвалась.

А ворону гимназисты щипали. Перья складывали они въ кучку. И тряслись надъ каждой пушинкой, чтобы потомъ изъ вороньяго пуху Аксолоту перину сдѣлать. А какъ ощипали, зажгли лучинку и стали лучинкою палить ворону, чтобы всѣ пенушки вывести.

И вывели они пенушки, принялись потрошить.

Обломаннымъ перочиннымъ ножикомъ взрѣзали зобъ: искали камней, но камней не было, а была какая-то липкая труха.

Перемазались, все перемазали: и руки и лицо и курточку.

Не отрубая головы, положили ворону въ чугуны.

Закипѣла ворона.

И пошелъ по всѣмъ комнатамъ такой смрадъ, такой духъ, хоть изъ дому бѣги.

Прибѣжала Катя, разсердилась, ворону велѣла въ сѣни вынести, а дѣтей прогнала изъ кухни.

Вотъ тебѣ и ворона!

Гимназисты потащили за собою Мухтара. Мухтаръ былъ выпивши, а когда Мухтаръ выпивши, съ нимъ весело, и вороны не надо.

— Мухтаръ, а Мухтаръ, покажи какъ ты... это дѣлаешь?—щипали и подпихивали дворника, напихивая на него вертляваго Трясогузку.

— Нельзя, нельзя,—отбрыкивался Мухтаръ.

— Да не умѣешь! да ты не умѣешь! да ты, ты не умѣешь!—дразнили, поддразнивали дворника, пока его не прорвало.

И Мухтаръ облапилъ Трясогузку.

А Трясогузка-Доронинъ далъ ему подъ-ножку, вывернулся, да и былъ таковъ. И полетѣлъ Мухтаръ къ чорту на кулички—грохнулся объ полъ.

И ползая по полу, хорохорясь, представлялъ дворникъ и выдѣлывалъ разныя такія несуразности.

Грохотали отъ удовольствія гимназисты, покатывались со смѣху.

— Ну, теперь спой, Мухтаръ, спой намъ, пожалуйста!

И поднявшійся на ноги, разморенный, запѣлъ Мухтаръ пѣсню несуразную и такимъ же, какъ весь валенный какимъ-то валеннымъ голосомъ:

Что же ты, Матрена,
Къ лѣсу не пришла,
Али ты, дурѣна,
Другого не нашла.

И остановился:

— А дальше нельзя.

— Нельзя! нельзя! нельзя! — задрознили снова Мухтара.

Просунулась въ комнату Аксолотъ-Маланья, позвала Мухтара: его въ сторожкѣ спрашиваютъ.

Мухтаръ обозлился и ругался. И, ругаясь, вышелъ.

Ушелъ Мухтаръ. Чего бы еще выкинуть? Сидѣть такъ, сложа руки, — скучно. Раздумывали.

Павлушка подговаривалъ въ потьмахъ на чердакъ лѣзть, да дѣло не выгорѣло: поймають, избыють, какъ жуликовъ.

Наконецъ, выдумали игру.

Пересчитались, кому водить, и начали.

Трясогузка и Павлушка хлестали ремнями Пугалу, а Пугало, взобравшись на стулъ, отхлестывался.

Вся игра въ томъ только и заключалась, чтобы отхлестываться.

Сначала все шло мирно, хлестались по-нарочну, потомъ перешли и по-заправду, норовя двинуть пряжкой.

Павлушка хватилъ Пугалу по лицу, Пугало не удержался и кувырнулся со стула. Кувырнулся Пугало, ударился объ полъ,—заплакалъ.

Задрадо остальныхъ.

— Нюня! Нюня! Нюня!—принялись дразнить.

— Пугало! Пугало! Пугало!—поддразнивали.

— Самъ Пугало! второгодникъ! — отбрыкнулся было Пугало на Павлушку.

— А твой отецъ—пропоица, сосудъ за обѣдней уронилъ.

— Пропоица! Пропоица! Пропоица!—наступали на Пугалу.

Пугало плакалъ.

И чѣмъ бы все кончилось, одному Богу извѣстно, да за Трясогузкой горничная пришла домой уводить.

Поднялся было и Пугало, да опять сѣлъ. Увела горничная Трясогузку. Пугало съ Павлушкой одни остались.

И стало вдругъ Павлушкѣ стыдно, что обидѣлъ онъ Пугалу.

— Пугало, поди сюда!—позвалъ Павлушка робко.

Пугало всхлипывалъ.

— Поди сюда, говорю, слышишь?

Но Пугало все всхлипывалъ.

— Давай, Пугало, слоненка унесемъ!—тронулъ Павлушка Пугалу.

— Давай.

— А какъ же мы его унесемъ?

— Стамеской.

— Стамеской не выйдетъ, долотомъ лучше.

— Долотомъ.

— А когда мы его унесемъ?

— Завтра.

— Никому не скажемъ?

— А ты дразнить не будешь?

— Я тебѣ, Пугало, козленка отдамъ, хочешь?

— Хочу.

Павлушка отыскалъ тряпочку, бережно закуталъ въ тряпочку стекляннаго любимаго козленка, чтобы козленку холодно не было, и подалъ его Пугалѣ.

— Вотъ тебѣ, Пугало, бери!

Пугало всталъ, вихры торчали и щеки горѣли.

— Павлушка,—сказалъ Пугало не по своему,— ты.. папащу... въ заштатъ выгнали... благочинный. Мы, Павлушка, съ голоду помремъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Утромъ на слѣдующій день Павлушка въ гимназію не пошелъ. Надѣлъ уже ранецъ, и подкосило.

Поставили Павлушкѣ градусникъ: жаръ. Хотѣли въ постель уложить, заартачился, не хотѣлось ложиться.

Пошелъ ходить по комнатамъ.

Въ окно смотрѣлъ.

За окномъ падалъ мокрый снѣгъ и, не долетая до мостовой, таялъ.

Таялъ снѣгъ на крышахъ, только на дровахъ у сарая лежалъ легкимъ слоемъ.

И такъ тянулось время, такъ не весело.

Такъ Павлушкѣ было не весело,—плакать хотѣлось.

Столикъ стоялъ сиротливо, — козленка не было. Жалко стало козленка. Зачѣмъ его отдалъ? Теперь у него нѣтъ ничего. И у Пугалы тоже нѣтъ ничего... съ голоду помреть. И козленокъ и Пугало.

„А слоненокъ“?

Закрывъ Павлушка глаза, сталъ на пальцахъ гадать: принесетъ Пугало слоненка или не принесетъ?

— Нѣтъ.—Нѣтъ.—Нѣтъ,—шепталъ, гадая, Павлушка.

А ну какъ никакого слоненка и нѣтъ въ шкапчикѣ, а такъ онъ его себѣ выдумалъ? И откуда взятъ слоненку въ шкапчикѣ?

А если слоненокъ на самомъ дѣлѣ сидитъ въ шкапчикѣ, то дастся-ли слоненокъ взять себя? Пойдетъ ли къ нему? Не всѣмъ вѣдь дается слоненокъ, не ко всякому идетъ. Къ Пугалѣ пойдетъ, а къ нему?

Закрываетъ Павлушка глаза, заворачиваетъ пальцами.

— Да.—Да.—Да.—шепталъ онъ, гадая.

Въ комнату сестры Кати вошелъ настроенчикъ, сталъ пьянино настраивать.

— Сѣрый слоненокъ, сѣрая мордочка,—будто выговаривая, ударяла нота.

Павлушка легъ на кровать прилечь и прислушивался.

— Сѣрый слоненокъ, сѣрая мордочка, — ударяла нота.

И представилось Павлушкѣ, будто какой-то маленькій звѣрокъ выскочилъ изъ часовъ, подползъ къ кровати, понюхалъ его и забѣгалъ по комнатѣ.

Бѣгаетъ звѣрокъ на одной ножкѣ, выпускаетъ паутину, путаетъ комнату, приплясываетъ.

И хочетъ Павлушка встать, поймать звѣрка, и не можетъ. Не можетъ онъ ни голову поднять, ни рукой тронуть.

Бѣгаетъ звѣрокъ на одной ножкѣ, паутиной путаетъ комнату, приплясываетъ, губой причмокиваетъ:

Чокъ-чокъ! Пятачекъ.

Побѣжала въ кабачекъ...

Спуталъ звѣрокъ комнату, стулья, столъ, спуталъ кровать, спуталъ Павлушкѣ ноги, спуталъ руки, путаетъ тѣло.

Сердце Павлушкино путаетъ.

— Слоненокъ, миленькій, не трогай меня!—плачетъ Павлушка.

Но звѣрокъ-слоненокъ не слушаетъ, ему и горя мало, все шибче, все прытче бѣгаетъ по комнатѣ, приплясываетъ, губой причмокиваетъ:

Чокъ-чокъ! пятачекъ.
Побѣжала въ кабачекъ...

И вдругъ для Павлушки понятнымъ становится, что не звѣрокъ это, не слоненокъ, а чортъ.

Павлушка раскрылъ глаза испуганные, ни въ чемъ не виноватые, и измученные. Въ комнатѣ сестры Кати настройщикъ настраивалъ пьянино.

У Павлушки корь.

Третій день, какъ началась корь, и теперь жарила во всю.

Въ первый же вечеръ забѣгалъ Пугало, принесъ Пугало Павлушкѣ заячью лапку.

Лапку положили больному подъ подушку, а Пугалу прогнали: заразится.

Всякій день пичкали Павлушку противною касторкой. Аксолотъ-Маланья давила капсюлю и, размазавъ касторку на кусочекъ черстваго хлѣба, подчивала Павлушку.

Отъ одного воспоминанія у Павлушки въ глазахъ мутилось.

Слава Богу, больше не надо!

Пришелъ докторъ, посмотрѣлъ языкъ у Павлушки, пульсъ щупаль.

„Павлушка не долженъ чесаться, а то хуже будетъ“.

А Павлушка почесывался: притворился, что спитъ, и самъ почесывался.

Вотъ вышла Маланья-Аксолотъ въ кухню, притворила за собою дверь плотно. И когда совсѣмъ въ домѣ затихло Павлушка соскочилъ съ кровати и, ступая босыми ногами

но холодному полу, дрожа всё́мъ тѣломъ, пробрался къ зеркалу. Глянулъ на себя въ зеркало и зажмурился. И снова съ болью впился тяжелыми глазами на свое непохожее лицо.

Не было мѣста не покрытаго краснымъ лоснящимся пятномъ, сплывающимъ съ другимъ такимъ же краснымъ и лоснымъ, и съ третьимъ, вездѣ: на лбу, на головѣ въ волосахъ, на носу, на груди.

Ощерилъ Павлушка зубы и не блестящія и бѣлыя, а мутныя теперь, мутно-зеленоватыя. Хотѣлъ языкъ совочкомъ соорудить, а языкъ тяжелый, не поворачивался.

Шепталъ Павлушка нестерпимо чешущимися губами и гримасничалъ, — не узнавалъ себя.

И вдругъ понялъ, что отражается въ зеркалѣ, смотреть на него изъ зеркала не онъ ужъ, — онъ умираетъ и скоро умереть.

Шатаясь, отчаянный подползъ Павлушка къ кровати, надернулъ на себя одѣяло и, въ страшномъ холодѣ и тоскѣ недѣтской, скорчился.

И ему казалось, онъ большой и не только большой, а старый, какъ тотъ старикъ-священникъ.

— Владычица, прости меня!

Комната наполнялась ходомъ часовъ, слышалъ Павлушка, какъ часы ходили и ходили они будто на длинныхъ ногахъ въ мухтарскихъ валенкахъ, ходили по комнатѣ вокругъ кровати, шлепали:

— И тебя! не уйдешь!

Павлушка нащупалъ подъ подушкой заячью лапку, схватился за лапку, какъ за послѣднюю соломинку, но не поддалась лапка, выюркнула изъ рукъ. И стала лапка подъ одѣяломъ прыгать, проскочила ему за воротъ подъ сорочку, выпустила коготки, зацарапала по голой спинѣ.

— Лапка! лапочка! — стоналъ Павлушка.

Но удержу ей не было.

И все пришло, все сошлось, чтобы мучить Павлушку. Казалось ему, прилетѣла ворона ошипанная, пустая, безъ внутренностей, усѣлась синяя надъ головой, разинула клювъ. Вышелъ слоненокъ изъ шкапчика, выгнулъ хоботь, поймалъ за ногу и потянулъ Павлушку съ кровати на полъ. На полу дьяконъ ползалъ—отецъ Пугалы—растерзанный, что-то красное—причастіе—собиралъ въ горсть, чмокалъ пьяной губой. И сыпались сверху съ потолка на Павлушку ножички, стрѣлки, машинки, коробочки, картинки, кораблики, раковинки, бальники, двойки, стрѣляли, давили, рѣзали, крышками защемляли пальцы, царапались...

И ужъ не видѣлъ онъ ничего, ничего не слышалъ, онъ летѣлъ куда-то въ пропасть, онъ летѣлъ на закоркахъ у чорта, летѣлъ не по бѣлому свѣту, а по чортову полю.

И представилось Павлушкѣ, идетъ онъ будто съ сестрою Катей по огромной, широкой каменной площади на чортовомъ полѣ. Схватились они за руки, торопятся. И жутко и страшно имъ, и куда идутъ—сами не знаютъ. Одно знаютъ, пришелъ конецъ.

И нѣтъ имъ спасенія.

Знаютъ они, кто-то, какой-то старикъ слѣпой и гадкій подстерегаетъ ихъ. Онъ давно подстерегаетъ ихъ.

И нѣтъ имъ спасенія.

И чувствуетъ Павлушка, что старикъ ужъ тутъ. Да вонъ онъ блѣдный, изможденный, съ зеленоватою бородой, какъ бондарь. Старикъ сталъ на тумбу, вотъ-вотъ бросится...

И нѣтъ имъ спасенія.

Схватилъ Павлушка тяжелый ломъ, ударилъ старика, ударилъ старика по лысинѣ. Бьетъ и самъ чувствуетъ, что силъ ужъ нѣтъ больше, нѣтъ силъ еще разъ поднять ломъ. А старикъ поднимается съ тумбы, блѣдный, изможденный съ зеленоватою бородой, какъ бондарь.

— Слава тебѣ показавшему намъ свѣтъ!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Много недѣль провалялся Павлушка.

Вытянулся Павлушка, глаза потемнѣли, и все будто вновь: слушалъ онъ каждое слово, каждому слову радовался и предмету.

Потомъ скучища напала смертная. Никого къ нему не пускали, а самому не позволяли изъ дому выходить.

Ушла осень, пришла зима.

Все стало бѣлое, снѣгъ похрустывалъ.

Выбѣжать бы на улицу, да въ снѣжки!

Играли другіе.

А что толку въ окно смотрѣть, какъ играютъ другіе.

Скучища была смертная.

И вотъ, наконецъ, на Катины именины, въ первый разъ Павлушка на волю вышелъ.

Появились въ домѣ Трясогузка и Пугало.

Подъ орѣхъ раздѣлывали, чего они только не выкидывали

Да всему есть конецъ. Прогнали ихъ въ комнаты.

И весело было на именинахъ у Кати, какъ никогда.

Пили красное вино, ѣли мороженное. Отмочилъ Павлушка колѣнцы: вымазалъ себѣ носъ табакомъ.

— Сытъ, иьянъ и носъ въ табакѣ!

Вымазались Трясогузка съ Пугаломъ, вымазали Мухтара и Аксолота—Маланью. Потомъ передрались, перецаранились, а кончили миромъ.

Слононокъ все равно ихній будетъ!

Мухтаръ досталъ плоскозубцы, — у нихъ есть теперь плоскозубцы, а плоскозубцами все можно.

Завтра пойдетъ Павлушка въ гимназію.

Завтра же они отопрутъ шкапчикъ, вынуть слоненка.

Запрягутъ они слоненка въ санки, и помчится слоненокъ по улицамъ мимо гимназiи въ поле.

— Будемъ кричать и пѣть во все горло!

— Ничего не будемъ бояться!

— Нацѣпимъ слоненку на мордочку красную ленточку!

— Порвемъ книжки и бальники!

— На край свѣта поѣдемъ!

Гимназію къ чорту!

1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Неуемный бубень	11
Царевна Мымра	85
Чортикъ	109
Судъ Божій	147
Жертва	167
Занофа	187
Слоненокъ	203

Сочиненія Алексѣя Ремизова.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ:

Разказы: Неумный бубень, Царевна Мымра, Чертикъ,
Судъ Божій, Жертва, Занофа, Слононокъ. Ц. 1 р. 25 к.

ТОМЪ ВТОРОЙ:

Разказы: Часы, Въ плѣну, Пожаръ. Ц. 1 р. 25 к.

ТОМЪ ТРЕТІЙ:

Разказы: Крѣпость, Святой вечеръ, Безъ пяти минутъ
баринъ, Придворный ювелиръ, Серебряныя ложки,
Музыкантъ, Опера, Мака, Таинственный зайчикъ,
Бѣдовая доля. Ц. 1 р. 25 к.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ:

Крестовыя сестры, Казенная дача, Эмаліоль, Новый годъ,
Бибка. Ц. 1 р. 25 к.

ТОМЪ ПЯТЫЙ:

Посолонъ, Лимонарь, Къ морю, Океану, Скачки. Ц. 1 р. 25 к.

ТОМЪ ШЕСТОЙ:

Пьесы: Бѣсовское дѣйство, Трагедія о Іудѣ, Дѣйство о
Георгіи. Ц. 1 р. 25 к.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ:

Прудъ, романъ, изд. 2-е. Ц. 2 р.